

Колдовские

Миры

Приключения ведьмочки

МОЙ ЛИЧНЫЙ ВРАГ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

«Все маги подлые, наглые, бесстыдные бабники» – истина, известная каждой ведьмочке. «Боевые маги – самая худшая категория магов» – это вообще каждый в королевстве знает. «Ведьмы обучаются только в закрытой Ведической Школе» – аксиома. Но вопреки всем законам логики, министерство направляет тринадцать ведьмочек доучиваться выпускной год в Академии прикладной магии, в самое логово адептов боевого факультета. И придется ведьмочкам в экстренном порядке озаботиться вопросами выживания. Например, выяснить, как избавиться от настырных ухажеров? Чего боятся боевые маги? Чем можно насолить ректору Академии? Как за семь дней пробудить в мужчине зверя, рогатого и копытятого? И что делать потомственной ведьмочке Ярославе, если этому самому пробужденному она умудрилась проиграть спор? Да только озаботиться вопросами выживания придется магам и демону, ведь древняя истина гласит: «Связываться с ведьмочками себе дороже!»

-
- [Елена Звездная](#)

-

Елена Звездная

Мой личный враг

Неторопливые переливы медленного танца, кружащиеся пары танцоров и два одиноко стоящих человека. Я, не отрывающая взгляд от скотины, испортившей мне весь учебный год. И он – насмешливо взвизгивающий на мое испачканное платье для выпускного бала.

– Сдаешься? – улыбнулся Инар.

– Благодарю за приглашение, – стараюсь не шипеть, – но я подожду своего партнера.

– Аниас не придет, – загадочно ответил лучший боевой маг академии.

Я задумчиво сковырнула остатки пирожного с платья и произнесла имя запасного варианта:

– Людвиг?

– Ногу сломал. Так неудачно, и в медпункте как раз все... немного выпили.

– Ташши?

– У него что-то с дверью... не открывается, – на аристократической роже промелькнуло весьма ехидное выражение, и он добавил: – Кстати, через эти двери, – Инар кивнул в направлении высоких дверей зала, – не пройдут и остальные претенденты на твою руку в этом танце. Магия рода, знаешь ли, это даже ректору снять не под силу. Сдавайся.

Я выругалась, все еще не веря в то, что капкан захлопнулся, и решила... плыть по течению, в смысле использовать последний довод.

– Не хочется как-то. И танец уже заканчивается.

Инар медленно растянул губы в улыбке, и я поняла, что музыканты продолжают и продолжают играть. И, судя по всему, играют не по своей воле.

– Сдавайся-а-а, – протянул гад бессовестный.

Кажется, пари я проиграла!

* * *

А начиналось все так славно! Я, Ярослава Лирская, самая обычная ведьма, поступала в Академию прикладной магии на экспериментальное

направление «Предвидение и способы применения». Раньше ведьм в это заведение и на порог бы не пустили, мы тихо-мирно оканчивали свою Ведическую школу и расходились по городам и весям. Так нет же, далась им эта идея о совместном обучении!

– Яра, а куда мы сейчас? – спросила моя подруга Белинда, испуганно озираясь.

– К ректору, – хмуро ответила я.

– А как мы пройдем? – к нам подошла еще одна ведьмочка из нашей чертовой дюжины.

– Будем брать штурмом!

Увы, ничего иного нам не оставалось. Занятия в Ведической школе начинались на два дня раньше, но в первый же день нас, тринадцать самых несчастных ведьмочек выпускной группы, вызвали к Верховной ведьме, и мы узнали потрясающую новость:

– Девочки мои, этот год доучитесь в Академии прикладной магии.

Едва «радостная» информация до нас дошла, мы, совершенно не сговариваясь, попытались изобразить повальный обморок вкуче с резким приступом поветренной морвы.

– Плохо, девочки, плохо, – пожурела Верховная, – ожидала от вас большего. Я перед главным даже родовые потуги изображала...

– И как? – мгновенно оживились тринадцать ведьмочек.

– Сказал, что, если бы сделал мне четвертого ребенка, он бы об этом помнил, – печально ответила ведьма.

Мы с девочками переглянулись. Об этой истории знали все, правда, больше по слухам. Так вот, поговаривали, что однажды один некромант завернул в деревеньку, где у ведьм полевая практика шла полным ходом – ромашку собирали. Ну и некромант решил подшутить над юными и невинными – оживил скелет, покоившийся на речном склоне. Ведьмы завизжали, помчались прочь, а руководитель практики самоотверженно бросилась на защиту воспитанниц. Не ожидавший подобного самопожертвования некромант едва успел уничтожить умертвие и подхватить падающую в обморок ведьму. А потом Василина открыла свои васильковые очи, и пропал некромант с первого взгляда. Правда, ведьма ему попалась упрямая и своевольная и до замужества дико неохочая. Уж на что только не шел некромант ради любви! А чего только Василина из-за этой самой любви не вытерпела. Одни лишь умертвия, несущие не букеты – стога цветов, чего стоили! А руководство Ведической школы никогда не забудет поднятое кладбище, распевующее во всю мощь разлагающихся глоток «Василена, тебя люблю, жить без тебя не могу!»

Говорят, после того случая ведьма решилась на крайние и жестокие меры – написала маме. Будущая теща ночью примчалась в столицу, как и полагается, на метле и застала будущего зятя пьющим в обществе воскрешенного дракона. Некромант, менее всего подозревавший в разъяренной ведьме будущую родственницу, принял ее с распростертыми объятиями. Накормил, напоил, и после этого утратившая бдительность ведьма поняла, как влипла: несчастный безответно влюбленный мужчина нашел свободные уши. А дракон свалил – сказал, что пойдет и сам закопается. Закопался, да так, что во дворе министерства управления магией колодец появился, о-о-очень глубокий.

Василена Владимировна сдалась на пятом году ухаживаний, под активным давлением жителей городка, руководства, всех учениц и собственной мамы. Счастливый и довольный некромант примчался к любимой на белом крылатом жеребце, которого уволок у самого короля. Но король особо не обиделся, так как на некромантов вообще лучше не обижаться... а то потом и помереть страшно. И вот теперь у нашей Верховной имеются сын, две дочки и муж, ревнивый настолько, что в Школе давно нет амулетов для обнаружения умертвий – что ни делай, а штук двадцать усопших обязательно следят за Василеной Владимировной. Кстати, некромант, в отличие от большинства мужей, очень любит тещу. Она его тоже... трезвого и на расстоянии!

– Тут вот в чем дело, девочки, – продолжала Верховная, – поговаривают, война не за горами. В связи с чем решено использовать ведьм-предсказательниц.

– Так прорицатели же есть! – простонала Варвара.

– И их тоже, – Василена Владимировна тяжело вздохнула, – всех, кого можно привлечь, всех используют. А у вас, девочки, лучшие оценки по предсказаниям.

Мы разом начали ковырять носками пол, изображать невинность и делать вид, что нас тут нет. По предсказаниям у нас ведьмак Федор Феоктистович, а он пить изволит. Вот и дает экзаменационное задание – сказать, где у него бутылка запрятана. Ну мы, недолго думая, купили каждая по бутылке да и запрятали в разных местах. Потом, получив по высшему баллу, чуть ли не шабаш от радости устроили... Допредсказывались! А теперь и признаться страшно, да и не поверят, наверное.

Однако мы все равно попытались и к исходу того же дня все по одной перебивали у Верховной с чистосердечным признанием. Нам не поверили... но баллы снизили.

Вот так вот мы и оказались в самой столице, аккурат во дворе Академии прикладной магии имени Визеуриса Молниеностного. Нас должны были встретить в порту, но почему-то никто не встретил. Маги вообще народ забывчивый, мы это сразу знали и даже не удивились, но обиделись. И пришлось лететь над городом средь бела дня, а там люди. Потом пролетать над стеной академии, а там привратники. Люди просто пальцами тыкали, привратники фаерами сбить пытались, хорошо хоть на метлах защитное поле стоит. Стену-то мы перелетели, с духами-охранниками разобрались, но на этом наше везение закончилось.

Испуганной серой стайкой мы сжались около входа. Мимо нас проносились маги и магини, овеянные силой и защитными заклинаниями. Время от времени где-то что-то гроыхало, и очередной маг вырывался из дверей с перекошенным от ярости лицом. Тестостерон зашкаливал даже у магинь, что уж о парнях говорить.

– Может, подождем до вечера? – предложила Рогнеда.

Из дверей вылетел очередной взбешенный маг, встал посреди двора, воздел руки к небу. Из растопыренных пальцев его вырвались молнии. В небесах гроыхнуло, и разобиженное небо послало в студента настоящую, нерукотворную молнию. Менее красивую, зато более действенную. Парень ойкнул и повалился на землю. Из приоткрытого рта пошел дымок.

На жертву кары небесной никто не обратил ровным счетом никакого внимания. Маги-недоучки продолжали сновать вперед-назад, то погруженные в талмуды, то проговаривающие заклинания, то ведущие на силовых поводках всякую мерзость – от василисков до умертвий. И толпа благополучно обходила лежащего.

– Мы здесь все умрем, – выдала Любава.

– Давайте подождем до вечера. Они уснут или умрут, и пройдем, – повторила вышеозвученное предложение Рогнеда.

– Ректор ждет нас к полудню, не успеем – нам влетит, – не согласилась я. – Возьмем двери штурмом!

В это время со стороны ворот показался отряд. Около сорока зомби в военных доспехах чеканили шаг вслед за невзрачным некромантом, погруженным в чтение исписанных листов. И я решилась на активные действия. С осторожностью, то обходя, то обегая магов, я приблизилась к неторопливо шагающему некроманту, у которого с тыла была защита и потому имелаась надежда, что из-за его спины на меня не выскочит некий невидимый до поры адепт.

– Простите, любезный, – начала я, – вы не подскажете...

Парень оторвался от зубрежки, посмотрел на меня блеклыми, словно выцветшими, глазами, а в следующую секунду хищно улыбнулся и почти пропел:

– Смотрите-ка, ведьмочка!

Нехорошее предчувствие холодком пробежало по спине.

– И без щита, – продолжил некромант, теперь глаза его сверкали каким-то нечеловеческим голубоватым сиянием, – и без магии, и без защиты!

– Где? – донеслось снизу, и тот самый молнией «обласканный» мгновенно поднялся. – Действительно ведьмочка!

– Ведьмочка? – донеслось и справа, и слева, и я оказалась окружена толпой магов.

Двое некромантов, четверо стихийников, среди них тот, которого молнией грохнуло, от чего у него на макушке красовалась проплешина, а еще огневики и даже воздушники. И все такие восторженные!

– Ведьмочка, – пропела магния, у которой на шее мирно почивала огненная саламандра, – а что ты тут делаешь?

Вот примерно с таким выражением лица мы обычно обращались к лягушкам, которых собирались препарировать. Нервно сглотнув, я огляделась – отовсюду на меня смотрели жадно и оценивающе.

– А я тут... учусь, – простонала я.

Маги на мгновение оторопели, а после на весь двор раздался громовой хохот. И он только нарастал. В какое-то мгновение я даже начала лучше относиться к умертвиям, которые, в отличие от магов, хранили на изъеденных живностью лицах безразличное выражение. И вот когда апофеоз ситуации был налицо, кто-то где-то громовым голосом возвестил:

– Девяносто баллов! Лучший результат за всю историю академии!

Все ржать перестали, повернулись к дверям и стали аплодировать. Так как толпа несколько раздвинулась, у меня появилась возможность увидеть говорящего. Высокий широкоплечий длинноволосый шатен в ярко-алом плаще жестом гордого льва вскинул голову и возвестил:

– Чествуйте лучшего ученика Академии прикладной магии, самого Аниасанна Герноа!

Аплодисменты стали громче, в небо полетели салюты, что-то где-то загромыхало, адепты засвистели. А этот самый Аниасаннар... тьфу ты, язык сломать можно, вскинув руки вверх, горделиво кивал, принимал и поздравления, и всеобщее преклонение.

И вот пока он там так стоял, из дверей вышел парень пониже ростом, и в плечах не такой широкий, и одет скромненько во все темное, и волосы

темные до плеч только, а глаза такие черные, чуть раскосые. И эти глаза насмешливо оглядели творящееся безобразие, отыскивали незаметную меня. Одна бровь парня поползла вверх, усмешка исказила точеные губы, после чего он подмигнул мне и улыбнулся. На секунду мне показалось, будто мы остались одни посреди беснующейся толпы. А еще сердце разом ухнуло куда-то, дыхание перехватило, и вдруг возникло чувство полета.

Парень тем временем положил руку на плечо победителя и лениво так, растягивая слова, произнес:

– Остынь, Аниас, у меня сто двадцать.

Длинноволосый шатен выругался, движением плеча сбросил ладонь темноволосого, развернулся, гневно рыча, и исчез в проходе. Во дворе же царила мертвая тишина. Потом какая-то магичка, повысив голос, заявила:

– Инар, за практику больше ста не ставят!

Но темноволосый ее не слушал и на скрытый вопрос отвечать не торопился. Ленивой, плавной походкой он сошел со ступеней так, как мог бы сойти с трона наш повелитель, и неспешно, неотвратно направился ко мне. Мне почему-то хотелось и убежать и замереть одновременно. А еще появилось желание волосы поправить, юбку одернуть или хотя бы перестать на него смотреть. Но я глядела не отрываясь, не в силах отвести взгляд.

И когда маг приблизился, спокойно пройдя через расступившуюся толпу, я уже успела раз пять умереть и воскреснуть, и губу искусать, и испугаться. А темноволосый подошел, остановился на расстоянии вытянутой руки и протянул:

– Ведьмочка...

И я перестала бояться. Это из той серии, когда воробей на вопрос «ты кто?» отвечает: «Я орель. Просто в детстве болель!» Вот и я также!

– Не ведьмочка, а ведьма! – рявкнула я во все ведьминское горло. – Буду здесь учиться! А ну расступись!

Никто и не пошевелился. Темноволосый с каждым моим словом только шире улыбался, остальные и вовсе опять подхихикивать стали.

И тут хвастун Аниас снова выбежал на порог и как заорет:

– Инар! Ты солгал!

– Не спорю, – не оборачиваясь и не отрывая от меня взгляда, ответил темноволосый.

– У тебя сто пятьдесят баллов! – рявкнул Аниас. – Сто пятьдесят гребаных трольих баллов!

– Плевать, – все так же глядя на меня, ответил темненький. Затем обратился ко мне: – И как нас зовут?

– А кто там? – все так же громко с того же самого порога поинтересовался хвастун-говорун.

– Никто, – промурлыкал темненький. – Для тебя совершенно никого нет... здесь только моя ведьмочка.

И я поняла, что будет штурм. Иначе нам эту высоту не взять. Сунув руку в карман, я грубовато приказала магу:

– Уйди!

В ответ – ослепительная улыбка во все тридцать два ровных белых зуба.

– Сам напросился! – мстительно произнесла злая ведьма, то есть я.

В следующее мгновение рука с порошком была поднесена к губам, и я дунула изо всех ведьминских сил.

Мы, ведьмы, магических сил не имеем, это правда. Но ведьма – от слова ведать, а ведаем мы многое, не зря у нас такая широкая специализация – и роды принять можем, и от хвори излечить, и даже умертвие успокоить, коли сильно досаждают будет. Ну а от нахалов имеем средство опробованное, Верховной ведьмой нам щедро отсыпанное – порошок из перца! И тут главное – распылить верно, а затем смыться в обратном от распыленного порошка направлении. Ну так я и отступила назад, а затем вбок, и, пока маги с неизвестной им напастью воевали, мы с ведьмами, которые за кустами дрожали, и прошмыгнули в академию.

– Двери, двери-то запирай, – затребовала Любава. Мы с Варварой сноровисто створки и прикрыли, а Людмила ловко засов задвинула.

И тринадцать ведьм, придерживая юбки, бросились вперед по коридору разыскивать кабинет ректора. А позади дрожали и скрипели двери, но мы точно знали – эти выдержат. Уж если они в магической академии, то все выдержат. Иначе бы они тут не стояли.

Бег наш продолжался ровно до появления в коридоре высокой фигуры в черном балахоне. Мужчина остановился, удивленно взглянул на нашу компанию и не менее удивленно произнес:

– Ведьмочки?

Мы остановились так резко, что Людмила и Варвара едва меня не сбили, я же попыталась задать вопрос:

– А будьте так любезны... ху-у, надо бегом заняться... Так вот, будьте любезны... ух, сейчас отдышусь... – Пока мы все старались отдышаться, маг с улыбкой оглядывал нашу запыхавшуюся компанию. – Так вот, а скажите, уважаемый, где ректор?

В следующую секунду послышался оглушительный треск! Мы

стремительно обернулись и узрели, как массивные двери осыпались трухой, открывая проход разгневанному темноволосому магу!

И тринадцать ведьмочек испуганно отступили за спину преподавателя, надеясь и на защиту, и на то, что он сейчас темноволосому за дверь-то навалит.

– Адепт Арканэ! – воскликнул преподаватель. – Вы сломали двери!

Ну все, подумала я, сейчас кто-то вылетит из академии! И даже появилось желание гаденько так похихикать. Но, увы, тут все были ненормальные!

– Коллеги! – возопил ненормальный учитель. – Вы должны это видеть!

Из тех самых дверей, откуда вышел этот... сумасшедший, вывалились до двух десятков магов в хламидах, изумленно взглянули на покореженный вход, и понеслось.

– Адепт Арканэ, высший балл по боевой магии! – восторженно заявил мужчина в красном одеянии.

– Блестяще, просто блестяще! – магиня в синем даже поаплодировала. – Адепт Арканэ, ваши успехи бесконечно радуют.

В нашем ведьминском стане раздался недовольный вой Бажены, после чего та простонала:

– Это ужасно! Это просто ужасно, он двери выломал, а его за это еще и по головке гладят... Что за несправедливость?!

– Маги, – грустно ответила Варвара, – у них все не как у людей.

Преподавательский состав Академии прикладной магии имени Визеуриса Молниеностного стремительно повернулся к нам.

– Мы все умрем! – прошептала Любава.

– Ведьмочки... – протянули маги разом.

Но тут же нахмурились. И лица стали сосредоточенные. Первой заговорила молчавшая до этого магиня в серебристой хламиде:

– Коллеги, а кто должен был встречать новых учениц на пристани?

Двое магов вдруг побледнели, один шлепнул себя по лбу, второй выругался. Остальные укоризненно смотрели на них.

– Главный нас убьет, – простонал тот, который избил собственный лоб.

– Он Верховной ведьме лично обещал, что девочек встретят, чары наложат и никто не узнает... – протянула все та же магиня в серебряном.

– А мы увлеклись работой Арканэ и забыли, – удрученно произнес один из двух провинившихся магов.

И тут я решила вставить пару слов:

– Точно, это он во всем виноват! – и указала на темноволосого.

Маги переглянулись, тяжело повздыхали, и еще одна магичка,

в зеленом, с такой же зеленой тоской в голосе выдавала:

– Нет, ректор не поверит.

– Это да, – разом согласились оба разгильдяя. И уже нам: – Пошли, ведьмы.

То есть это мы во всем виноваты! Ну как всегда: чуть что, так сразу ведьмы!

* * *

– Ярослава, Святомира, Людмила, Любава, Варвара, Василиса, Белинда, Бажена, Видана, Рогнеда, Милолика, Цветана, Ярина, – зачитал наши имена ректор этой сумасшедшей академии Ваэдан Шмидкович.

Мы стояли перед ликом одного из сильнейших магов современности, угрюмо взирая на оното. Маг весело скалил зубы, раздавал комплименты и спрашивал, как мы добрались.

Бажена, несмотря на блаженное имя, не сдержалась первая:

– Знатно добрались! Чуть не прибили нас в процессе прибытия, но что есть, то есть – добрались знатно!

Ректор едва заметно поморщился, но тут же снова лучезарно улыбнулся:

– Ну что вы, дорогие ведьмочки...

– Ведьмы мы! – рявкнула Цветана. – Ведьмы! Я же вас «магичком» не называю!

– Старичок-магичок, – задумчиво отозвалась Святомира, – а что, звучит...

– Вы устали, – сообразил ректор.

Сообразительный...

* * *

– Чья была идея сдать предсказание, а? – Милолика, она только когда спит, добрая, в остальное время значение ее имени бывает в жестоко попранном состоянии, а лицо в искривленном гневом положении. – Кто, я вас спрашиваю?!

Молчу, ибо горилку оптом именно я покупала.

– Мы все умрем! – Любава залилась слезами.

– Да заткнись ты! – разом рявкнули ведьмы.

Любава заткнулась, наморщила лобик, подумала и вспомнила:

– Ярослав, так это ж твоя идея была!

– Мы все умрем, – выдала я.

Проблема в энергии – у нас ее много, мы ресурсные, а магам всегда не хватает. В обычное время ведьмы защищены законом, да и контролировать отдачу энергии могут, но ведьмочки до посвящения беззащитны перед магами, как новорожденные дети. И тянет магов к нам словно магнитом, а уж если и у ведьмочки ответная реакция пошла, тогда не отвяжется маг от нее. И чем он сильнее, тем притяжение мощнее. Тут уж и кладбищам, и драконам не поздоровится. А мы, ведьмы, народ гордый, мы настоящей любви хотим! Чтобы чувства росли, как дерево, медленно и долго, чтобы цвели так, что дух захватывает, чтобы... Эх!

– Так, – Рогнеда уверенно поднялась. – Ректор нам защиту обещал? Обещал! Опять же преподаватели нас одних не оставят!

– Да они нас вообще забыли! – напомнила Ярина. – И что-то не заметила я, чтобы эти самые преподаватели сильно себя сдерживали.

– Ректор, и тот... – Видана выругалась.

– А мы будем держаться вместе! – упорствовала Рогнеда. – И вот где они все у нас будут! – ведьмочка сжала кулак, демонстративно потрясла им в воздухе. – Вот где!

В этот самый миг в воздухе материализовалось нечто, медленно спланировало на кулак оторопевшей Рогды и раскрылось цветком. После появилась и надпись: «Привет, я Инар. Передай эту часть флоры той темненькой».

Я вскочила с постели, на которой сидела до этого эпического момента, схватила несчастную «часть флоры», подошла к окну, распахнула его и гордо выбросила цветок... Растение шлепнулось на что-то, что как раз незримым напротив окна располагалось. Это незримое обрело черты темноволосого мага, и он выдал:

– Попалась!

– Яра, – прошептала Рогнеда, – на окне же защита была...

– Именно, – торжествующе подтвердил темноволосый.

Чем хороша ведьма? Ведьма всегда действует нестандартно. Я посмотрела на мага, простерла к нему руки и завопила:

– О, возьми меня стоя!

Уже подлетающий к окну индивид удивленно завис. Я гордо запахнула створки, после еще и занавеску задвинула. И ничего сложного!

– Яр, – задумчиво протянула Варвара, – а чего ты только что сказала?

– Заклинание ступора, – врала я на ходу.

– Надо запомнить, – решила Варя.
– Не надо, – Бажена хмыкнула, – они же воспринять буквально могут и исполнить в придачу.

Юные ведьмочки густо покраснели. Нам можно, мы еще посвящение не прошли и мудрыми женщинами не являлись.

Вечером в нашу камеру предварительного заключения принесли ужин. Две самые обычные домовые сноровисто раскладывали стол, приборы, нехитрую снедь, все расспрашивая нас и расспрашивая о селах, лесах, горах.

– Так вы связанные? – догадалась Бажена, аккуратно к середине супа в ее тарелке.

Домовихи тяжело вздохнули и кивнули.

Чертова дюжина обозленных ведьмочек, не сговариваясь, поднялась из-за стола и встала в круг. Мы, конечно, не маги, но разрушать чужие заклинания можем, и еще как! Правда, стол пришлось убирать самим.

Перед сном заявился ректор. Потоптался на пороге и, стараясь смотреть под ноги, спросил, кто пойдет ночевать в другую комнату. По правде говоря, тринадцать – это немалое число для относительно скромного по размерам помещения, но мы разделяться отказались наотрез. Немного поколдовав, ректор создал нам дополнительные спальные места и, уже уходя, полюбопытствовал, не видели ли мы тут домовых?

– Нет! – последовал общий слаженный ответ.

– Опять стихийники балуются, – с тоской протянул Ваздан Шмидкович.

* * *

Ночь прошла относительно спокойно, разве что к утру цветы устилали пол, а ведьмы были злые, ну как все ведьмы. Запах флоры несколько мешал дышать, а окно открыть страшно – за ним то и дело мелькали чьи-то силуэты.

Зато утром возникла такая большая и непредвиденная проблема по имени Бажена!

– Я на тебя проклятие нашлю! – вопила под дверью ванной комнаты Рогнеда.

– Изыди, – меланхолично отзывалась ведьмочка, наслаждаясь

утренним душем.

Тринадцать ведьм и одна ванная, это страшно.

– Я все твои жиденькие волосенки повыдергиваю, – орала Милолика.

Любава и Людмила развлекались тем, что подбрасывали подвявшие цветы ногами и смотрели, как те опадают. Варвара, я и Ярина надеялись еще поспать. Белинда и Видана уже оделись и, стоя у окна, старались пересчитать все заклинания, коими окно пытались открыть. Святомира и Цветана, плавно поднявшись, пошли помогать Милолике и Рогнеде ломать двери. Обычное общаговское утро имело место быть здесь и сейчас.

– Интересно, – протянула Варвара, – у магинь случаются битвы за ванную?

– Им-то зачем. – Людмила подкинула один цветок особенно высоко, и тот шмякнулся ей на голову. – Они заклинание прочитали, и сразу же марафет, макияж, душ получили.

– Три в одном, – Варвара нахмурилась.

В двери постучали.

Любава, как была в ночной рубашке, пошла открывать. Мы-то в таком виде и по коридорам утром шлепемся, да и в столовую нередко забредаем, у нас одни женщины, чего стесняться.

За дверью оказался ректор. Ваэдан Шмидкович нервно закашлялся, но Любава в этом плане была непробиваема.

– С добрым утречком, – молвила дева, поводя оголенными покатыми плечами.

Маг с ужасом осознал, что стыдиться придется ему, и направил жаждущий поддержки взор на собственные туфли.

– Доброе утро, дорогие ве... адептки. Мы с коллегами посоветовались и решили выдать вам амулеты, – ректор протянул связку кулончиков.

Любава взяла и, покачивая широкими бедрами, неторопливо направилась к нам. Разносить. Мы все взяли по кулону, Рогнеде и Милолике Любава тоже поднесла, а Бажена высунула ручку в пене из-за двери.

Дальше произошло нечто!

Рогнеда сноровистым движением схватила доверчиво протянутую длань Бажены, вытянула деву из-за двери, швырнула на Милолику и скрылась в ванной.

Битва была выиграна.

Ведьма, прикрытая лишь пеной, и то не полностью, в ярости оттолкнула Милолику и понеслось:

– А чтоб тебя лешие споили, ведьма проклятушая! Чтоб тебе

кикиморой стать! А чтоб тебя... – беснующаяся Бажена рванулась к двери ванной и заколотила в нее кулаками.

От входной двери раздалось невнятное бормотание – ректор, видимо, поскользнувшись на клочке пены, начал сползать на пол, пытаясь хоть за что-нибудь уцепиться.

– Ба-аж, – протянула Милолика, – тебя ничего не смущает?

– Меня?! – Бажена от ярости запрыгала на месте, избавляясь от остатков пены. – Меня это бе-е-есит! – вопила ведьма.

Ректор, наверное, выполз. По крайней мере, мы не видели, как он поднимался, да и как ретировался тоже.

К тому моменту, как другой преподаватель принес нам расписание и сообщил, что будет ждать за дверью, чтобы провести в столовую, все уже успели принять ванну. И, причесывая длинные волосы – надо соответствовать классическому образу, – мы меланхолично выслушали расписание, которое соизволила прочесть Рогнеда.

– Утренние лекции: какое-то право, боевая магия, физические упражнения. Послеобеденные лекции: трансформация материи, прикладная некромантия и чего-то там сложночитаемое с защитой. Вечерние лабораторные: физические упражнения, практикум по прикладной некромантии. – Оторвавшись от листка, Рогнеда удивленно спросила у кого-то: – Они что, с дуба рухнули?

И мы позвали мага, который ждал за дверью. Преподаватель водной магии Иллориус, стараясь не смотреть на нас, осторожно взял листок, судорожно прочитал и удивленно выдохнул:

– Это же не ваше расписание!

– Мы на это надеемся! – воинственно выдала Бажена.

– Это расписание факультета Боевой магии, – маг казался расстроенным, – как же так, как же я перепутал?

Мы деликатно помолчали, а лично я косу доплетала.

– Адептки... у вас первое занятие... со мной, – печально протянул маг, – а после я разберусь с вашим расписанием. Следуйте за мной, не отставайте.

И мы последовали. Тринадцать ведьмочек в черных закрытых платьях, где только воротничок и манжеты белые и с эдаким незатейливым кружевом. В Ведической школе мы еще и белые переднички носили, но тут решили обойтись без излишеств и вместо белых, прозрачных и кружевных надели серые рабочие и с массой кармашков. Не пустых, естественно. Захватив по единой ученической тетради, одной на все предметы, мы разбились на пары и последовали за Иллориусом.

Завтрак проходил под всеобщим пристальным вниманием. Нам выделили место за преподавательским столом, точнее, к нему придвинули дополнительный. И даже меню было учительское. Одна проблема – сами преподы.

– Дорогие адепки, – начал высокий светловолосый мужчина, судя по фиолетовой мантии – заклинатель, – как вам в стенах Академии прикладной магии?

Вот какой смысл задавать вопросы, если ответы никому не интересны? Мы все прекрасно осознавали причины заинтересованности преподавательского состава, но не у всех хватило нервов и далее играть в игру «маленькие глупенькие ведьмочки не понимают, чего от них так сильно хотят».

Бажена встала, демонстративно подошла к магу, склонилась над оторопевшим мужчиной и поцеловала в губы.

– Достаточно? – спросила щедро отдавшая свой энергетический заряд ведьма. – Теперь мы можем спокойно поесть?

Некоторое время маги действительно молчали, но затем тот самый заклинатель вновь заговорил:

– Это ваша дневная норма?

– Утренний заряд бодрости, – честно ответила Бажена, бросив недовольный взгляд на Рогнеду.

Да, после сражения за ванную у обеих этот самый заряд утренней бодрости зашкаливал.

– Простите, – магиня в зеленом тоже страдала от любопытства, – а амулеты сейчас на вас?

Мы все демонстративно достали кулончики из-за воротников, чуть поразмыслили и оставили их лежать поверх формы. И тут же почувствовали, что в столовой стало значительно спокойнее.

– А, так их не ближе к телу носить нужно? – сообразила Варвара.

– Нет, – магиня натянуто улыбнулась, – они визуального воздействия.

Дышать сразу стало легче всем нам, кроме Бажены. Заклинатель то и дело бросал на нее влюбленные взоры, и амулет не спасал.

– В любом случае результат есть, значит, амулеты действуют, – задумчиво произнес седой и сгорбленный старичок, сидящий на дальнем от нас крае стола. – Думаю, стоит продвигаться в данном направлении, и через несколько дней у ведьмочек будет адекватная защита от адептов.

– Поддерживаю, – высказалась магиня в золотом.
– Ближе к зиме сможем начать эксперименты, – маг в черной сутане криво усмехнулся.

Мы с девочками переглянулись, и Любава высказала уже набившее оскомину:

– Мы все умрем!

* * *

День прошел относительно спокойно. Утренние лекции мы провели изучая способы уничтожения заклинаний стихии в компании адептов женского пола, которые хоть и облизывались, но держали себя в руках. Перед обедом нам принесли дополнительные амулеты, надели на правое запястье. После обеда доставили амулеты для левого запястья. В результате группа травников, к которой мы присоединились на послеобеденных лекциях, реагировала на нас нормально. Заинтересованность имела место, но не более.

К вечеру принесли еще по амулету – этот вдели в ухо в качестве серьги, и адепты Академии прикладной магии резко изменили к нам отношение.

Чем все это обернется, тогда не могли знать ни мы, ни они.

И первый инцидент произошел со мной! Кто бы мог сомневаться...

Мы шествовали в свои апартаменты – нам добавили пару комнат, снеся три стены, – впереди маг, за ним девочки и я замыкающая.

Внезапно что-то изменилось, и меня посетил эффект потустороннего зрения!

То есть вдруг я остановилась и смотрела со стороны, как я иду вслед за девочками. И та я, которая шла, все удалялась!

Едва не закричав от ужаса, начала спешно вспоминать, что нужно делать в случаях, когда во время медитации астральное тело покидает физическую оболочку. Запоздало пришла страшная мысль: я не занималась медитацией, а шла по коридору!

– О богиня плодородия... – прошептала испуганная я и... услышала свой шепот!

Услышала! А раз так, значит, никакое это не потустороннее зрение!

– Привет, ведьмочка, – прошептали у самого моего уха, и мужские руки сжали талию. – Как день прошел, Ярослава?

Это была какая-то магия. Странная, лишаящая всяческого сопротивления, подавляющая волю. Она разливалась теплом в груди, делая мир приглушенным, а дыхание мага в сотни раз более громким, но его ладони... его ладони обжигали. И все же я попыталась вырваться из кольца его рук, молча и яростно... Чтобы спустя непродолжительное время борьбы с неизбежным оказаться между стеной и крепко прижимающимся ко мне темноволосым. Инар был достаточно высок для меня, я едва до подбородка ему доставала, но сейчас магу это не мешало совершенно.

– А скажи-ка мне, – прошептал он, – леди розовые губки, каре-зеленые глазки и смешной курносый носик, этот нежный ротик кто-нибудь уже целовал?

– Нет, – выдохнула я.

– Я так и думал, – самодовольно сообщил маг.

И захватил в плен мои непослушные, испуганные губы, пресекая попытку избежать поцелуя. Я честно пыталась бороться с этим тайфуном сплошной неприкрытой страсти. Сначала я сжала губы – Инар хмыкнул и начал атаку, добиваясь умелыми ласками того, что я не отдала бы и под угрозами пыток. Я отчаянно пыталась вырваться, но одна рука мага обивала талию, фиксируя ее, вторая нежно, но властно сжимала волосы на затылке, не позволяя даже отвернуться. В какой-то момент безуспешной борьбы я закрыла глаза, отдаваясь лавине незнакомых ощущений. Услышав принадлежащий мне стон, решила возобладать над развратностью собственного тела и остановиться... рука мага перехватила упершуюся в попытке оттолкнуть его ладонь, и его пальцы начали свою отдельную симфонию страсти, лаская внутреннюю сторону запястья, ладонь и снова запястье. Я застонала громче. И это словно стало сигналом к действию для колена Инара, вторгнувшегося между моими ногами и начавшего медленное движение вверх. О мать всего сущего, если так пойдет и дальше, все желаемое он получит здесь и сейчас!

– Ведьмочка моя, – простонал маг, притискиваясь еще ближе, хотя куда уж ближе!

А я... я решила, что если уж пропадать, то хоть не бревном безвольным, и, обвив свободной рукой его шею, попыталась принять более активное участие в поцелуе.

Это было фатальной ошибкой!

Инар замер, потом затрясся. Я тоже замерла, но мага трясло все сильнее, и я уж было подумала, что это его высшая степень наслаждения так кочевряжит, но, увы!..

– Что ты?.. Ты... ведьма! – прошипел парень, падая на пол.

В следующее мгновение вокруг нас что-то взорвалось, и все те, кто безразлично проходил мимо, узрели мой потрепанный вид и извивающегося от боли Инара. Кто-то завизжал, слышались крики, кто-то помчался за целителями. А я в ужасе смотрела на мага со стремительно сереющим лицом и искаженной яростью рожей.

– Ведьма! – это был его последний стон.

– Инар, – я бросилась к умирающему.

Но меня оттеснили, уверенно и гневно. Какие-то две магички начали магичить, а оттолкнувший меня от Инара некромант взглянул на меня и хрипло сказал:

– Лучше уйди, ведьма!

Так как из бокового прохода появились целители, я решила, что это будет разумно. Подхватив упавшую во время натиска ученическую тетрадь, я торопливо направилась в комнату, едва сдерживая рвущиеся рыдания.

Ворвавшись в стан подруг-ведьм, я с надрывом сообщила:

– Я не могу так больше!

Ведьмы в это время с интересом разглядывали вторую меня, которая стояла, прижимая тетрадь к груди, и глупо улыбалась. Рогнеда перевела взгляд с меня улыбающейся на меня рыдающую, ткнула первую пальцем, и иллюзия лопнула.

– Ну вот, – меланхолично проговорила Любава, – я же говорила – мы все умрем!

А потом меня успокаивали, а я, вытирая слезы, все рассказывала и рассказывала под охи-ахи сочувствующей аудитории.

– Ирод проклятуций! – Святомира на эпитеты никогда не скупилась.

– А я тут подумала, – Любава иногда даже думала, – это не мы все умрем, это они все умрут.

Тринадцать ведьмочек залились горьким слезами и попытались снять серьги-амулеты... Не вышло. Мы попытались снова, и опять безрезультатно. И не то чтобы мы были слишком против амулетов, просто маги не выносят угроз своему существованию. А мы теперь были угрозой!

– Мы все умрем, – бледнея, выдала Рогнеда.

– Да заткнись ты, – вспылила Любава.

А я решила еще поплакать, мне можно, я же только ведьмочка. И у меня сердце разбито... и настроение испорчено... и я, кажется, человека убила, а еще:

– Это был мой первый поцелуй... – Истерика началась снова.

В двери постучали, когда ведьмочки уже устали мне доказывать, что я красивая, и что мужиков на свете как кроликов нерезанных, в смысле – завались, и что мага так просто не убьешь. Открывать пошла Бажена, которой мои причитания тоже изрядно надоели.

Как оказалось, с нами хотел пообщаться ректор.

– Доброго вечера, адептки. – Ваэдан Шмидкович старался не смотреть на Бажену, зато на нас направил свой суровый взор. – Итак, амулеты действуют, и сейчас вы не представляете никакого интереса для адептов нашей академии.

Я почему-то после этих слов завывала.

– Адепт Арканэ жив, – поспешил заверить меня руководитель этого общества сумасшедших.

– Правда? – я поспешно высморкалась. – А что с ним было?

– Ваш амулет, – ректор хищно осклабился, – он не позволяет магам впитывать ваш ресурс. А если маг упорствует, амулет выпивает весь его магический резерв.

Тринадцать ведьмочек остолбенели, а ректор, леший его задери, преспокойно продолжал:

– Это хорошо, что на показательное выступление попался Арканэ, он сильнейший студент в академии, и все решат, что если он едва выжил, то остальным лучше и не рисковать. Таким образом, вы в безопасности, и учебный процесс не будет нарушен.

Если говорить откровенно – нам все это не нравилось. Одно дело столкнуться со всеобщей любовью магов, другое дело – с ненавистью, тоже всеобщей, ну и в дополнение – с тщеславием магов, с их презрением и демонстрацией превосходства. Но, судя по лицу ректора, это уже были сугубо наши трудности.

– Доброй ночи, адептки. И вот расписание ваших занятий на завтра.

Лист бумаги был положен на стол, сам ректор удалился... украдкой бросив взгляд на Бажену.

– Мы все... – начала Любава. Под нашими мрачными взорами она подавилась словами и исправилась: – Должны выжить.

Обозленные ведьмы начали укладываться. Расстелив постели и переодевшись ко сну, все как одна уселись, удобно примостившись спиной к подушкам, и открыли ученические тетради. Каждая уважающая себя ведьма перед сном повторяет самое важное из пройденного за день, после делает запись в дневнике и только потом ложится спать.

Спустя час, когда все перешли к записям в дневники, над спальнями понеслись всхлипы и сдержанные рыдания. Раздался откровенный рев –

это Любава. Я, вытирая собственные ручьем льющие от жалости к себе слезы, украдкой взглянула на Бажену – та тоже писала и давилась слезами. Варвара, напротив, была спокойна, своей аккуратной ручкой с черными ноготками она выводила лаконичные предложения и даже умудрялась видеть происходящее вокруг.

– Хватит себя жалеть, – угрюмо сказала подруга.

Мы с Варварой ходим парой – это про нас. Мы всегда парой были. Еще с детства, когда вместе в луже купались. Потом, уже в школе, к нашему дуэту присоединилась Белинда. Девочка она была хрупкая, белокожая, черноглазая, а волосы зеленые. Мы уж думали, русалка, оказалось – неудачный эксперимент. Зеленые потом отросли и стали нормальными черными, а кожа так белой и осталась.

– Поганка ты наша бледная, – иной раз говорили наставницы.

– Вся в вас, – парировала Белинда.

А потом простаивала на коленях в углу, у нас в школе жесткая дисциплина, не то что у этих.

– Прорвемся, – Белинда отложила дневник, – но нас так жа-а-а-алко...

– И не говори, – отозвалась Рогнеда, – мне нас так жалко не было, даже когда чертополох собирать ходили.

– У-у-у, – завывала Любава.

– Выживем! – хором сказали мы.

А дальше произошло нечто.

Сначала посреди этой объединенной спальни появился стол. Потом на столе расстелилась сама собой скатерть. На скатерке начали проявляться тарелки. Жареный индюк, разносолы, самовар, настоящий и дымящийся, плюшки, пирожки! Мы подскочили от удивления, хотя уже догадывались, кто здесь шалит.

– Здравствуйте, дорогие ведьмы! – из ниоткуда появился домовый. Маленький такой старичок в красной шляпе, смешных коротких шароварах и с носом-картошкой. – Уж не побрезгуйте угощением.

Дневники были отложены до худших времен, а довольные и счастливые ведьмочки бросились... нет, не к столу, к домовому! Мы таких еще не видели, он весь какой-то ненашенский был, да и солидный, и выпить не предлагал.

– Выпьем за встречу! – раздалось разудалое, и появился еще один домовый. Тоже старичок, тоже ростом невелик, зато наш, в портках да рубахе, а еще с бутылкой, что больше него самого.

Чего от нас домовые хотят, мы знали, как же не знать. Но для начала

нас долго благодарили за двух домовых, отпущенных накануне, и уже потом очень осторожно первый домовый начал подводить разговор к сути.

– Да о чем речь, – Рогнеда пила наравне с нашинским домовым, в то время как все уже на чай перешли, ну а я, отлив половину своей горилки, мастерила восстанавливающее силы снадобье. – Поможем, чай, не чужие вам. Да и... ректору насолить охота. Ой как охота, прямо сил нет!

Домовые переглянулись, и нашинский, уже подвыпивший основательно, сипло спросил:

– И что... всех отпустите?

– Всех, – милостиво согласилась Рогнеда, – наливай!

– Девочки, – иноземный домовый распереживался, – да как же... девочки, а вам за это ничего не будет?

– Все равно померем, – отозвалась Любава и протянула чашку нашенскому домовому, – наливай!

А я зелье на медленный огонь поставила и присоединилась к пиршеству. К нам еще много кого присоединилось – огневки, водяные, духи какие-то, мастеровые, гномы... Гномов вообще набежала тьматмущая.

И так их много было, что мы, ведьмы, в колдовской круг трижды становились. Здание тряслось, но нам, подвыпившим и обиженным, все нипочем было. Это уже потом, когда подруги спать разошлись, до меня начал доходить смысл произошедшего... С другой стороны, ректор сам виноват – мы ведьмы, нас обижать нельзя.

– Эй, послушай, краса девичья, – меня кто-то настойчиво за рукав подергал.

Оказалось, домовые, причем оба.

– Слушаю, – я улыбнулась старичкам.

Ведьмочки уж спали, только я, в платье и простоволосая, остужала зелье. Маг, конечно, был неправ, но, как вспомню его посеревшее лицо, сердце кровью обливается.

– Ты, краса писаная, куды собралась-то? – заботливо спросил домовый с бутылью.

– Ты к Инару не ходи, – подключился домовый в красной шляпе.

– Жалко его, – я носом шмыгнула.

– Нашла кого жалеть, – нашинский укоризненно головой покачал, – ты, Ярослава, головой думай, не попой. Ты на успехи Арканэ не смотри, ты глаза его вспомни.

Вспомнила – мои тут же наполнились слезами.

– Станный он, – сказал старичок в красной шляпе.

– Высокомерный да надменный сверх меры, – поддакнул другой, с бутылью. – В комнату свою никого из наших не допускает, даже гномов.

Трудолюбивые гномики аккурат в этот момент последствия разгула убирали и даже кровати со спящими ведьмами двигали, чтоб все хорошенько промыть. На ведьм малыши не обижались – и так ясно, что умаялись, пока удерживающие заклинания снимали. Я тоже сама не своя от усталости, но почему-то еще на ногах держусь.

– Я тебе так скажу, – домовой в красной шляпе положил свою ручонку поверх моих пальцев, – ты от него подальше держись.

– Токмо его и опасайся, Ярославушка, – подтвердил нашинский домовой.

– А если помощь понадобится, – наставлял меня ненашенский, и на мою ладонь лег маленький засушенный цветочек, – ты в кулачке этот цветок зажми да скажи трижды: «Явись, Генрих, явись».

– И меня зови, – поверх цветочка другой домовой поставил соломинку, – тоже трижды, токмо вот так: «Дядя Федор, не откажи, именем божьим мне поможи».

Домовые имена свои сказали. Это все равно что хозяйкой своей сделали. Я растроганно улыбнулась, поблагодарила обоих, но горло слушалось плохо. Старички понимающе улыбнулись, поклонились да исчезли.

А я открыла медальон, что висел на шее, и в него поднесенные дары-то и спрятала. У меня там и зуб дракона имелся, и чешуйка русалки, и даже перо жар-птицы. И хранила я свои сокровища бережно, да ни разу еще за помощью не обращалась. Мы, ведьмы, ресурсные – всем энергию даем, а для себя нам ничего не нужно, сами справляемся.

– Ведмочка, – послышалось у моих ног.

Наклонилась, взяла гномика, тот важно нахохлился, даже как-то засмутился, а потом поманил пальчиком ближе.

– Идем, – говорит, – мы вам подарок сделали.

Подарок оказался знатным – шкаф-замерзатель, шкаф-отмыватель, ванна-сама-подогревающаяся. С ванной, правда, косяк – только одна, о чем я и поспешила сообщить гномам; они решили добавить еще три штуки, и теперь у нас четыре ванны, в которых вода сама греется.

– Ну, бывайте, – сказали гномы и с легким хлопком исчезли.

А у нас чисто, хорошо и цветов больше нигде не валяется.

Перелив зелье из котелка в кувшин, я осторожно вышла за двери. Кувшин был теплым, в самый раз пить. Да и зелье справное, по бабушкиному рецепту изготовленное, она им демона одного приبلудного

отпаивала. Отпоила, на свою голову. Это ж надо, у ведьмы – и одни мальчики родились. Вот так я и стала потомственной ведьмой по отцовской линии. Нонсенс, однако.

Шла я осторожно, руководствуясь картой – у домового еще до начала попойки выпросила. Медпункт тут на первом этаже был, и, пока спускалась, все старалась не шуметь. Дойдя до конца лестницы, свернула вправо и неторопливо пошла вперед, прислушиваясь. А послушать было что – где-то раздавались голоса, смех, кому-то было весело. Я даже не удивилась, когда выяснилось, что шум шел из палаты целителей.

Осторожно подошла к приоткрытой двери и застала такую картину: на узкой кровати лежал Инар, он улыбался и даже негромко сдержанно посмеивался, но лицо все еще было бледным, а дыхание затруднено. Ослаб, бедный. Видимо, его резерв я нечаянно выпила досуха. Не потому ли еще хожу после трех ведьминских хороводов-то? Не потому ли нам удалось столь легко заклинания снять? А ведь в тот момент и помыслить не могли, что не свою, чужую силу используем...

Меж тем среди парней разговор шел. Тут находилось семь магов, болезный восьмым был. Тот самый, хвастливый сверх меры, присел на край подоконника и что-то рассказывал в своей хвастливой манере. Еще присутствовали два некроманта и один заклинатель, остальные боевые маги.

– Это амулеты, – прервал Аниаса заклинатель, – плетение, мне не известное, но ведьмочек ректор защитил знатно.

Я так и застыла у дверей, а ведь войти собиралась.

– Итак, господа, у нас имеется тринадцать живых источников энергии, – проговорил один из некромантов, причем тот самый, к которому я столь неосмотрительно обратилась во дворе академии.

– И они нам понадобятся в преддверии выпускных экзаменов, – продолжил его мысль второй некромант – с длинной шевелюрой до пояса, обведенными сурьмой глазами и странной серьгой в ухе.

– Ведьмочек тринадцать, нас восемь, – сказал один из боевых магов, с ежиком коротко стриженных светлых волос.

И тут заговорил Инар:

– Я себе двух беру.

Аниас хохотнул и полюбопытствовал:

– Зачем тебе целых две?

– Одна для работы, вторая... для удовольствия, – ответил мерзкий, отвратительный и гадкий Инар.

У меня сердце сжалось, а подбородок задрожал.

– Что, приглянулась тебе темненькая? – некромант гадко улыбнулся. – Так совмести работу и удовольствие.

– Такие вещи совмещать нельзя, – Инар лег, закинув руки за голову и сцепив пальцы, – да и смысл? С Ярой наиграюсь, а как надоест, какой смысл ее терпеть? Мне потом от ведьмочки энергия нужна будет, а не ахи-вздохи.

– Так все скучно? – Аниас заржал. – Что, с первого раза и дала?

– Тебе не даст, – отрезал Инар, – а мне отказать ведьмочка не в силах. Амулет, правда, сработал, но в следующий раз я буду готов к подобному.

– Инар, амулеты лучше снять, – высказался кто-то из боевых магов.

– А зачем? – темноволосый хитро улыбнулся. – Тот факт, что для меня сложности эти побрякушки не представляют, лучше держать от преподов в тайне. Сейчас они твердо убеждены, что уж если я не смог, то и остальным не под силу. Пусть так и думают. Мы выждем положенное время, а потом, когда эксперимент с предсказаниями провалится, а его провалом я лично займусь, ведьмы будут наши.

Я дрожащей рукой вытерла слезы и постаралась успокоиться.

А меж тем беседа продолжалась:

– Приглядывать за ними нужно, – Инар сел. – Рсан, изготовь амулеты защиты, а то мало ли, может, наши невесты не так все поймут, и начнется тотальное уничтожение ведьм.

И даже невесты есть! Ну да, маги обычно женятся на магинях!

Больше выслушивать я оказалась не в силах. Ударом распахнув дверь, уверенно вошла в палату!

– Доброй ночи, господа! – мой голос прозвучал отчужденно и как-то приглушенно.

Маги застыли! Аниас так и остался сидеть с открытым ртом, остальные замерли в тех позах, которые приобрели в момент далеко не тихого раскрытия мною двери. И только Инар оказался в состоянии реагировать – с его пальцев сорвалось поисковое заклинание, промчалось до двери и замерло. Темноволосый побелел.

– Да-да, – я, не скрывая злости, подтвердила, – я все слышала! Более того, я внимательно выслушала и, должна сказать, удивлена. Но не особо.

Чеканя шаг, я подошла к его постели. Сидящий на краю некромант невольно подвинулся, уступая мне место. Но я осталась стоять, держа кувшин и пристально глядя на отвратительного мага. Что ж, мне за один день и подарили поцелуй, и разбили сердце! Истинно в духе магов! Правда, я впервые в жизни искренне жалела, что не обладаю магией, – долбануть

бы Инара сейчас молнией! Да так, чтобы мало не показалось! Но вместо этого я мило улыбнулась ему и елейным голосом произнесла:

– Это восстанавливающее силы зелье. Сварено по бабушкиному рецепту, очень действенное, кстати. Применяется внутрь... – протянула руку, держа кувшин над темноволосой головой. – Но, знаете, я тут подумала, что оно и для внешнего применения вполне пригодно.

И с невероятным наслаждением я попросту вылила зелье на запрокинутое лицо мага, жалея, что успела отвар охладить.

Инар стерпел молча, только глаза закрыл, но даже не пошевелился. И мне стало жаль... зелья.

– Остальное допьюте, – я сунула ему кувшин, и маг взял его медленным движением, словно был в трансе. – Доброй ночи!

Гордо вскинув голову, я покинула магов, чтобы услышать:

– Мы ее что, так просто отпустим? Ведьма все слышала!

И ледяной голос темноволосого:

– Оставь.

– Что? – судя по визгливому тону, это Аниас вышел из ступора.

– Не смей ее трогать! Ведьма – моя!

И что-то вроде грозного рычания послышалось мне в голосе Инара, это заставило меня ускориться, а еще... я вдруг вспомнила, о чем говорили домовые, и вынуждена была признать, теперь я присоединилась к их подозрениям, да и опасениям.

* * *

Ворвавшись в комнату, первым делом разбудила девочек. Сонно позевывающие ведьмочки подскочили в постелях, едва я начала рассказ. Сон у всех как рукой сняло! В оцепенении дослушали мой рассказ, в ужасе начали переглядываться.

– Убью! – Любава прыгнула с кровати. – Всех на фиг убью! Они все умрут!

– Фиг тебе, – грустно ответила Рогнеда, – и фиг и фиговое деревце заодно.

Милолика попинала подушку от ярости, потом выругалась. Бажена руганью не удовлетворилась:

– К ректору идти нельзя, он нашу заварушку с домовыми засечет!

И все пригорюнились. А тихоня Ярина печально так запричитала:

– И даже невесты есть? И даже у того, с красным плащом

и с девяноста баллами?

Обычно я помалкиваю, так как у нас два лидера – Рогнеда и Бажена. Рогнеда посуровее будет, Бажена, хоть и выеживается, но обычно Рогде уступает. Цветана и Милолика добрым нравом тоже не отличаются. Василиса, Белинда и Видана с Людмилой – они всегда за коллективом идут, а мы с Варварой, хоть и не рвемся в лидеры, но, коли надо, все на себя берем. Вот я и решила, так сказать, принять на грудь.

– Не паниковать, – говорю тихо, но девочки всегда прислушивались даже к моим тихим словам, – мы все-таки ведьмы, и, как у каждой ведьмы, у нас есть своя сила. Великая, непреодолимая и могущественная! И с этой силой никакому магу не справиться!

На лицах растерянных ведьмочек появились понимающие улыбки. В следующую минуту я уже доставала маленький кристалл на черной цепочке, чтобы жалобно так, со слезами в голосе воззвать к этой самой могущественной и неодолимой:

– Василена Владимировна-а-а-а...

* * *

Четыре ваннанные от гномов, плюс та, что имелась раньше, решили проблему с утренним ожиданием. Оно, конечно, было, но так как Бажену привязали к постели и она не могла занять ни одно из мест омовения на свои излюбленные два часа, то всем хватило времени. Кроме Бажены, ее-то пустили в последнюю очередь.

А потом в двери постучали. Вежливо, но настойчиво. И у всех у нас одна мысль мелькнула – про домовых узнали!

В двери опять постучали и послышалось:

– Ярослав, выйди, пожалуйста.

Инар еще не знал, насколько опрометчивый шаг совершил. Ведьмы после полученной накануне информации были злы на всех магов, но на Инара особенно! Бажена, едва покинувшая ванную, в халате и с полотенцем на голове, рванула к двери, распахнула и началось:

– Ба! Панове! Чем обязаны, вельможный?

Маг, с нормальным уже цветом лица (значит, допил зелье), нахмурился, но произнес все так же вежливо:

– Доброе утро.

– Глядь, а! – Варвара с другой стороны к двери подскочила. – И шо тут у нас?

– Ярославу позовите, пожалуйста, – все еще вежливо попросил Инар.
– Га? – Варвара даже руку к уху приложила. – Кого?
– Дай вона не добучае, – злостно корежила язык Бажена и уже подчеркнуто громко объявила: – Ярослава, к тоби прибудное приветствие пришло. Нада?

– Не нада, – буркнула я, расчесывая волосы.
– Слышь, мужик, – Рогнеда присоединилась к издевательствам над магом, – ты тут и даром никому не нужен. Проваливай.

И двери захлопнула.

Но не успели девчонки отойти, а я дух перевести, как дверь осыпалась черным пеплом. А Инар, все еще вежливо, но уже на взводе заявил:

– Ярослава, нам нужно поговорить!

У меня рука с расческой так и замерла на подходе к локонам, девочки тоже подобного развития событий не ожидали, но опомнились быстро:

– Глядь, а! Двери сломал! – всплеснула руками Варвара.
– Они истлели! – важно отозвалась Рогнеда.
– А-а-а, – Бажена уперла руки в боки, – мужик, так ты, мабудь, умертвие. Ярослава, тоби зомбик нужен? Свеженькай ишшо!

– Не нужен. – Я вернулась к работе расческой.
– Ярослава, – слышалось раздраженное, – давай поговорим.
– Опаньки, – включилась Милолика, – а войти-то он и не может!
– Точно, – Бажена потрясла пальцем в воздухе, – алэ це вомпер? Ярослава, вомперами не интересуешься?

– Не интересуюсь. – Я отложила расческу и начала плести косу.
– Ярослава! – донеслось от двери, и маг попытался шагнуть в комнату. Куда там, три ведьмы встретили его грудью и не только.
– Ой, Ярослава, твой вомпер на меня попер! – продолжила издевательства Бажена.

– А уж как попер, вот она силушка-то молодецкая! – Рогнеда тоже на пути обнаглевшего мага упрямо стояла. – Хотя какая она молодецкая-то? Так, кобель плешивый!

Инар отступил.

– Уходи отсюда, – добила его Варвара. – И не советую приближаться ни ради работы, ни ради удовольствия!

Маг некоторое время стоял и с высоты своего роста взирал на Варвару, затем начал угрожающе:

– А ты ей кем приходишься?

Зря он так с Варварой. Ой зря... потому что, когда обижают Варю, во мне зверь просыпается.

– Слушай, ты, – я подскочила и, продолжая плести косу, рванула к этой сволочи. – Тебе нормальным языком сказали – свалил отсюда, вомпер недоразложившийся, пока чесноком не накормили и осиновым колом не угостили!

Маг вздернул бровь и хмуро осведомился:

– Это угроза?

– Допустим. – Я же все-таки «орель»!

Инар усмехнулся, взглянул на Варвару и задумчиво произнес:

– Так, значит, лучшая подруга...

Нам всем вдруг так страшно за Варю стало. А маг преспокойно развернулся и вышел из нашей комнаты.

– Слушай, ты! – Я вылетела в коридор.

Бах! Это кто-то из девчонок с размаху налетел на дверь, которая аки феникс восстала из пепла. И пока я таращилась на свежие дубовые доски, маг преспокойно подошел, опять-таки вплотную, схватил, и снова я оказалась между ним и стенкой.

– А... а... амулет... – прошептала испуганная подобным оборотом событий я.

Инар аккуратно снял сережку и молча перевесил ее на гвоздик, оставшийся в стене после даже не знаю чего. Затем сжал меня в объятиях, настолько крепких, что даже дышать было тяжело. И в каком-то странном оцепенении я ощутила, как его губы касаются виска, спускаются ниже, осторожно целуя в процессе. Я поняла, что сопротивление снова тает, и перешла к решительным действиям.

– Инар, посмотри на меня... пожалуйста...

Вздрогнул, оторвался от покусывания моего собственного уха, и черные, чуть раскосые глаза оказались напротив моих. Жаль, конечно, но выбора он мне не оставил. И я обняла его лицо ладонями, чуть погладила большими пальцами точеные скулы и вновь посмотрела в его глаза. Улыбнулась, не скрывая грусти, и прошептала:

– Ни в небе, ни на земле, ни на воде, ни под водой, ни в преисподней, ни в облаках не будет тебе покоя, Инар Арканэ. Черной змеей в душу заползу, алой розой в сердце расцвету, острыми шипами разлука изранит, живой влагой встреча станет. Моим дыханием твое обратится, мои радости твоими будут, мое счастье важнее своего сделаешь!

Маг застыл живым изваянием собственной глупости. Нельзя ведьму злить, ох нельзя! Оттолкнув остолбеневшего юношу, я спокойно забрала амулет, вдела в ухо и направилась к двери. А Инар все стоял, видимо, не в силах снять то, что считал чарами. Да не чары это, так, голосовая

программа предстоящих действий – предсказание называется.

* * *

Когда я вошла, все девушки испуганно на меня смотрели. Варвара решилась заговорить первая:

– Ты... это сделала?

– Он не оставил мне выбора, – честно призналась я.

Рогнеда нахмурила брови и спросила:

– И как, действует?

– Ну он застыл, и так и стоял, словно громом пораженный, – я поежилась, – значит, действует.

– Значит, будем действовать по плану Василины Владимировны – ищем себе покровителей и защитников.

– Угу, – Варвара хмыкнула, – но не совершаем ошибок Верховной и Ярославы и выбираем тех, кто нам самим не по нраву.

– Это точно, – согласилась Видана.

– А нам только по одному покровителю завести можно? – задумчиво протянула Белинда.

– Желательно, – я поспешила закончить разговор, потому что... не те я слова сказала, коим Верховная обучила. Совсем не те. Да и завершить полагалось, сказав «Раб ты мой отныне и покуда свободу не дам», а я не сказала.

– Предлагаю имена покровителей записывать в единой тетради, – Рогнеда опять взялась командовать. – Открываем на последней странице и пишем имя свое, тире, имя жертвы. Что скажете?

Единая ученическая тетрадь вещь особая – в нее можно записывать все предметы, ее никто, кроме обладательницы, не прочитает, и обмениваться сообщениями также можно, коли посвященные есть. То, что предложила Рогнеда, одно означало – мы должны были получить допуск к той странице, на которой имена начертаем. Встав в круг, тринадцать ведьмочек открыли тетради размером с исторический талмуд, одновременно поранили большой палец правой руки и разом приложили. Свет возник в центре круга, разделился на тринадцать частей и коснулся руки каждой из нас.

– Шестая с конца, – возвестила Рогнеда, – допуск всем в круге!

И мы разошлись, посасывая кровоточащие пальцы.

Неторопливо позавтракали, потому как за нами никто так и не пришел. Доели вчерашние плюшки и пирожные, попили чаю из пузатого самовара. Когда уже убрали за собой, в двери постучались. Получив разрешение войти, показалась расстроенная магиня в зеленом:

– С утром вас, адептки. Не могу сказать, что добрым, но определенно с утром. Следуйте за мной.

И мы последовали. Темноволосый маг уже не маячил в коридоре, но одна странность меня насторожила – на стене, аккуратно там, где мы стояли с Инаром, были видны глубокие царапины, которые могли оставить только когти. Варвара оглянулась на меня, и фиалковые глаза ее сузились.

Но это была не единственная странность – мы шли по грязным коридорам, где на полу валялись обрывки листов, остатки перекусов и ошметки вызванных студиями монстров. В нескольких местах были распахнуты окна, занавески поражали многочисленными проплешинами, а цветы в кадках завяли.

– Это ужасно, – сокрушалась магиня, – за одну ночь, за одну-единственную ночь кто-то уничтожил все иные расы, что были связаны с академией. Даже следов не осталось! Адептки, после занятий вы все должны зайти к ректору и получить амулеты защиты от магических нападений. Наши студенты в состоянии себя защитить, а вы... вы даже магических сил не имеете.

Ведьмочки на выезде хранили почтительное молчание. Мы-то знали две истины – никто на академию не нападал, это раз, и не такие уж мы и беззащитные, это два.

В столовой нам выделили отдельный стол. На сей раз отодвинув подальше от преподавательского, как бы подчеркнув, что в защите мы уже не нуждаемся. По сути, мы и в завтраке не нуждались, особенно в том, который распространял удушающий аромат гари.

– Они руками совсем ничего делать не умеют? – Василиса прикрыла нос.

У нас в школе с этим строго – в порядке очередности дежури́м на этажах и в столовой, готовим тоже сами, но исключительно ужины. Домоводство – вещь нужная и полезная, оттого и кашу из топора сварить можем, и улиток в винном соусе запечь, а эти...

– Мы и ведьмам должны прислуживать? – возмутилась магичка с подносом, которую направили к нашему столику.

Ведьмы, то есть мы, собирались отказаться от завтрака аккуратно до этих слов, а теперь вольготно все за столом устроились. Кроме Бажены, она ругалась сквозь зубы и нервно мяла край передника.

– Что происходит? – встревожилась Рогнеда.

– Кольцо силы, Аркан, Поцелуй тьмы, – ведьмочка побледнела. – У него совсем совести нет?

Мы все и разом взглянули на заклинателя из учителей, коего Бажена накануне столь неосмотрительно поцеловала.

– Я не могу больше, – запаниковала ведьмочка, – я не успеваю разрушать заклинания с той скоростью, с которой он их плетет!

– Баж, дай руку, – потребовала Рогнеда.

– И мне, – подключилась Святомира.

– Я с вами, – прошептала Цветана.

– Мы все с вами, – уверенно сказала я, и все ведьмочки, пряча ладони под столом, взялись за руки.

Очередное заклинание понеслось к Бажене и натолкнулось на препятствие. Я едва сдержала усмешку, глядя как доселе внешне спокойный и обращенный к нам спиной преподаватель занервничал. Тряхнул головой, напрягся, и Чары Орниса волной понеслись в сторону Бажены. И так же волной пронеслись мимо, даже не задев ее ауры.

– Что-то он слишком грубо действует, – Варвара нервничала.

– Мне кажется, разгадка в словах той магини, что нас сюда привела, – Рогнеда чуть расслабилась. – Она же сказала, что вечером мы получим защиту от магических атак, вот этот заклинатель и усердствует, боясь опоздать.

– Буду действовать по инструкции, – решительно сказала Бажена. – Это нужно прекращать, долго мы не выдержим!

Не согласиться с ней было нельзя. И ведьмы сжали руки, передавая избранной энергию, – теперь Бажена должна продержаться не менее часа перед влиянием любой силы. Мы разорвали круг. Баж стремительно поднялась, поправила воротник, затем откинула косу на спину и, словно случайно, обернулась, бросив взгляд на заклинателя.

– Он решит, что чары подействовали, – озвучила наши мысли Милолика. – Баж, мы с Рогдой прикроем.

Ведьмы друг за дружку всегда горой.

Бажена вышла в коридор, оттуда на крытую террасу, что тянулась вдоль всего второго этажа данной части академии.

И потянулись минуты ожидания. Учитель магии поднялся не сразу и даже направился будто в другую сторону, а после, словно что-то забыл, вышел вслед за Баженой. И мы снова ждали, попивая плохо настоящий чай и делая вид, что едим подгорелые блины.

Дверь открылась в тот момент, когда Рогнеда уже поднималась. Баж

вошла стремительно и гордо, как и полагается истинной ведьме. В ее синих глазах горел таинственный огонь, на губах змеилась усмешка. Занимая свое место за столом, ведьмочка прошептала:

– Все!

– Он умер? – не выдержала Любава.

– Разве что от любопытства, – Бажена усмехнулась. – Ну в ступор он не впал, зато стоит там и, ругаясь на все лады, пытается снять чары.

Мы захихикали. А Рогнеда открыла тетрадь и уверенно вписала имя, проговорив в итоге:

– Вечером всем тренироваться перед зеркалом. Василина Владимировна сказала, что тут главное – убежденность в голосе и в поведении, иначе не поверят.

– А все, во что мы поверим, – реально, – завершила ее мысль Святомира.

– Именно, – Милолика хищно улыбнулась.

– Кранты магам, – выдала Любава.

* * *

Первая лекция неудачная выдалась – нас слили в поток с целителями. В огромном амфитеатре под открытым небом мы расположились с краю, сознательно дистанцируясь от магов. Те бросали на нас любопытные взгляды.

Данная аудитория располагала колоннами вместо стен, рядами каменных скамеек, причем устроено было так, что спинки скамей сидящих ниже одновременно являлись столами для сидящих выше. Но самое ужасное – это действительно был камень.

– Мне мою систему размножения жалко, – задумчиво выдала Рогнеда, стоя над скамьей.

– Мне и почки заодно, – Баж начала озираться.

– Я подушки видела на первом этаже, – задумчиво произнесла Милолика.

– Это в преподавательской было, – Ярина испуганно смотрела на нашу решительную ведьму.

– Я сейчас, – Святомира, бросив единую ученическую тетрадь, ринулась вверх по лестнице.

К тому времени, как все целители собрались, Мира вернулась, неся... занавески.

– Они плотные и шерстяные, – сообщила ведьма, передавая две на остальные два ряда, – к тому же там все равно пожар будет.

– Почему? – удивилась Цветана.

– Лекции у боевых магов по огненной защите.

Устроившись в тепле и комфорте, мы начали с любопытством озиаться. Примечательно, что целители устроились с правого края, мы с левого, пространство посередине оставалось свободным.

– Не нравится мне это, – протянула вечная пессимистка Варвара.

– Может, ждут еще поток, – предположила я, открывая тетрадь.

И тут послышались отдаленный гул шагов и разговоров, чей-то смех и голос знакомого хвостуна. Когда двери наверху открылись, я не обернулась. Я обернулась, едва женский голос насмешливо протянул:

– Смотрите, и ведьмы тут!

Бросив взгляд через плечо, я увидела, как Инар спускается по лестнице, держа за руку не уступающую ему в росте светловолосую магиню. Девушка была удивительно хороша собой, со спортивной подтянутой фигурой, в рубашке и облегающих брюках, с длинными выющимися золотистыми волосами. Но хуже всего было не это – магиня повернулась и укоризненно произнесла:

– Лиска, не вредничай. Они же нас магичками не называют! И кстати, у ведьм профессия требует гораздо большей самоотверженности, чем у боевых магов. Мы монстров убили – и свободны как ветер в поле, а им приходится одну деревню десятилетиями вести, разделяя с жителями радости и горести. Причем горести чаще – с радостью к ведьмам не ходят.

И сказала она все это искренне, без насмешки и без этого чувства превосходства. Это подействовало. Остальные боевые маги рассаживались по своим местам, бросая на нас заинтересованные взгляды, но больше не насмехаясь.

Я вновь старательно уделяла внимание тетради и записям с прошлых лет по целительству, когда слух отчетливо уловил звуки знакомого голоса.

– Подожди, я скамью нагрею, – и это произнес Инар.

– Ты такой заботливый, – с нежностью ответила девушка.

Перо в моей руке закрипело. Мне не стоило смотреть на них, а я все равно взглянула – Инар сидел, небрежно откинувшись на спинку скамьи, и рука его обвивала талию невесты. Но самое неприятное – девушка склонилась над столом, видимо, записывая число, и маг, обнимая ее, пристально смотрел на меня. А затем скамья нагрелась и подо мной... Судя по хитрой улыбке темноволосого, в личности нагревателя можно было не сомневаться.

Неожиданно то самое перо в моей руке вдруг задергалось, как живое, и, стоило его отпустить, как в тетради ровными строками появились слова: «Ярослава, не действуют чары твои, ведьмочка!»

Спокойствие, выдержка и разумные действия – вот что отличает каждую уважающую себя ведьму в критической ситуации.

Я вновь взяла упавшее перо и вывела: «Надежда – вот единственное, что тебе осталось...»

Маг напрягся. Перо в моей руке просто-таки забилося пойманной птицей, но я его крепко держала. А едва попытки вырваться прекратились, провела по надписям, и они втянулись, вновь став чернилами и оставляя лист белым.

А потом пришел маг, точнее магианна. Мы с ведьмами все разом поднялись, приветствуя преподавателя, остальные с насмешкой на это дело посмотрели, но магианна отреагировала иначе:

– Садитесь, девочки.

Мы сели, прямо и ровно, сложили руки и приготовились слушать. Магианна с улыбкой кивнула нам и повернулась к боевым магам:

– Адепты, с этого дня указом уважаемого ректора на вашем факультете вводится дополнительный предмет «Целительство».

Стоит отметить, что если целители еще хоть как-то более цивилизованно сидели, то в стане магов было явное пренебрежение к дисциплине. Несколько парочек на верхних рядах попросту целовались, двое парней играли в Данжден, причем в качестве телепатически управляемых воинов использовали двух жуков, большинство даже тетради не раскрыли. А вот невеста Инара и еще несколько девушек, как и мы, были готовы внимать словам учителя.

– Адепты! – попыталась призвать к порядку магианна.

Никакой реакции. Преподаватель сложила руки на груди и негромко и даже как-то меланхолично произнесла:

– Адепты факультета Боевой магии, если вы еще не осознали, то придется сообщить вам: по итогам полугодия вас ожидает экзамен. В случае его несдачи вы не допускаетесь к зимней практике.

Это были какие-то волшебные слова. Все маги мгновенно вспыхнули интересом к предмету, сели ровнее и даже тетради подоставали. А тот факт, что у них у всех настроение явно испортилось, нас, ведьм, очень порадовал.

Одна из магинь подняла руку, требуя внимания, и профессор кивком разрешила задать вопрос:

– Прошу прощения, – рыжая наглая девица, та самая Лиска,

подскочила с места, – но мы уже проходили «Основы целительной магии» на первом курсе. К чему нам целительство?!

Магианна жестом приказала ей сесть и обратилась к нам и к целителям:

– Может быть, кто-то в аудитории знает ответ?

И я подняла руку. Не смогла удержаться.

– Ведьма Ярослава, мы вас слушаем, – преподавательница мне улыбнулась, совсем как одна из ведьм-наставниц.

Поднявшись, я чинно ответила:

– Прецедентом для введения дополнительного курса послужил несчастный случай, произошедший минувшим летом близ городища Уварское с известным боевым магом Ного Ламишем. Маг получил несущественное ранение в бою, однако его силы были растрочены на сражение, и ранению он не придал значения. В результате боевой маг умер от потери крови. Что крайне прискорбно, так как остановить кровотечение можно было подручными средствами.

– Все верно, Ярослава, садитесь.

Я села, но предварительно полуобернулась и через плечо бросила победный взгляд на рыжую и наглую.

Увы, ведьминский триумф испортила сама учительница. Магианна вдруг лукаво улыбнулась и спросила:

– Девочки, а моего имени вы не видите, так?

К сожалению, так оно и было. Маги свободно считывали имена с ауры, нам это было не дано. И потому среди магов обычно не было принято представляться.

– Профессор Лорски, – магианна чуть кивнула нам в знак уважения.

– Простите, – хвастун Аниас поднял руку.

– Слушаю вас, – отозвалась профессор Лорски.

– Почему из-за одного неудачника должны мы все страдать и терять время на каком-то целительстве? Если у меня будут повреждения, я сумею их залечить, уж будьте уверены.

– Вот как? – магианна хитро усмехнулась. – Что ж, адепт Герноа, спускайтесь, и мы дадим вам шанс доказать свою состоятельность как целителя. – Она оглядела присутствующих и неожиданно добавила: – Адептка Ярослава, и вы спуститесь к нам, будете страховать нашего излишне самоуверенного.

Ну в отличие от действительно крайне самоуверенного хвастуна, спускавшегося по параллельному проходу, я очень неуверенно себя чувствовала под пристальными взглядами адептов. Да еще и в платье до

пола – магини тут все поголовно в брюках, и я прямо-таки чувствовала их насмешливые взгляды, когда придерживала подол, чтобы не запутаться.

– Мм, у нее чулочки, – произнес какой-то из магов.

– И туфельки с пряжками, – насмешливо добавил второй.

– И каблук даже...

Но я, храня невозмутимое выражение, все же спустилась к кафедре. Адепт Герноа уже ждал здесь, насмешливо разглядывая с высоты своего роста.

– Итак, – профессор Лорски встала между нами, – попробуем представить, что мы в условиях, приближенных к бою. Адепты, замечу чье-то вмешательство – будете отрабатывать препарированием трупов! – Видимо, прецеденты были. – Всем все ясно?

– Да-а, – отозвался нестройный хор голосов.

– Отлично, – магианна повернулась к Аниасу, – приступим.

В следующее мгновение в ее руках оказался меч, и профессор нанесла два молниеносных удара. Хлынула кровь. Я закричала от ужаса, не ожидая подобного поворота событий, а маг захрипел и повалился на пол.

– Итак, адепт Герноа, – меч из рук профессора исчез, – вы получили два достаточно серьезных ранения. Оба могут привести к потере крови, ослаблению и, как следствие – к смерти.

– Целителей... – простонал Аниас.

– Лечите. Себя. Сами! Приступайте! – отрезала магианна и повернулась ко мне: – Ярослава, милая, что же вы так кричите? У нас в академии все жестко, и таких послаблений, как в вашей школе, нет. Привыкайте, вам тут целый год учиться.

Я кивала в такт ее словам, с ужасом глядя на корчащегося от боли и истекающего кровью мага. Магианна проследила за моим взглядом и тоже повернулась к Аниасу. Ни сочувствия, ни сострадания на ее лице не было – только жесткая, я бы даже сказала, какая-то жестокая усмешка. А у парня хлестала кровь – яркая, алая из правого бедра, тягучая темная из левой ноги... Он пытался залечить хоть что-то, но острая боль не позволяла сосредоточиться, и в какой-то миг маг сдался, направив свой жаждущий спасения взор на профессора.

– Прискорбно, – прокомментировала магианна, – весьма и весьма прискорбно, и это один из лучших адептов на факультете.

Аниас уже белел. Губы посинели, ногти на пальцах также...

– Ярослава, приступайте, – скомандовала магианна, – и, если можно, комментируйте свои действия вслух.

Я сорвалась с места.

– Уложить пострадавшего, – толкнула мага, заставляя вытянуться на полу. Сорвала его плащ, скрутила валик и положила под голову. – Снять болевой шок.

Не глядя достала из передника две пластины экстракта белладонны, определив их на ощупь, развернула. Надавила пальцами на скулы мага, заставляя приоткрыть сведенные от боли челюсти. Предупредила:

– Не глотать. Так они подействуют быстрее.

И уже проворно доставала жгут.

– Правая нога – артериальное кровотечение. Наложить жгут. – Что я и сделала, перехватывая бедро выше раны. – Левая нога – венозное кровотечение. Необходима давящая повязка.

Выхватив складной нож, разрежала штанину, оголив рану. Стерильный бинт, лента для перевязки. Завершив, посмотрела на магианну и отчиталась:

– Первая помощь оказана.

Профессор Лорски демонстративно поаплодировала и обратилась к аудитории:

– Итак, как мы с вами имели возможность убедиться, не обладающая магией ведьма сумела сделать то, на что второй по успеваемости адепт оказался неспособен! И вот теперь, не чувствуя боли и будучи готов сосредоточиться на лечении, я искренне надеюсь, что адепт Герноа сумеет себя излечить, раз уж курс «Основы целительной магии» вы уже изучили.

Так как я стояла на коленях рядом с Аниасом, его сокрушенный стон расслышала. И почему-то решила помочь:

– Пастила из мятного корня, – я достала еще одну упаковочку, вытащила прозрачную пластинку и передала ее магу. Аниас открыл рот, пришлось дать самой. – Позволяет сосредоточиться.

– Да? Я думал, кровотечение остановит, – прошептал маг.

– Это я уже сделала, – тоже шепотом ответила я, – ты теперь должен раны залечить.

На меня умоляюще посмотрели и спросили:

– Как?

Мне ничего не мешало сейчас встать и гордо уйти, но я почему-то поступила иначе.

Разрезав штанину и на его правой ноге, тихо спросила:

– Чувствуешь мои пальцы?

– Да... – он уже всю сосал пастилу, и бледность теперь не казалась такой убийственной, а взгляд стал более сосредоточенным.

– Направляй поток энергии по движению моих пальцев. – И я провела

от начала бедра вниз, к ране.

Маг напрягся, потом как-то даже покраснел.

– Не отвлекайся, – приказала я.

Закусил губу, дыхание поменялось, но потом я ощутила поток магии и повела пальцами ниже, почти дойдя до края раны.

– Теперь восстанавливай, начинай с глубины, края – после. Это нетрудно, организм будет направлять сам. Себя лечить всегда проще. Главное, сосредоточься. Глаза закрой, легче будет.

Но Аниас отрицательно покачал головой и глаза не закрыл, продолжая смотреть на меня неотрывно. А я глядела, как голубые разряды сверкающей магии заполняют рану, и следила за тем, чтобы он все делал правильно.

– Сначала сосуды... ага. Теперь кость. Мышцы после. Да, вот так. Теперь восстанавливай мускулатуру, кожный покров не трогай. Ага... теперь кожа.

На моих глазах от страшной глубокой раны ничего не осталось, и даже шрам исчез. Я развязала жгут, свернула, ловко вернула в карман, посмотрела на мага:

– Теперь левая нога. Тут все немного сложнее, и поток нужно вести от ноги и вверх, а не от бедра.

– Направь, – попросил Аниас.

Чуть подавшись вперед, так как я села с правой стороны от пострадавшего, дорвала штанину и провела рукой от голени и выше. Магия заструилась вслед за пальцами, словно я обозначила дорожку для нее. С левой ногой все было проще – Аниас уже знал принцип и вспомнил то, чему их тут учили.

Когда и с этой раной было покончено, я сняла повязку. Ленту мгновенно скрутила и вернула на место, бинт был пропитан кровью и восстановлению не подлежал. Аккуратно поднялась с колен, поправила передник.

– Хм, – Аниас сел, продолжая удивленно смотреть на меня, – твой фартук, он даже не запачкался, тут же все в крови.

– Он стерильный, – скрыв улыбку, постаралась объяснить я, – заговоренный от любой грязи, жидкости, инфекции.

– И вы... вы все это всегда с собой носите? – недоверчиво уставился маг.

– Мы же ведьмы, – я пожала плечами. – Набор для оказания первой помощи всегда с нами.

– Не тяжело? – Аниас рывком поднялся.

– Твой меч тяжелее раза в три, но ты же с собой его носишь.

Магианна за нашим разговором наблюдала с хитрой улыбкой, в итоге попросила:

– Ярослава, если можно, передайте ваш передник адепту Герноа, пусть оценит.

Я послушно развязала ленты, сняла фартук, протянула Аниасу. Тот осторожно взял, поднял, словно оценивая вес, и выдал:

– Ну не очень тяжелый, и все же...

Я подошла, стараясь не наступать на потеки крови, забрала передник, вновь повязала ленты и спросила у профессора:

– Могу я вернуться на свое место?

– Конечно, Ярослава. Спасибо... и некоторым тут тоже не мешало бы вспомнить о благодарности.

Однако маг молчал, я тоже не ждала благодарности и молча вернулась на свое место. От подруг мне достались улыбки и явная гордость в глазах, со стороны целителей редкие, но все же аплодисменты, а вот маги молча и настороженно проследили за тем, как я устраиваюсь на своем месте.

Едва села, посмотрела на кафедру – маг в окровавленных и разорванных штанах смотрелся потешно.

– Хм, а бытовую магию у них совсем не преподают? – задумчиво протянула Рогнеда.

Магианна усмехнулась, прекрасно расслышав реплику, и обратилась к аудитории:

– Еще возражения имеются?

Маги молчали, мы так вообще само внимание.

И лекция началась. Рассказывала профессор Лорски об основах первой медицинской помощи, боевые маги старательно все записывали, мы с целителями проверяли уже имеющиеся записи и вносили некоторые коррективы при поступлении новой информации.

К концу лекции перед каждым адептом появились книга и лист с заданием – мы поглядели друг у дружки, и оказалось, что задания разные. Хоть что-то интересное.

– Нам нужно будет запросить книги из школы, – сообщила Рогнеда, – иначе выпускные мы не сдадим.

– Думаешь, будем там сдавать? – спросила Василиса.

– Не знаю как вы, а я предпочитаю диплом Ведической школы, а не какой-то там свиток Академии прикладной магии! – Рогнеда встала и только тогда сообразила, что боевые маги ее реплику прекрасно расслышали. И не

только они.

– Ведьмы – товар штучный, – весело сказала профессор, – а главное, самобытный.

Магианна удалилась, а мы начали торопливо собираться, в надежде избежать неприятностей. Но как оказалось, в присутствии магинь нам было нечего бояться, а точнее, в присутствии одной конкретной магини.

– Привет, – невеста Инара подошла к нам и запросто уселась на стол. – А чем ваша школа лучше нашей академии? Мне просто интересно.

И девушка улыбнулась так, что не улыбнуться в ответ было невозможно.

– У нас выпускной замечательный, – Белинда тоже устроилась на парте и начала болтать ногами, – и преподавание... эм...

– Добрее, – подсказала я.

Магиня улыбнулась шире, а после и вовсе рассмеялась и сквозь смех ответила:

– Так у вас полевая практика в деревнях, а у нас на границе. Одно занятие не выучил, и прощай, белый свет.

И самое обидное, что это не было бахвальством или похвалой, девушка просто констатировала факты.

– Я Лианна, – вспомнив, что ее имени мы не видим, сообщила магиня, – Лианна Эльвейс. Боевой маг выпускной группы и маг-стихийник по дополнительному направлению. А почему я у вас только имена вижу, а фамилий нет?

Так как девчонки молчали, я пояснила:

– Мы ведьмы, которые еще не прошли посвящение. А когда ведьмочка встает на ведьминский путь, она оставляет за спиной имя, семью и путь, данный родителями. К концу первого года обучения Верховная ведьма дает нам имена, которые и отпечатываются на ауре.

Девушка смешно наморщила носик, задумавшись над услышанным, и недоверчиво спросила:

– То есть вы забываете свои фамилии полностью?

– Нет, конечно, – я невольно улыбнулась, – но прочесть их по ауре нельзя.

За нашим общением пристально следили – и боевые маги, и даже целители, но что-то подсказывало, что при Лианне никто и слова злого не скажет. Она была какая-то светлая. И сразу видно – очень добрая, теплая, милая. Интересно, это из-за нее или...

– Лин, – сократила я ее имя, – а тот темненький, он тебе кто?

Магиня обернулась, на ее лице расцвела бесконечно счастливая

улыбка, и, вновь повернувшись ко мне, девушка ответила:

– Это лучший студент факультета, Ин Азар Даишессе Арканэ.

– Какое длинное имя, – протянула Рогнеда.

– Да, у них очень древний род, – не заметила сарказма Лианна.

Мы же с ведьмами словно до вкусняшки добрались.

– Твой жених? – медовым голосом спросила я.

– Ну да, – Лианна смутилась и даже покраснела, – у нас была помолвка в прошлом году перед выпускным... На практику вместе поехали.

За этими скупыми фразами была огромная, как океан, история любви, которая в девушке пела голосами тысяч соловьев и цвела сотней рощ и полей. И каждая из нас это прекрасно поняла.

– А что у вас тут вчера творилось? – Варвара отвлекла меня от нехороших мыслей.

– Так вчера мы практику сдавали, – пояснила Лин. – Кто сдает практику, зачисляется на новый учебный год, а кто нет, тот повторно пытается через год сдать. Оттого у нас тут вчера настоящее сумасшествие творилось.

– Это точно, – протянула я.

– Ага. Из-за этого я в такие дни только с Инаром здесь появляюсь, при нем нет шанса получить молнией в спину или нарваться на ошалевшее умертвие, с которого силовой аркан сорвался.

– Будем иметь в виду, – протянула Бажена.

Я поняла, что сейчас посыпятся на магину намеки разной степени тяжести, и решила разговор прервать.

– Лианна, заходи к нам вечером на чай, – прижимая к груди единую ученическую тетрадь, предложила я, – посидим, поболтаем, о своем, о девичьем.

– О методике наложения перевязки при переломе ключицы, – Лин рассмеялась, – Ярослава, у тебя на листке одинаковое со мной задание, мы в паре!

– Та-а-ак, – я заподозрила неладное и, повысив голос, возвестила: – Народ, а кто еще с ведьмами в паре?

В стане целителей поднялась одна рука, в стане боевых – еще одиннадцать. Мы с девчонками переглянулись, и я приняла решение:

– Ждем всех на чай в восемь вечера. Плюшки гарантируем! – и протянула руку магине со словами: – Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, – нежная, но сильная ладошка сжала мою руку...

Мир стремительно потемнел...

– Ярослава! – донесся встревоженный крик почему-то Инара.

* * *

Вспышка! Я иду по древнему кладбищу в землях изгнанных демонов. Определить это было несложно – у нас каменные изваяния самих погребенных над могилой устанавливаются, но вечный огонь в глазах этих статуй не горит. Снова вспышка молнии. Над головой грохочут небеса, и чувствую первые капли тяжелого крупного дождя... но почему-то иду вперед... Там, среди могил, на каменной плите извивается девушка. И я медленно иду к отчаянно призывающей на помощь... Подхожу ближе, еще ближе, отчаянно плутая среди могил, и понимаю, что там лежит обнаженная Лианна Эльвейс!

Мир взрывается...

* * *

– Эй, ведьмочка, – меня потрясли, затем что-то мокрое полилось на лицо, – Ярослава, да приди же ты в себя!

Я и пришла. Смотрю на него в ужасе, сама отдышаться не могу, и сердце так бьется, словно на волю собралось... да только как видение вспомню, кровь в жилах стынет!

– Ли... Лин, – я не могла надышаться, – Лин, кладбище, алтарь над могилой... У меня было видение, и там... Лианна, она... она...

Внезапно понимаю, что лежу частью тела на траве, частью – на руках этого самого мага кобелинистого, и воротник у меня расстегнут, и лицо все мокрое и от слез и от воды, а вокруг толпа собралась.

– Разошлись все! – негромко произнес Инар, и все разом отошли подальше.

Кроме ведьмочек, которые стояли рядом, а Варя мне, оказывается, и брызгала на лицо.

– Она здесь, – послышался голос приближающейся Лианны. – Началось в аудитории, Ярослава едва ко мне прикоснулась, и тут свет, грохот, и она так кричала. И там магия фонила и...

Как оказалось, магиня привела двух целительниц и ректора. Целительницы, как хищные птицы, разом налетели, одна глаза смотрела, вторая руками над грудью водила и почему-то очень встревоженной выглядела. А Ваэдан Шмидкович посмотрел на меня, затем на любопытствующих адептов – адепты мгновенно вспомнили о делах

различной степени важности и утопали.

– И? – спросил ректор.

– Это не внешнее воздействие, – выдала первая целительница.

– То есть нападения не было? – уточнил ректор.

– Сердечко у девочки слабое, – выдала вторая. – Ярослава, сколько вам полных лет?

– А зачем вам? – решила я ответить вопросом на вопрос.

– Восемнадцать, – сдал меня ректор.

Внезапно вспомнила одну немаловажную деталь – кое-кто все еще продолжал держать меня. Оттолкнув целительниц, попыталась встать. И даже встала... в голове зашумело, стоило выпрямиться, и маг обхватил за плечи, удерживая в стоячем положении. А затем Инар прижал меня спиной к своей груди и обнял. На какое-то мгновение от этого стало лучше, но затем я позвала человека, которому доверяла:

– Варя...

Варвара стремительно подошла, оттеснила от меня Инара, обняла сама. Затем мне в рот была вложена пастила из девясила, горькая, но действенная. В голове стало проясняться.

– Видение это было, – кривясь от горечи, объяснила я ректору, – какое-то странное видение. И очень реалистичное, я даже капли дождя ощущала.

– Дай руку, – скомандовала Рогнеда.

И стало легче, и от Варвары и от Рогды, остальные подойти не решались, не желая продемонстрировать магам еще одно маленькое преимущество ведьм.

Ректор решил прекратить непонятное для него действие:

– Ярослава, вы идти сможете?

– Лучше я ее отнесу, – прозвучал голос Инара.

Но тут уж взбунтовались девочки.

– Слышь, вомпер, ну-ка отседова попер! – заявила Бажена.

– Иди, умертвие, к невесте! – добавила Варвара.

– И в следующий раз, прежде чем девушку хватать и срываться в забег с добычей на руках, лучше дай тем, кто в целительстве хоть что-то смыслит, заняться пострадавшей, – угрожающе произнесла Рогнеда.

– Иди-иди, давай, горе-спаситель, – подключилась Милолика, – на невесту свою рычать будешь!

– Чего стоишь? – прикрикнула Видана. – Не настоялся еще?

– Я смогу идти, все в порядке уже, – сказала я, и только тогда Инар ушел.

Следующие два часа я сидела с тремя профессорами-прорицателями и в деталях видение свое описывала. Интересовало магов все: от того, какого цвета были глаза у статуй, до того, не было ли у статуй... эм... половых принадлежностей в открытом виде. Они постоянно пытались поймать меня на лжи, задавая одни и те же вопросы в разных контекстах, но все же вынуждены были признать – действительно видение.

В итоге, когда я покинула профессоров, голова раскалывалась, ноги заплетались, а еще нужно было попасть в комнату, так как от лекций меня освободили.

Подойдя к окну, увидела, что все наши сидят на траве в парке. И решительно направилась к ведьмочкам, обходя горы мусора, которые, судя по всему, пытались сжечь, вымыть, сдуть ветром, но в результате так и оставили. Не преподают у них бытовую магию, точно не преподают.

А у лестницы меня ждали.

– Привет, – произнес Аниас и протянул букет белых лилий.

– Мои любимые, – я осторожно взяла цветы, попутно проверив на наличие заклинаний – ничего не было. Просто цветы.

– Хотел сказать спасибо, – маг улыбнулся.

– Пожалуйста, – я посмотрела на лестницу. – Можно попросить об ответной услуге?

Немного удивленно парень произнес:

– Давай.

– Помоги спуститься, пожалуйста, – попросила я.

Маг галантно поклонился и протянул руку. Однако этого было бы недостаточно, и Аниас, догадавшись о моем состоянии, обнял одной рукой за талию, второй взял мою дрожащую ладонь. Несколько фривольно, наверное, но сейчас мне было не до гордости.

– Готова?

– Ага.

И мы начали спускаться. Осторожно и неторопливо, а самое интересное – Аниас был без плаща. Вероятно, надоело изображать из себя героя.

– Ты совсем обессилена, – подметил маг, – может, стоит выпить зелье, какое вчера эм... дала Инару? Ему с первого глотка помогло.

– Оно магический резерв восстанавливает, – попыталась объяснить я.

– А у тебя совсем магии нет?

– Совсем.

– И как же ты живешь?

– Вот как-то так, не жалуюсь.

– Да?

– Представь себе, – я невольно улыбнулась.

Мы почти дошли до конца лестницы, когда Аниас предложил:

– А давай я тебя дальше проведу.

– Не стоит. – Я невольно отсчитывала ступени – три, два, раз, и с радостью ступила на пол. – Просто на лестнице голова кружится, а так я вполне способна ходить. – Лукаво улыбнулась и ехидно добавила: – Для этого даже магии не нужно.

– А то я не догадывался, – правильно понял мой намек Аниас, – и все же мне нетрудно.

– Мне тоже.

Я отпустила его ладонь и поднесла цветы к лицу, наслаждаясь ароматом.

– Спасибо, – поблагодарила искренне.

– За цветы? Не стоит.

– За все, – я улыбнулась магу, помахала на прощание и направилась к девочкам.

И вдруг меня что-то остановило. Не могу понять, что именно, это не было магическим влиянием, и все же...

– Голова закружилась? – Аниас мгновенно оказался рядом. – Ярослав, что?

А у меня перед глазами все замелькало: образы, мысли, слова, обрывки фраз... что-то непонятное... а потом этот образ начал наполняться силой, расти и...

– Аниас, – я сжала его руку, – ты сегодня после заката хотел в город пойти?

Маг, запинаясь, ответил:

– Д-д-да...

– Не ходи, смерть за тобой по пятам следует!

И, оттолкнув его руки, я быстро ушла.

* * *

К девочкам я почти добежала, на траву практически грохнулась и в ответ на удивленные взгляды испуганно простонала:

– Что-то плохое... Что-то очень, очень плохое!

– Мы все умрем? – спросила Любава.

На нее зашикали со всех сторон, а я сказала:

– Да... но маги погибнут первые...

Ужас в глазах ведьмочек сменился скепсисом, и Рогнеда ехидно так возразила:

– Яр, вот не надо тут заливать, предсказание мы все сдавали, и все в курсе, как именно...

– Да, но... но...

– Но ты достал, вомпер! – Бажена подскочила, глядя на «вомпера» за моей спиной.

– Ирод проклятуций! – заголосила Любава.

Я даже оборачиваться не хотела. А этот самый темноволосый маг присел на корточки рядом со мной и проникновенно спросил:

– Ярослава, а цветы откуда?

И я все же посмотрела на Инара, но вместе с тем отлично видела, как в дверях показался тот самый заклинатель, который отныне подчинялся Бажене. Он вышел на задний двор академии, где adeпты коротали недолгий послеобеденный перерыв между занятиями. Это явление преподавателя в фиолетовом пришлось кстати.

– Инар, – на мага, однако, я старалась больше не смотреть, – по-хорошему прошу, уйди!

– По-хорошему ты не хочешь, ведьмочка, – его пальцы осторожно прикоснулись к моей щеке, – нам бы поговорить, Ярослава... глядишь, и я слова скажу заветные.

В голосе мага отчетливо прозвучала угроза. А нам, ведьмам, угрожать нельзя – мы злые становимся!

Я взглянула на Рогнеду, та дала команду:

– Баж, действуй! – И мне: – Амулет!

В следующую секунду на весь двор раздалось истошное:

– Помогитя-а!!! Убивают!

Кричала Бажена знатно, тем временем я молча рванула ворот платья, Варвара расцарапала себе ладонь, а Людмила прикусила губу, и струйка крови потекла по лицу.

Спустя час мы излагали свою версию событий в кабинете ректора:

1. Сидим, никого не трогаем.

2. Говорим о занятиях, природой любимся.

3. Подбегает злой маг, срывает с меня амулет – демонстрация изломанного амулетика на моей дрожащей ладошке вкупе с дрожащим от едва сдерживаемых слез подбородком, и пытается отнять энергию!

4. Мужественно бросившейся на мою защиту Варваре досталось, Любаве вообще кулаком по лицу заехали.

5. В этот эпический момент появляется профессор Антей и спасает тринадцать испуганных, обделенных магией ведьмочек.

6. Все рыдают.

7. Пришли искать справедливости у самого великого, могущественного, знаменитейшего ректора Ваэдана Шмидковича!

8. Вот какие мы хорошие, а он злодеюка!

Сам коварный злодеюка, он же вомпер, он же хам, он же покуситель на мою энергию и ломатель моего амулетика, стоял и, банально приоткрыв рот, хлопал ресницами, изумляясь нашему единодушию в момент дачи показаний. В какой-то момент Инар, судя по выражению лица, и сам поверил в нами поведенное.

Но собрался, прокашлялся и решительно выдвинул свою версию случившегося:

1. Сидим мы и никого не трогаем... теоретически. Но утверждать он не берется, ибо мы ведьмы, а от ведьм хорошего ждать не приходится.

– Не ведьмы, а ведьмочки, – парировала Милолика.

– Молчать, я рассказываю! – заявил маг.

2. Подходит он и никого не трогает.

– Меня по щеке кто гладил? Ветерок? – меланхолично спрашиваю я.

– Дайте договорить! – разозлился Инар.

– Хоть бы врать научился, – глядя в потолок, сказала Рогнеда.

– Достаточно! – рывкнул ректор и вежливо обратился к преподавателю: – Профессор Антей, что там в действительности произошло?

– Адепт Арканэ, видимо, не мог смириться с тем, что амулет так подействовал. Адепт, как мы с вами знаем, достаточно самолюбив и предпочитает абсолютно все доводить до победного конца. Нам следовало предположить подобное развитие событий.

Мы с ведьмочками изображали обиженных и оскорбленных. Бажена так вообще рыдала, и это подействовало:

– Я предлагаю отстранить адепта Арканэ от занятий на две недели, – уверенно произнес профессор Антей.

Да, строго у них тут, но, как оказалось, у ректора иной взгляд на происходящее:

– Адептка Ярослава, как вы можете охарактеризовать ваши взаимоотношения с адептом Арканэ?

У меня было такое ощущение, что Ваэдан Шмидкович попросту

издевается! И вместо того чтобы запретить магу вообще ко мне приближаться, чего мы, собственно, и добивались, ректор решил начать со странных вопросов.

– Что вы хотите от меня услышать? – удивленно спросила я. – Я не чувствую себя в безопасности рядом с данным адептом – это факт.

– Я хочу понять, что из сказанного вашими подругами правда и насколько изложенная версия соответствует правде? – И в меня понеслось мощное заклинание, пресекающее любую ложь.

Ну да, глупец никак не может занимать подобный пост, а мы такую важную деталь несколько проигнорировали. Но и на ведьму магией повлиять сложно.

– Я... терпимо отношусь к адепту Арканэ, – отвечать приходилось искренне, не допуская даже намек на ложь. – Но меня пугает тот факт, что адепт Арканэ считает себя вправе допускать вольности по отношению ко мне. Я считаю, что ваша задача как руководителя ограждать адептов от излишне настойчивых адептов... К тому же я его боюсь! – и это тоже было правдой.

У ректора примечательный кабинет – здесь всегда сумрачно, даже в солнечный полдень... а сейчас словно еще темнее стало.

– Хорошо, – задумчиво проговорил Ваэдан Шмидкович. – Адепт Арканэ, с какой целью вы подошли к адептке Ярославе?

И заклинание еще более мощное окутало Инара. Маг побледнел, попытался отбросить, даже выставил щиты, но тщетно... Ректор действительно оказался очень силен, слаб он был только перед явлением практически обнаженной Бажены.

– Я жду ответ! – напомнил Ваэдан Шмидкович, и темноволосого окутало еще тремя заклинаниями...

– Наложение чар первородных... – нехотя, с большим трудом и едва слышно ответил Инар.

У меня сердце замерло! Так вот о чем мы так побеседовать хотели! Ах ты... ты... И слова сорвались с губ:

– Если еще раз... хоть раз подойдешь ко мне, клянусь Ветрами Великой Матери, я...

– Хватит! – оборвал меня ректор. – Не стоит говорить слов столь могущественной клятвы в столь нервном состоянии. Адептки, вы свободны. Адепт Арканэ, ваши успехи радовали на протяжении многих лет, но подобного я даже не ожидал от вас!

И все же почему-то мне казалось, что маг солгал. При всем своем далеко не положительном отношении к Инару Арканэ я и поверить не

могла, что он способен на такую гадость, как наложение чар подобного уровня. Потому что магия первородных... она действует даже на ведьм.

Выходя из ректорского кабинета, я несколько раз оборачивалась, чтоб взглянуть на внешне невозмутимого мага. Ну неужели можно быть настолько беспринципной сволочью?

Профессор Антей закрыл двери, отрезая нас от происходящего. Мы с девочками остались стоять в мрачном переходе, между собственно кабинетом и лестничными пролетами.

– Я хочу чаю, – сказала Рогнеда.

– Я боюсь магов, – прошептала Бажена.

– У них хоть какие-то моральные принципы есть? – потрясенно проговорила Варвара.

– Мы умрем, – высказалась Любава, – но хочется верить, что они все сдохнут раньше.

– Так, всем пить чай, – тихоня Видана решила взять бразды правления в свои руки.

– Чай так чай, – согласилась с ней Милолика.

Я хотела сказать, что чай сейчас в самый раз будет, но почему-то сказать не смогла. В следующее мгновение с нарастающим ужасом смотрела, как все ведьмочки, и я в их числе, торопливо удаляются в сторону лестниц!

– Да, – прошептали у моего уха, – у тебя притягательная походка... С другой стороны, меня в тебе все притягивает...

И никаких больше стен. Он поднял меня и понес куда-то наверх. А я пыталась пошевелиться, пыталась снять эти чары, которым не находила определения. В какой-то момент мелькнула мысль, что меня парализовало просто от страха. Но и успокоиться в этой ситуации не получалось.

– А вы знатно действуете, – неся меня вверх по лестнице, произнес Инар. – И слаженно так. Это единомыслие у вас формируется, когда вы ведьмин круг создаете?

– Ты... ты... – я вдруг поняла, что могу шептать. Едва слышно, но маг расслышал и остановился, ожидая продолжения, – ты... у ректора... ты...

Инар растянул губы в насмешливой полуулыбке и даже ответил:

– Нет, Ярослава, там не я, там иллюзия. Но качественная! Как и та, что сейчас пьет чай, и твои подружки очень нескоро смогут распознать обман.

В ужасе я смотрела на мага, который возобновил свое неумолимое движение вверх, и не могла даже пошевелиться или закричать. Как в кошмарном сне... как в самом кошмарном из снов!

– Я же сказал, что ты моя, ведьмочка, – Инар как-то невесело усмехнулся. – Сказал. Стоило прислушаться к этому...

– Я и так слышала больше, чем хотела бы... – все так же едва слышно прошептала я.

Но маг, не отвечая, продолжал неторопливо и неотвратно нести меня по лестнице... Если бы можно было, если бы только можно было дотянуться до медальона! Только бы... дотянуться...

Инар добрался до конца лестницы и двери в стене. Открыл дверь ударом ноги и вошел в просторное помещение под самой крышей.

Здесь было светло, наверху под балками порхали и ворковали голуби, в круглое окно были видны крыши далеких домов столицы... Но он понес меня дальше, туда, где сгустился сумрак, и казалось, кроме стены, ничего больше нет...

Так только казалось. Едва маг подошел, старая, покрытая пылью кладка бесшумно расступилась, образуя проход. Она сомкнулась за нами, едва Инар вошел, и даже я, ведьма, не смогла бы заметить, что это не просто кирпичная стена.

– И мы пришли, – загадочно прошептал Инар и, пройдя вперед, уложил меня на постель. – А это лишнее, – он снял выданный ректором амулет, – и это... и вот это тоже.

Меня оставили без всех амулетов, включая...

– Да-да, – проникновенно прошептал маг, развязывая и снимая с меня передник, – про это я тоже знаю, – и он извлек кристалл поиска, о котором никто, кроме ведьм, вообще знать не должен!

Инар отшвырнул передник на пол, а кристалл сжал рукой... Меж его пальцев просыпался сверкающий порошок... Не таким уж крепким оказался этот камень, и совсем неслабым маг.

– Как? – испуганно прошептала я.

– Мало ли ведьм становилось на моем пути, – Инар улыбнулся. – У всех свои слабости, Ярослава. Тут главное – изучить противника. Знаешь, что могущественнее магии, ведьмочка? Информация, и только информация! И теперь на тебе ничего нет! Только чистая, открытая, не защищенная ничем ты.

Он склонил голову набок, пристально разглядывая все еще обездвиженную меня, и с нескрываемым восторгом произнес:

– Ну здравствуй, ведьмочка! – Улыбнулся и протяжно добавил: – Моя ве-е-едьмочка...

Мне все еще казалось, что это какой-то кошмарный сон. Один сплошной кошмарный сон, и я сейчас проснусь. Но я не просыпалась, где-

то за стеной все так же ворковали голуби, далеко слышен был звон колокола, а маг начал раздеваться.

– Ты... ты... – я с трудом пыталась говорить, – ты...

– Ну-ну, – он снял черную рубашку, небрежно бросил на спинку стоящего у окна стула. – Так что там я?

– Ты... – Я вдохнула поглубже и выговорила: – Ты не можешь причинить мне вред!

Инар тихо рассмеялся, и ремень упал поверх рубашки.

– Вред? Я и не причиню тебе вреда, Ярослава. – Он подошел, остановился надо мной и начал осторожно снимать мои туфельки. – Никакого вреда, ведьмочка. Я даже энергией твоей не воспользуюсь.

Я отчаянно рванулась, пытаюсь снять это оцепенение, но даже это не помогло. Ничего не помогало! А Инар, сев на постель, начал медленно целовать мою ногу, от пальчиков и выше. Медленно, осторожно, заволакивающе...

– У тебя уже дыхание изменилось, – заметил маг, – даже от такой простой ласки ты просто таешь, Ярослава... Если тебя зовут Ярослава... а что-то мне подсказывает, что это не так...

Он потянулся, лег на бок рядом со мной. И теперь одной рукой подпирал голову, а вторая начала медленно расстегивать пуговички на платье.

– Так как же нас зовут, ведьмочка? – лениво спросил Инар. – Ну же?

Пуговики закончились, а терпения у мага еще было в избытке. И неторопливо, пристально глядя в мои глаза, он преодолел преграду из кружевной сорочки и коснулся моей груди.

– Я же все равно узнаю, Ярослава, – его шепот словно убаюкивал. – И удовольствие получу, и информацию. И сейчас я предлагаю тебе расстаться с чем-то одним. А выбор невелик, ведьмочка, информация или невинность...

Мне казалось, что постель сейчас напоминает качели, и я взмываю вверх, чтобы затем мучительно сорваться вниз, а глаза Инара все больше заволакивают, и качели словно раскачиваются сильнее.

– Ведьмочка моя, – он наклонился к моим губам. – Скажи мне... скажи сама... не заставляй вырывать это признание столь грязными методами... Назови имя!

Я простонала:

– Ярослава Лирская...

– Маленькая упрямая ведьмочка, – прошептал Инар, захватывая в плен мои непослушные губы.

У меня не было ни сил, ни возможности сопротивляться, но едва маг, прижимая мои запястья к постели, перешел от поцелуев к шее, я простонала:

– Ты не можешь причинить мне вред!

Инар замер, затем спустился ниже и, пристально глядя мне в глаза, коснулся губами груди.

– Это вред, Ярослава? – он поцеловал снова и на этот раз, обхватив зубами, чуть сжал. – А это вред? Тебе же нравится, Ярослава. И мне нравится... и ох как мне это нравится, и особенно мне нравится заниматься этим с тобой, ведьмочка... Или не ведьмочка? – Инар остановился. – Признайся хоть в этом, Ярослава!

– В чем? – внезапно поняла, что плачу.

– Прекрати! – жестко произнес маг. Приподнялся и теперь пристально смотрел в мои глаза. – Ты выдала себя, Ярослава.

– Я... не... понимаю! – рыдания сотрясали все тело.

– Чего ты не понимаешь? – Из его горла вырвался странный рык. – Как я узнал?

И, не дожидаясь моего ответа, ответил сразу:

– С первого взгляда! С самого первого взгляда, ведьма! Потому что ни к кому и никогда меня так не тянуло! Ты – демон! Только этим можно объяснить две вещи – у меня в твоём присутствии мозг напрочь отключается и... твои чары на меня действовали!

На секунду я просто оторопела от подобной информации. Потом испугалась, а потом... ну я же «орель», хоть и кажусь воробьем.

– Мужик, – и от возмущения даже голос прорезался, – а тебе не приходило в голову, что ты просто влюбился?

Некоторое время Инар молча смотрел на меня, затем хрипло задал вопрос:

– Ты сейчас издеваешься?

– Нет, – «орель» во мне распахнул крылья, – это предположение! И, исходя из вышесказанного, есть все основания считать его верным!

Меня мгновенно отпустили!

Инар отшатнулся, вскочил с постели, замер, тяжело дыша и с каким-то паническим ужасом глядя собственно на меня! А я села, обрадованная тем, что кошмар закончился и оцепенения больше нет, поправила платье, застегнула, потом подумала – устроилась на постели, поджав ноги. И тоже посмотрела на мага.

– Не демон? – хрипло спросил Инар.

– Нет, – я оцарапала большой палец о кольцо и продемонстрировала

тягучую красную каплю, – вот, и никакой черной крови. Я обычный человек.

Маг замер, затем развернулся и молча отошел к стене. А я присосалась к пальцу, стараясь остановить кровь. Нет, ну какая-то примесь демонической теоретически имелась, но я единственная дочь своих родителей, и у меня красная, вполне человеческая кровь. И никакой магии. Совсем. У братьев есть, но это их проблемы. А я из-за этого жила с бабушкой, и братья мне всегда завидовали. Но это тоже их проблемы.

Мы так провели еще некоторое время. Я сижу и жду хоть чего-то, маг стоит, рукой о стену опирается, голову опустил, плечи тоже. А плечи-то там красивые, а спина мускулистая... Что за жизнь-то такая: первый поцелуй – разбитое сердце, первый раз что-то большее началось, как тут уж происхождением не угодила.

Пересела на край постели, свесила ноги, пора мне отсюда сматывать.

– Инар, – негромко позвала я, – давай ты уже разберешь эту кладку, и пойду я... чай пить.

Но маг мою просьбу проигнорировал. Развернулся, подошел, опустил перед кроватью на колени, голову на мои колени положил, а ноги обнял и опять молчит.

– Инар, – сама уж и не знаю, что делать. И желание такое – погладить по темным волосам так доверчиво прижавшегося ко мне мага, – Инар...

И тут в ответ прозвучало едва слышное:

– Мне плохо без тебя...

– Мне без себя тоже плохо, – испуганно ответила я, – вот видишь, как у нас много общего.

Поднял голову, посмотрел, грустно улыбнулся и начал рассказывать, все так же обнимая мои ноги:

– Я был уверен в своих предположениях. С первого взгляда готов был головой ручаться, что ты демон... Потому что я такого еще ни к кому не испытывал, одним словом – закон притяжения! И меня тянет к тебе.

На сей раз мои ноги сжали с такой силой, что впору закричать, но тут же отпустили и даже погладили, а потом опять обняли. Инар продолжил:

– И твоя Варвара – она же вылитый демон-хранитель!

– В смысле? – я даже обиделась за Варю.

– Если демоны вынуждены оставить своего ребенка среди людей, они всегда наделяют его демоном-охранником, заключая его в тело обычного человеческого ребенка. Такой ребенок растет рядом с отпрыском демонов, делит с ним все печали и радости и охраняет. А Варвара звереет, когда тебя пытаются обидеть, я был уверен, что она хранитель!

А я уверена, что кого-то ждет малоприятный разговор!

– И то зелье, – продолжил маг.

– Да это бабушкин рецепт!

– А слова?

– Василена Владимировна научила! – ну почти, первая фраза была ее.

– А зачем ты мне это сказала? – неожиданно начиная злиться, спросил маг.

– А что мне еще оставалось? Ты даже на моральное подавление всех ведьм сразу не среагировал! Только и знаешь – зажал у стены и вперед! А я... а я...

– А ты не сильно-то и против, – Инар самодовольно усмехнулся, – или я не прав?

– Да я не особо-то и за! – Я обвела рукой имеющееся пространство. – И сюда являться точно не желала!

Поморщился, нехотя начал говорить:

– Этим летом произошло кое-что неприятное. Мы с отрядом охотились за умертвием, которое три приграничных села просто вырезало, там даже голубей живых не осталось... что уж о людях говорить. Мы долго пытались его поймать, в итоге Лианна оставила свою кровь на деревьях, помечая путь к заброшенному Ведьминому кругу, что мы нашли в лесу. Она очень смелая, я про Лин, и отважная такая... ну и сделала это без моего ведома, иначе я бы точно запретил. Да еще и отшлепал бы, чтобы глупые мысли в голову не лезли! Лианна, Аниас и Рес поставили меня в известность уже после данного свершившегося факта. И сделали это оригинально – записку оставили.

Мне вдруг стало очень неприятно, и именно от того, с каким чувством нежности и восхищения Инар говорит о своей невесте.

– Когда я помчался к ним, уже наступила ночь и светила полная луна, а умертвие оказалось восставшим черным магом! – Инар опять сжал мои бедные ножки. – Я был вымотан, мы с отрядом боевых магов только уложили песчаника. Ну, знаешь, это такая нежить, чем-то паука напоминает, которая капывается где-нибудь у дороги, и образуется что-то вроде зыбучих песков. Так он и питается неосторожными путниками. Тварь была огромная. Видимо, песчаник лет десять в тех местах столовался. Я был вторым в связке из шести боевых магов. И ранения получили практически все. К чему я веду – я был ранен в тот момент, когда мчался по лесу, загоняя коня. Конь не выжил, мы его утром нашли.

– А умертвие? – не сдержалась я.

– Успел вовремя. – Инар тяжело вздохнул. – Черный маг уже прорвал

охранный полог, смял щиты Аниаса и почти добрался до Лин. Но, к сожалению, я был ранен и потерял много крови, и магу удалось уйти. Я послал вдогонку несколько сильных заклятий и был уверен, что это удержит умертвие до рассвета, а с первыми солнечными лучами маг обратится в пепел. Но что-то пошло не так. Пепел утром был, я нашел след мага и нашел его останки. Умертвие было уничтожено, но что-то там осталось. И это что-то теперь преследует Лин. И я заподозрил тебя... прости.

Да, глупо вышло.

– А... Лианна знает?

Инар отрицательно покачал головой:

– Ни Лин, ни Аниас, ни Рес... иначе мне пришлось бы объяснять, откуда это знаю я!

Последняя реплика мне не понравилась.

– Инар, а откуда это знаешь ты? – решила я на вопрос.

Маг молча провел пальцем по моей руке и прошептал:

– Только демонов тянет друг к другу настолько сильно, что срываются все преграды, Ярослава. Но ты... вопреки всем моим ощущениям, только человек! – Он вскинул голову, посмотрел на меня и простонал: – Меня это убивает!

А я смотрела в его черные глаза и понимала – меня тоже! Потому что, несмотря ни на что, хватает всего одного взгляда, чтобы забыть об обидах и доводах разума. Чтобы обо всем забыть!

– Ведьмочка... – протянул Инар.

– Мне к девочкам нужно. – Я стремительно отвернулась.

Но что-то изменилось в маге, и рука его, до этого просто обвивающая мои ноги, начала медленно поднимать край юбки. А сам Инар не отрывал взгляда от меня, словно ища что-то и...

– Я же просто человек, – «орель» встrepенулcя.

– Ты ведьмочка, – он все же поднял юбку и начал нежно целовать мои сведенные от страха коленки, – ты моя ведьмочка... Видимо, пришло мое время проигрывать. Ты выиграла, я проиграл, Ярослава.

Нет, ну это нормально? Затащил девушку под самую крышу, едва над девичьей чеcтью не поглумился, потом передумал глумиться. И еще неизвестно, на что в данный момент я обижена больше, а теперь еще и это.

– И что же это я выиграла? – разгневанно интересуюсь у мага.

– Меня, – прошептал Инар.

– Да кому ты нужен! Вомпер недоделанный!

Судя по выражению лица, «вомпер» обиделся. Но нашел в себе силы

задать вопрос:

– Что?

– Да ты мне за горелую коврижку не сдался! – Я вскочила. Отыскала свои туфельки, стремительно надела, потом и передник повязала. – Отворяй, кому сказала! Ирод плешивый!

Маг молча, но выразительно провел рукой по голове, намекая, что у него-таки шикарная шевелюра в наличии.

– Проредить? – ехидно любопытствовала я.

Грустно улыбнулся и отрицательно покачал головой. Потом протянул руку, и из пыли от поискового кристалла сформировался тот самый кристалл. Это было красиво – сверкающие песчинки, искрясь в лучах проникшего сюда солнца, потянулись к его руке, закружились маленьким вихрем и опали тем же знакомым мне с детства кристаллом.

– Возьми, – Инар протянул камень.

Я подошла к сидящему на полу полуобнаженному магу, попыталась взять кристалл, но Инар ловко отвел руку, затем сам бросил поисковик в нужный кармашек и поднялся так быстро, что я даже отскочить не успела.

– Совсем не нужен? – проникновенно спросил он, заключая в кольцо своих рук.

– Совсем, – я попыталась вырваться.

– А ты мне очень нужна. – Он сжал меня в объятиях так сильно, что дышать опять стало затруднительно.

Инар просто стоял и обнимал меня, а у меня медленно, но верно испарялось всяческое желание сопротивляться этому... ровно до тех пор, пока все здание академии не потряс полный ярости крик:

– ЯРОСЛАВА!!!

– Ой, – прошептала я, почему-то прижимаясь к Инару, – Василина Владимировна...

Дальше все произошло так быстро, что я даже не успела толком понять, что именно случилось:

1. Я рванула к стене, кладка разошлась, пропуская меня.
2. Вслед понеслось «Ярослава, амулеты»! – и Инар бросился за мной.
3. Дверь на чердак распахнулась, и на пороге обнаружилась разъяренная ведьма с метлой в руках, она же Василина Владимировна, позади сам ректор и даже наш... главный.

Верховная, не отрывая от меня полного ярости взгляда своих очей васильковых, медленно двинулась... ко мне она двинулась. С метлой

наперевес! Уж, думала, пришел мне такой далеко не сказочный конец, да тут наш министр магии стремительно жену догнал, обнял за плечи и радостно так:

– Вот видишь, жива же... – Некромант весело подмигнул мне: – И даже одета, кстати.

– Руки убери! – прорычала злющая ведьма.

Но ее никто не послушал, а метлу и вовсе отобрали и мне протянули. Я подбежала, метлу взяла, а главный занялся ситуацией:

– Василеночка, видишь, хорошо все. И ничего с Ярославой не случилось страшного. – Потом глянул в сторону Инара и ледяным таким тоном приказал: – Ты б оделся, парень!

– Я его убью!!! – заорала Верховная, в ярости попинав пол. – Я тебя убью! Я всех поубиваю, ироды плешивые!

Плешивым тут был только ректор, но злую ведьму такие вещи никогда не заботят.

– Василеночка, цветочек мой, давай не при детях, – начал главный.

– Это, по-твоему, дите? – ведьма выразительно указала на Инара. – Он Ярославе там, по-твоему, сказки рассказывал? Или учил играть в песочнице?! – И повернулась к парню: – А ну иди сюда, «дитя», я тебе сейчас все хотелки пооткручиваю!

Впервые видела, чтобы сначала так бледнели, потом краснели и жест такой характерный делали, самое ценное прикрывающий. Я смешок едва сдержала.

– Да-а, – протянул наш министр, – что-то современная молодежь стремительно сокращает период ухаживания... Два дня всего, а!

На эту его реплику ведьма ответила скептическим:

– Кто бы говорил!

А вот об этой части истории любви Василены Владимировны я не ведала, и явно смущенный некромант, вероятно, не очень хотел, чтобы кто-то о таком проведал. А мне в голову странные мысли пришли: они ж тогда на лугу были, ведьмочки перепуганные убежали, и Верховная у него на руках... ну а в том, что маги своего не упустят, я уже не сомневалась.

– Василеночка, – решил улизнуть со скользкой дорожки главный некромант страны, – давай мы данную тему обсудим потом и...

Верховная топнула ногой и потребовала:

– Ярослава, метлу!

Естественно, искомое было тут же протянуто Василене Владимировне, и, держа лучшее оружие всех ведьм, Верховная пошла в атаку:

– Ты мне что обещал, вомпер недоделанный? – это она мужу. – Ты мне

в чем клялся, умертвие ископаемое?

– Дорогая, – министр начал отступление, собственно отступая в сторону застывшего у дверей ректора, – Василеночка, жизнь моя, да после того представления с предродовой деятельностью в моем собственном кабинете и на глазах у всех руководителей учебных заведений страны я бы тебе и луну с неба пообещал!

– Что?! – и Василина Владимировна перешла на ультразвук. – Так ты мне солгал, дракон общипанный?

Метла заняла угрожающее положение, и ведьма пошла в наступление.

– Василеночка, солнышко, ласточка моя, рыбонька, да где ж я солгал? – некромант усиленно цеплялся за возможность избежать увечий.

Не ведал он еще, что этим окончательно себе приговор подписал. А ведьма остановилась, начала нервно рукоятью метлы по ладони постукивать и ласково так приговаривать:

– Где солгал, говоришь? Где солгал? – Василина глаза от ярости сузила. – А кто мне клялся и гарантировал, что с моими ведьмочками ничего не случится? Кто, я спрашиваю?!

Министр понял, что попался. Потом до него дошло, что явно всей информацией не обладает и козел отпущения, то есть Ваэдан Шмидкович стал объектом пристального начальственного взора.

– Так получилось, – простонал ректор, – что... новых адептов не встретили и...

– И?! – взревел некромант.

– И их принадлежность стала очевидна всем адептам, но мы приняли меры!

– Та-а-ак, – произнес министр магии, и почему-то от одного этого его «та-а-ак» стало гораздо страшнее, чем от всех воплей Верховной и даже ее метлы.

А затем главный стремительно повернулся ко мне и мне же задал вопрос:

– Ярослава, ты сюда сама пришла?

Магии он никакой не использовал, но солгать было бы равносильно самоубийству, и я едва слышно ответила:

– Нет... – и тут же добавила: – Но ничего не было...

– Да-да, вижу, – Инара смирли тяжелым взглядом. – Ладно, считай, парня спасла, – с усмешкой прокомментировал мой ответ некромант. – Василеночка...

– Да-да, милый, – Верховная вдруг стала сама доброта, – вы тут без

нас... как-нибудь.

С этими словами я была подхвачена под локоток, и мы покинули чердак.

* * *

Верховная торопилась, пока мы чердак не покинули, а уж потом пошла степенно и величественно, как ведьме полагается. Метла была трижды черенком об пол ударена, после чего помещена в передник. Нет, мы, ведьмы, магии не имеем, но от магических вещей никогда не отказываемся.

– Что-то у них как-то не прибрано, – сокрушенно произнесла Василена Владимировна. – А у нас давеча странные дела творились. Круг ведьминский, что во дворе школы стоит, осветился весь и полезла из него... ну не нечисть, тут скорее чисть полезла! – Верховная искоса на меня поглядела. – Половина при школе остаться возжелала, и скажи мне, Ярослава, куда их девать?

– Так уж и некуда? – Я вдруг поняла, что Василена Владимировна ругать не будет.

– Ну часть с выпускной группой уйдет, – начала Верховная, – каждой начинающей ведьмочке помощь пригодится и, опять же, совет жизненный. Так что с домовыми проблему решим, а гномов куда девать?

– Ну... может, к делу приспособить?

– К какому? – Верховная брезгливо переступила через разможенную голову зомби. – Ох, неудивительно, что весь маленький народец на колени падал, лишь бы назад не возвращаться. Чему тут этих магов учат-то?

– Магии учат.

– Оно и видно, что, кроме магии, тут научиться-то и нечему, – Василена Владимировна тяжело вздохнула. – Как же так, Ярослава? Мало я вас учила, девочка моя? Что же ты, свет мой ясный, да такое дозволила?

Коридоры теперь опустели, адептов по коридорам больше не слонялось, вот Верховная и перешла к сути вопроса.

– Да не хотела я... сам он... – И понуро под ноги уставилась.

– Что сам, Ярославушка? Сам насильничать хотел? Так они это завсегда рады! Что им ведьма – так, тростиночка. Ты как парня до мысли этой довела? Небось отказывала мягко, а я учила как?

– Жестко, резко, коварно. Чтобы и помыслить боялся. Да, Василена Владимировна, все как учили, все сделали!

– Да? – Верховная ехидно так спросила: – Я ли учила врагов зельем

отпаивать?

– Донесли домовые! – догадалась я.

– Донесли, Ярослава, обо всем донесли. И знаешь, дам я тебе совет – забудь о нем, Ярославушка, забудь. Не твой он, да и не свой, похоже. С виду молод, в глазах тоска звериная.

Не заметила я что-то звериной-то...

– Понравился он тебе, да? – Верховная остановилась, пришлось и мне замереть.

– Очень, – не стала я лукавить. – Знаю я, Василена Владимировна, все знаю. И про то, что не пара, и про то, что не мой он, и сволочь же редкостная... Да только посмотрит – теплом опаляет, прикоснется – жар в груди, а коли поцелует, и отпускать не хочется.

Всплеснула руками Верховная, смотрит укоризненно, да о неприятном напомнила:

– Так и ты несвободна, Ярославушка! Или о кольце своем позабыла?

Да помню я о кольце, помню... я расту, и оно растет со мною вместе, в знак того, что были клятвы даны. Но не мною же!

– Береги себя, Ярославушка, – ласково сказала Верховная, – береги. Коли убережешь, и отказать сможешь, а нет... Не послушает тебя нареченный, не поверит, что среди людей остаться по своей воле хочешь.

Знаю я все, знаю. Да только не особо-то и боюсь нареченного. Это он клятвы давал – не я! А я папе большие глазки сделаю, перед мамой поплачусь, деду пожалуюсь, да и не будет свадьбы! Не будет, я сказала! Братья опять же не откажут.

– Ох, Ярослава, – Верховная вновь неспешно зашагала. – Ох, Ярослава, забираю тебя в школу, девочка моя.

Я с шага сбилась, да глаза слезами заволокло, и вопрос с губ сорвался:

– А девочки как же?

– Без тебя обойдутся.

– А... может, мы все вернемся?

– Всем нельзя, к сожалению.

– Василена Владимировна, а у меня видение было.

– Ох, Ярослава.

Пока я все рассказывала, мы дошли до нашей комнаты. Верховная вошла, и понеслось:

– Василена Владимировна! – все ведьмочки бросились обниматься.

Правду говорят – Верховная что мама родная. А особенно после разлуки. И всех обнимет, и всех приголубит, и про думы-печали расспросит, и совет даст, и все это с улыбкой и терпением. И выводы

сделает, вот и решила Василису, Видану, Ярину, Белинду да Людмилу с собой забрать.

– Видела, – говорит, – ваши оценки по предсказаниям!

А я на ведьмочек смотрю, слезы молча глотаю, да делать нечего – видать, свой расчет у Верховной. А она словно мысли читает:

– И Ярославу бы забрала, – а сама на меня хитро так поглядывает, – да не хочет она.

Тут ведьмочки про меня и вспомнили. И понеслось:

– Где ты была!

– Да мы как иллюзию разгадали!..

– Ярослава!

– Хватит вам, – прикрикнула Верховная, – давайте чай пить.

И мы сели чай пить... с черствыми плюшками. Верховная на это дело посмотрела, головой укоризненно покачала, да не сказала ничего.

И вот сидим мы да о своем, о ведьмином, разговариваем. Тут Василиса на меня взглянула и лукаво так у Верховной спрашивает:

– Василена Владимировна, а что вы знаете о магичке Лианне Эльвейс?

– Эльвейс, – Верховная задумалась, но тут же заулыбалась, – как же, знаю. Она, поди, лет на пять вас старше, в выпускной группе должна быть, да?

Я насупилась, а Варвара хмуро так:

– Ага!

– Хорошая девочка, – Василена Владимировна прихлебнула чаю и куда-то вдаль посмотрела, – у них в семье эльфы отметились, вот в них и красотой пошла. Помню, ребеночком как ангелочек была – хвостик золотистый, кудрявый, глазищи на пол-лица синие, как летнее небо, но главное – доброты в ней много. А уж в магическом плане равных ей и в семье мало было, да сильно батюшка сокрушался, что на боевую магию пошла. Хотя, помнится, мой нежный рассказывал, что в академии она и судьбу свою нашла, а уж парень жених видный.

В моей руке черствая плюшка начала ломаться! Варвара смотрит – усмехается, Рогнеда заволновалась, Бажена просто обняла. А Василена Владимировна, все так же глядя вдаль, продолжает:

– Ох и добивался он ее года три. Лианна девочка видная, уж, зная ее маму, могу сказать, что в академии, наверное, первая красавица, да еще и умница такая. Неудивительно, что за ней вся мужская половина увивалась, да, как я поняла, она лучшему досталась.

Плюшка не выжила. Вот тут Василена Владимировна и заметила неладное. На меня смотрит удивленно, задумчиво, да и... поняла все.

– Ах он вомпер плешивый! – выругалась Верховная. – Ах кобель приبلудный! Ах...

Тут дверь открылась, министр наш явился. Ну мы все встали, чинно поклонились, а он нам:

– Здравствуйте, ведьмочки. – И у Верховной спрашивает: – Это ты на кого так ласково?

– На кобеля приبلудного!

Злая ведьма – это страшно.

– Кобель внушение получил, информацию к размышлению также. Больше подобное не повторится, Василеночка, – с улыбкой проговорил некромант. – И с ректором побеседовал.

А мы с девочками разом восторженный стон издали – нет, ну така любовь, ну така, ну... ах!

Василена Владимировна и сама заулыбалась, смотрит на супруга с нежностью, да так же нежно и отвечает:

– Василису, Видану, Ярину, Белинду да Людмилу с собой забираю.

Наш министр на девочек посмотрел, потом на супругу и ласково так начал:

– Василеночка, тринадцать их, как раз число нужное, не разлучай, вместе-то они сильнее.

Василена Владимировна кивнула. Затем встала, передник поправила, прическу, а потом:

– Ай, ах... ох сердечко-то прихватило... а-а-а!

Уж мы-то перепугались, в передники сноровисто за каплями полезли, чаю еще налили, поддержали. А некромант стоит у дверей и только шире улыбается. А после:

– Василеночка, ясный мой цвет, с родовыми потугами оно как-то поубедительнее было!

Верховная комедию ломать перестала. Опять поднялась, да к мужу-то и направилась, на сей раз гневно на него глядя.

– Василеночка, – главный наш несколько не испугался, а разгневанную жену обнял да прижал покрепче, – доверься мне. Амулеты девочкам дам такие, что никто снять не сумеет, одну старшую ведьму им пришлешь для догляду, а еще лучше домовую опытную, но забирать нельзя. Никак нельзя. Нужны они, понимаешь? Очень нужны. Ты пойми, василечек мой, ради малого и не стал бы дело затевать, а тут судьба государства на кону, да жизней не то что сотни – сотни тысяч. Нужны они, ведьмочки, здесь, цвет мой ясный.

Верховная молча выслушала, мужа оттолкнула, стоит задумчивая.

А уж мы-то осознанием своей значимости преисполнились, тут уж в каждой «орель» проснулся.

– Да не умрем же, Василена Владимировна, – начала Любава.

– Чай, справлялись же, – добавила Рогнеда.

– Да и вы слова поведали заветные, – Бажена хитро улыбнулась.

– Что уж мы, с магами не совладаем? – Милолика уперла руки в боки. – Как по струнке ходить будут!

– Поддерживаю, – Цветана даже руку вверх подняла, чтобы ее заметили.

– Вы за нас не тревожьтесь, – негромко сказала Белинда, – вместе мы сила.

– А Ярославе тут не место, – решительно произнесла Варвара.

– А это мне решать, – сказала я.

Василена Владимировна нас выслушала, на мужа посмотрела.

– Ну и хитер же ты, но мы на эту тему дома поговорим. Посуда не выживет! – это она главному. – Ладно, девочки, прощаться пора.

Хорохориться при главном – это одно, а как расставаться нужно, у всех носы зашмыгали. Василена Владимировна опять всех обняла, каждой слово на прощание прошептала, мне досталось: «Чтоб я тебя с этим кобелем даже близко не видела!» Ну а после главный двери открыл, супругу вперед пропуская, и шепотом так в нашу сторону произнес:

– Ведьмочки, никто не в курсе, где можно небьющуюся посуду купить, а?

Мы тут же все заулыбались, слезы вытерли да головами отрицательно покачали.

– Ну и ладно, мне тот сервиз, что эльфы на мое сорокалетие подарили, все равно не очень нравился. Он, правда, уникальный и в единственном экземпляре, но фиолетовые цветочки – не мое однозначно. Бывайте, ведьмочки.

Вот так мы, вместо того чтобы рыдать, стоим и хихикаем. Да только был один момент:

– Варварушка, а можно тебя на минуточку, – ласково так произнесла я, а сама подругу за руку хватить и в ванную потащила.

Ведьмы удивленно на нас посмотрели, но никто ничего не сказал. А я Варю в ванную завела, дверь плотно прикрыла, стою, смотрю. У Варвары длинная темно-русая коса, глаза синие-синие, а губы всегда поджатые, редко Варя улыбается. И тело у нее сильное, красивое – покатые плечи, грудь внушительная, бедра широкие. Ну какой из нее демон?

– Варь, – мне даже совестно стало такое говорить, – Варь, вот ты мне

честно признайся, ты... человек?

Моя с самого детства лучшая подруга грустно улыбнулась, чуть отклонила голову назад и как встряхнется вся! Я и испугаться не успела, а с Вари кожа как... как одежда какая сползать начала. До плечей сползла, и стоит передо мной демон! Глаза красные, кожа черная, блестящая, пасть оскаленная!

И тут до меня доходить начало:

– Я что – демон? – И по стеночке вниз съехала.

– Ваша семья очень на это надеется, – прохрипело чудище.

– Я – демон! – до меня просто не доходил этот ужасающий факт. – Демон...

– Папа демон, мама демон, а она тут истерику развела. А ну вставай, кому говорю! – потребовал... демон.

– Мама – дриада! – гордо выдала я.

– Ну да, когда у нее настроение хорошее, – демон фыркнул, – а как что не по ее, так там такая дриада, что рожи с корнем выворачивает. Вставай, кому говорю.

И чудище тело Вари опять натянуло. Я на это дело посмотрела и завывала.

– Яра, – Варвара на колени опустилась, начала меня по головке гладить, – Яренка – вредная девчонка.

– У-у-у...

– Ну чего ты воешь?

– Варю жа-а-алко...

– Да чего ее жалеть? – изумился этот кто-то, кто Варькино тело и носил. – Я дух, меня в тело новорожденного подселили, и я как ее вторая и плохая половина. Вернешься ты домой, и я следом, а Варвара как жила, так и жить будет... со мной. Я ж власть над ней беру, только когда тебе что-то угрожает.

– Да? – я на Варвару недоверчиво посмотрела.

– Да, Яра, да.

И тут мне еще одна мысль в голову пришла:

– Слушай, демон, а ты это... мальчик или девочка?

У Варвары все лицо вдруг красное такое стало. Потом бледное, потом опять красное, а потом:

– Ты это, давай сама пока решай, а я в глубь сознания смываюсь.

– А... почему?

– Да тут... опять это красное и мокрое дело началось, а я не выношу этого!

- И вот сижу, смотрю на Варю, она на меня.
- Привет, – говорю.
  - Ой, – Варвара руку на живот положила, – что-то мне нехорошо.
  - Начались.
  - Наверное, – она поморщилась.
  - Ну ты это, разбирайся тут, – и я пошла к девчонкам.

* * *

Последняя лекция была на редкость нудной. Низенький бородатый старичок занудно зачитывал названия трав, обладающих магическими способностями. Мы без энтузиазма все это записывали. На лекции присутствовали все ведьмы, два потока с целительского факультета и некроманты. Вот как раз некроманты и вносили оживление в процесс лекции.

Перо вырвалось из моих рук, начертало «Привет, я Ташши» и снова помертвело.

Молча подняла его, стерла надпись и продолжила конспектирование.

– Фуциус Болотный, – монотонно бубнил преподаватель.

«У тебя глаза очень красивые», – методично вывело перо. Выругавшись, стираю и это, старательно вспоминая, что же там пробубнил лектор.

– Крупные темно-зеленые листья, отчетливо светятся в темное время суток... – это преподаватель.

«А волосы так притягательно блестят... не могу взгляд оторвать...» – это перо.

Я нервно оглянулась, возжелав узнать, кто ж там такой настырный. Мне приветливо и радостно улыбнулся некромант с пятого ряда. Худенький, темноволосый, в ухе серьга в виде черепа, внутри которого красноватый огонек сверкает, глаза у него тоже поблескивали, ну, точнее, один был виден хорошо, второй поблескивал из-за косой челки. Вот эта челка и сразила наповал – я невольно улыбнулась в ответ. Маг просиял, и мое перо вновь ожило: «У тебя невероятная улыбка, Яра».

«Ты тоже ничего», – написала я в ответ и обернулась. Некромант расцвел в очередной абсолютно счастливой улыбочке.

Перо снова ожило, и в тетради появилась надпись: «Привет, я Никас».

И пока я все пыталась понять, что это на них всех нашло, перо сдурело окончательно: «Я Леонс, ты на этих двоих не смотри, оба психи. Правда-

правда. Кстати, приглашаю на свидание. Ты на городском кладбище в полночь когда-нибудь была? Там здорово, давай сходим сегодня».

Не успела я перо взять, как оно опять за старое взялось: «Леонс, я тебя на том кладбище и похороню, понял? Ярослава, ты на него внимания не обращай, он просто на голову страдает и верит, что самый лучший некромант современности. Давай лучше в “Атмарис” сходим. Там такое замечательное шоколадное мороженое, тебе понравится».

Я уже просто-таки боюсь перо трогать.

А оно ничего не боится, строчит себе.

«Леонс, Никас, свалили! Ярочка, а можно, ты мне еще раз улыбнешься? Кстати, как ты относишься к поэтическому творчеству? В королевском саду сегодня конкурс поэтов. Я тебя приглашаю».

Я уж собиралась возмутиться, но последнее предложение заинтересовало, и я осторожно начала писать:

«А что, в королевский сад пускают всех желающих?»

Ответ пришел незамедлительно:

«Нет, а кто сказал, что я отношусь к категории “все”? Так мы идем? Обещаю быть галантным, учтивым и даже за ручку не брать. Могу дать королевскую клятву».

Я еще раз оглянулась на некроманта, явно намекающего на свое королевское происхождение. Ташши ослепительно улыбнулся и привычным жестом откинул челку со лба. Эта челка убийственно на меня действует, улыбаться начинаешь против воли. Но я все же ведьма и, взяв перо, уверенно вывожу:

«Дорогие некроманты, благодарю за приглашения. Все ваши предложения очень заманчивы, однако сегодня я занята выполнением домашнего задания. Мне очень жаль. С уважением, Ярослава.

Постскриптум: имейте совесть, дайте дослушать лекцию».

Перо уgomонилось, я попыталась вслушаться в происходящее. Попутно оглядела девочек: Милолика и Бажена тоже угрюмо взирали на самописные перья. Рогнеда свое крепко держала. Заметив мой взгляд, губами спросила: «Сколько». Я на пальцах показала «три». Баж, заметив наше общение, продемонстрировала пять, остальные подключились и посвятили в свою личную жизнь – у кого один, у кого два. Мы с Баж лидировали, однако Рогнеда добила демонстрацией «восемь». Все уважительно на нее посмотрели и вновь уткнулись в тетради, прерывая общение.

Внезапно мое перо снова ожило: «На тебя все смотрят, просто Инар, он... ну он будет недоволен, а тут далеко не каждый способен пережить его

недовольство. В нашей группе только четверо достаточно сильны, но Людвиг балдеет от Бажены».

Почему-то я и без вопросов поняла, что это Ташши, потому что именно у него заглавные буквы были с завитушками.

«Насколько мне известно, у Инара есть невеста», – вывела я.

«Ну вот после истории с Лин мало кто решится перейти дорогу Арканэ».

«И даже ты?» – любопытство меня погубит.

«Лин хорошая девочка, но не в моем вкусе. Я в битве за ее внимание не участвовал. А ты мне очень нравишься, на тебя смотришь, и в душе тепло становится».

«А что, за внимание девушки тут баталии устраиваются?»

«Если дело касается интересов Арканэ, то да».

«Забавно...»

«Не особо, он своего очень жестко добивается, у нас тут двое едва выжили, и то благодаря своевременному вмешательству ректора».

«Да-а-а? Не хотела бы я быть на месте Лианны».

«Ты и не будешь. Гарантирую».

«Смелое заявление».

«Меня происхождение обязывает быть смелым».

«Всегда?»

«Только в достижении нужных мне целей».

«Не пугай меня, – я откровенно над парнем потешалась, – а то вдруг я решу, что стала твоей целью».

«Пугать не буду, – перо вывело смешную улыбающуюся рожицу, – но предположение верное».

Ну-ну, маги идут в атаку.

– Одного не могу понять, – прошептала Варвара, – как они это делают?

«Что именно?» – вывело перо в ее тетради.

– А это уже наглость, – насупилась подруга.

– Меня другое поражает, – присоединилась к шептаниям Рогнеда, – лектор куда смотрит?!

«На вас! – вывело перо в ее тетради. – Адептка Рогнеда, неуд за поведение!»

– За что? – возопила разобиженная ведьма.

– За разговоры во время лекции, – парировал старичок, на мгновение оторвавшись от своего монотонного бубнения.

Рогда вспыхнула, но промолчала. Все вновь вернулись к сосредоточенной попытке успеть все записать. Некоторое время было

тихо, потом перо вырвалось из моих пальцев и написало:

«Ты правда занята сегодня?»

«Правда, мне задание по целительству делать».

«Давай я за тебя сделаю».

Я подумала и ответила: «Приходи просто на чай, к восьми».

«А мне можно?» – последовал вопрос от еще одного некроманта.

«Ташши, Никас и Леон, приглашаю на чай с плюшками в восемь вечера. Правда, плюшки черствые».

«Оживлять умерших – наша специализация, – ответил Ташши, – будут твои плюшки как новенькие».

«Даже представить страшно», – искренне ответила я.

«Почему?»

«Живые, извивающиеся в руках плюшки, которые упираются, просят их не есть и орут не своим голосом: “Мы все умрем!” Брр».

В стане некромантов начался повальный хохот, но один взгляд профессора – и смех прекратился.

Остаток лекции повально получившие неуды некроманты сосредоточенно строчили. Зато мы с целителями активно переглядывались. У них оказались сборники с описанием этих трав и картинками. Картинки были замечательными и показывали растение в динамике: как растет, как цветет, дает плоды, а также как выглядит в разные сезоны года. В результате профессор не выдержал и перед нами появилось по такой же книге. От радостного визга тринадцати ведьмочек маг вздрогнул, но неуды ставить не стал.

А потом мы собрались и, прижимая к груди учебники и единую ученическую тетрадь, направились в свои комнаты. Попутно вспоминали, где тут можно плюшек закупить, потому как народу ожидалось много. В коридорах академии все также царил хаос. Судя по разговорам встречных адептов, в столовую ходить было бессмысленно, зато едва поднялись на свой этаж, так перед дверью и замерли. Пахло пирожками. Такими пышными пирожками с яблоками, тыквой, капустой, грибами и мясом. И такие пирожки умела готовить только она!

– Тетя Матрена! – разом завопили мы и рванули в комнату.

Ввалились толпой и завизжали в три раза громче. В комнате царил идеальный порядок: на окнах белые кружевные занавесочки да лекарственные цветочки, на каждой постели подушка лежала в идеальной симметрии к краешку загнутого одеяла, перед кроватями коврики. Но самое

главное – это круглый стол у окна, на котором пыхтел самовар, стояла кастрюля с супом и румяным бочками радовали взор пирожки.

– Ой вы мои бедненькие! – домовиха выпорхнула откуда-то, где что-то шкварчало. – Ой вы мои несчастненькие! А исхудали-то как!

– Тетя Матрена, мы тут всего два дня же, – попыталась возразить Рогнеда.

– Ироды проклятущие, что ж они с вами-то всего за два дня-то сотворили! – стояла на своем наша любимая домовиха.

С тетей Матреной спорить бесполезно, она убеждена, что все маги злодеи злодеющие, и точка.

– И шо стоим? – грозно спросила домовиха, которая каждой из нас лишь до колена доставала. – А ну живо мыть руки!

И тут лучше не спорить. Зато потом, съев по положенной порции супа и тушеной капусты, мы, с пирожками и чаем, сели «погутарить», как говаривала Матрена.

– Ой сиротинушки вы мои, – причитала домовиха, помешивая чай, – ой на погибель-то вас послали... – и тут же серьезно добавляла: – Но коли главный сказав, шо надо, то надо.

Да, к мужу Василены Владимировны все наши домовые относятся очень уважительно. А кстати, спрошу-ка...

– Тетя Матрена, а как они познакомились-то?

– Кто? – не поняла домовиха.

– Ну Василена Владимировна и некромант ее, – пояснила я.

– Ой, – тетя Матрена руками всплеснула, – малы вы еще о таком знать.

– Да где ж малы-то, – возмутилась Рогнеда. – Чай, выпускной курс уже. Школу окончим, а знать ничего не будем. Ну тетя Матрена, ну расскажите...

– Пожалуйста, – вступила в ряды любопытствующих Бажена.

– Очень-очень интересно, – Милолика ресничками захлопала.

– Пожалуйста-а-а, – присоединилась Цветана.

– Да будет вам, – домовиха вмиг стала румяная, ну как ее сарафан и лента в волосах. Задумалась и решила сдаться. – Ой, ласточки мои, началось все в летний день... на ромашковом поле...

Ну, кажется, мои подозрения оправдались!

– Он как увидел Василеночку, так и пропал. Зацеловал всю, с места не сходя, да и не остановился на этом, да и она под натиском не устояла. А уж как в себя пришла, как осознала случившееся-то, уж разозлилась-разгневалась. А в запале чего только не наговоришь, вот и сказала ему: «Глаза б мои не видели! И не смей приближаться ко мне больше!» Он ей

в ответ: «Сама за мной бегать будешь. Первый я у тебя, забыть не сможешь». А она: «Жених у меня есть, жених! А ты катись коlobком, ирод плешивый, умертвие безмозглое!»

– И что, был жених? – ахнула Видана.

– Был, а как не быть-то, Василеночка девка видная была. Глаза – как поле васильковое, брови соболиные, а улыбкой весь свет согревала. Да что я рассказываю, не больно-то и изменилась Василеночка.

– А дальше-то что? – у меня просто дух захватывало от этой истории любви.

– А дальше, – домовиха щеку подперла кулаком и продолжила: – А дальше началось. Откуда ни возьмись напасти всякие на школу полезли. А Василеночка только пост Верховной получила, гордилась вся, аки монетка медная сверкала. А тут нежить! Ну как первое умертвие в школу-то вломилось, ведьмы его утихомирили, а Василена на метлу да в министерство, стало быть, некроманта звать. И вот вбегает вся растрепанная в приемную, а ей там ласково: «Ну вот, я был прав. Уже и бегать за мной начала!» Так и узнала, кто у нас пост заместителя главного занимал. Разозлилась, конечно. «Тьфу, – говорит, – на тебя, ирод плешивый! Мне дежурный некромант надобен!» А он ей: «Я за него!»

– И что? – Любава даже жевать перестала.

– А что, приехал он, некромант, от умертвия избавил и ласково так Верховной-то: «А чайком у вас тут не угощают?» Уж напоила его чаем, сама едва зубами не скрипит. А он-то: «С утра, – говорит, – ничего не ел...» И обедом накормили, апосля ужином, а за ужином некромант скромненько так говорит: «Василеночка, выходи за меня замуж».

– И-и? – разом выдохнули мы.

– И пропал мой лучший сервиз, а некромант насилу ноги унес, – ответила Матрена, посмеиваясь. – Токмо на прощание, уклоняясь от супника, так сказал: «Сама придешь!» От чайничка не уклонился... И понеслось: то умертвие, то кладбище, то потоп, а то жених Василеночки, который с практики-то вернулся, обе ноги сломал.

– Как сломал? – не поняла я.

– Случайно. Шел, значит, к Василене, с цветами и кольцом, все как полагается, да не дошел... Василеночка его ждала, ждала, не дождалась, за ним ведьм послала, а он у целителей, в состоянии нестояния. Да кто побил – говорить отказывался. Но Василена догадалась, на метлу вскочила и прямо домой к этому. А там ее ждали-выглядали – стол накрытый, свечи зажжены, постель в лепестках роз...

– И?

– И ничего у некроманта не вышло. Василена как поняла, к чему все движется, села и заплакала. Долго редела, он ее и пожалел. «Люблю, – говорит, – больше жизни тебя. Да коли тебе не люб, неволить не буду». А она гордая была, на метлу да восвояси.

– И все? – не поверила Белинда.

– Да какое там, – тетя Матрена вздохнула, – только начиналось. С женихом-то ничего у нее не вышло, честно призналась, что не люб ей. А про того, кто люб, и думать не хотела.

– А он? – вот ни в жизнь не поверю, что маг взял так просто и отступил.

– А он как выдал, что нет у Василеночки больше жениха, так по новой началось. Встанет Василена утром, а от ее комнаты лепестки роз путь устилают. Выйдет на порог – умертвия с букетами да любовными посланиями, а спать ляжет, так под окнами о ее красоте песни на все лады поют.

– И что она? – Рогнеда сидела с мечтательным видом.

– Она, знамо дело, злилась. Уж как злилась-то... а послания все до единого сберегла. Но до некроманта ни-ни! И она гордая, а уж он-то! Так они год промаялись, с гордыней-то своей. А потом не выдержал он – поднял все кладбище, да к школе-то и направил. И вот идут умертвия по дороге, переполоху было, ни в сказке сказать ни в песне описать, да только дошли мертвые до ворот и как заорут: «Ведьма ты безжалостная! Совести у тебя нет!»

– Ого, – только и сказала я.

– А то! Такого наговорили, а Василена стоит, краской заливается, губы кусает да месть выдумывает. Так и выдумала, месть-то – пошла маме письмо писать. А умертвия как затянули песни, одна другой хлеще. Было там и «Сердце у тебя каменное», и «Всю душу вытрепала», и много чего еще. И без перерыва. Тут уж прибыла Варвара Еремеевна, а она баба злая, и не смотри, что дочь василечек. Как повидала то безобразие, ух и разгневалась. Да слова заветные знала, с тем умертвий восвояси-то и отправила, а сама на метлу да к некроманту. И потянулось время ожидания – день нету, другой нету, на третий прилетела метла, с запиской от Бабы-яги... тьфу ты, Варвары Еремеевны. А в записке грозный вопрос: «Ты пошто над мужиком измываешься?» Ну Василена на метлу, да и полетела мать выручать. К некроманту ворвалась – глядь, кругом бутылок не сосчитать, маман осоловело улыбается, а воздыхатель смотрит на Василену – и дыхание задержал. Ну, Варвара Еремеевна баба умная, да и засекла, что и дочь к зятю будущему неровно дышит. Тут же поднялась,

свою метлу забрала и так молвила: «Вы туточки сами разберетесь!» И улетела. А молодя-то и разобрались, уж так разобрались. Дом едва устоял. И жить бы им поживать, так нет же, некромант еще молодой да глупый был, он-то и сказал: «Все, Василина, сама пришла, я не неволил, а уж отпустить не могу, извиняй». И зря он ей это сказал, все ему ведьма припомнила. Да так разошлась, что в пылу ссоры наговорила и про то, что не люб ей, «чтоб глаза мои не видели», и про то, что он ей вовсе не нужен. С тем и улетела. А он в отставку подал да на войну ушел. Василина как узнала, побелела вся, в обморок хлопнулась. Так и выяснилось, что ребятенка понесла. И потянулись дни, недели, месяцы. А Варвара Еремеевна как про дитенка вызнала, прилетела, на бледную дочь смотрит и гневно так кинула ей: «Довыпендривалась?!»

– Ой, – только и сказала я.

– Вот так, – Матрена вздохнула. – Варвара Еремеевна, говорят, за зятьком приглядела, ни царапинки не приобрел, все, за что ни брался, во всем удача была. А как вернулся – пост министра и получил. Василина к тому времени на восьмом месяце была. Да гордость же, ничего ему не сказала. Некромант первый не выдержал – прислал голубя с письмом, а там всего два слова: «Люблю тебя». Василина, недолго думая, ему послание шлет: «Сама прийти не могу... и дело не в гордости». А он ей: «Будь проклята эта гордость... Василеночка, можно я приеду?»

– А она? – Бажена слезы утирает.

– Она ему: «Приезжай, но знай – я теперь толстая и страшная».

– А он? – Василиса ногти грызть начала от нетерпения.

– А он: «Лечу!» И прилетел на коне крылатом, с цветами, конфетами и кольцом. К школе подлетел, на порог соскочил и пошустрее, чем крылатые демоны, по лестнице взбежал. В кабинет к Верховной ворвался, да так на пороге и замер. Смотрит на нее, улыбается и укоризненно так говорит: «А говоришь, толстая стала, да мне все равно, Василеночка!» Василина Владимировна учительский журнал отложила, осторожно так стул отодвинула и медленно встает. Она встала, а некромант сел. Прямо на пол. На живот смотрит, слово выговорить хочет, а не может никак.

– Так и молчал? – спросила Ярина.

– Ага. Отпаивать пришлось. Но уж как отпоили, тут мужицкий-то характер и проявился. Встал, грозно на Василену смотрит и молвит: «Я, – говорит, – подожду, пока родишь, да с годик, пока выкормишь, а потом как возьму розги, Василеночка, и начну кое-кого воспитывать! Ты чем думала, ведьма? А если бы меня убили, что ж, мой ребенок бы без отца рос? А если бы я, дурак гордый, на другой женился?» А она на него смотрит, глаза

полные слез от обиды, да ругал-то справедливо. Но гордость же, и понеслось ему в ответ: «И что, не вырастила бы? Да кому ты нужен, некромант приبلудный?»

– Ой, – это опять я.

– Молодые да глупые были, – Матрена хитро улыбнулась, – но тут теща вмешалась. Она как раз прилетела, к дверям подошла, а там новый скандал разгорается. Ну Варвара Еремеевна долго не думала и кулак дочери показала внушительный. И грозно Василене при всех высказала: «Перед милым ерепенишься, а потом почитай каждый день ревья-ревешь, пока никто не видит». Некроманту большего и не надобно было. Он на Василену смотрит и тихо так: «Ты меня любишь?» Ответ в ее глазах и прочитал. С тех пор и неразлучные. Вот...

Мы сидим, слезы утираем, ну прямо такая любовь, дух захватывает!

Но тут Рогнеда:

– А через год он про розги вспомнил?

– Какие там розги, – Матрена рассмеялась, – он через месяц у нее в ногах валялся и просил прощения за все на свете.

– Это когда?

– Да как роды-то начались, а он все попридусловствовать хотел. С тех пор стоит ей охнуть да за живот взяться, как главный белеет и все на свете разрешает.

– Ну не все, – мы с девочками переглянулись, – не действует уже на него метод проверенный.

– А что там с родами было-то? – любопытно все же.

– Да знамо что – Василену замуж-то вышла, но Верховной осталась, и повелось так: муж с работы приходит, а жена мало того что на сносях, так еще и дома ее нет. Вот он с работы – в школу и мчит, злой, как демон. А она все не унимается – дел-то у Верховной много. Вот однажды он ее дома ждет-пождет, уж и вечер, а Василены нет. Разгневанный примчался, а она, животик рукой придерживая, резвенько так по лестнице вверх – до последнего денечка бегала. Некромант как увидел, сначала за сердце схватился, потом сорвался на крик. Василену стоит, хмурится и вдруг «ой» – и по стеночке сползать начала. Пришло, значит, времечко ребеночку на свет выходить. Ну ведьмам-то не впервой роды принимать, подбежали, подхватили, в родильное отделение повели. Да только куда ж влюбленному мужику объяснять, что пока схватки идут, женщине лучше ходить. Он ее на руки хватить – и понес, а она орет: «Пусти, ирод окаянный!» Куда там... сам отнес, давай сам раздевать, обезболивающих заклинаний на нее наслал тьму-тьмущую, одновременно послания всем известным целителям

с требованием прибыть немедленно, а то убьет к чертям собачьим, потом воскресит и опять убьет, некромант же. Насилу вытолкали, и то благодаря Варваре Еремеевне. Да он под дверью-то остался и началось – она кричит, он под дверью стонет, чуть волосы на голове не рвет. Ну первые роды, они, как водится, трудные, сутки Василеночка и рожала. А он сутки не спал, не ел, сидит под дверью и чуть не воет. А как ребеночек вышел и первым криком мир поприветствовал, и вовсе сознание потерял. Но потом оклемался, ребенка, правда, на руки взять боялся, стоял только да восторженно смотрел, опасался, что вред причинит ручищами-то своими. Но уж Василеночку поцелуями всю осыпал и руки целовал, и благодарил, и за все на свете винился, и за то, что делал, и за то, что не делал. Вот оно, что любовь с мужиками-то делает.

– А целители? – вспомнила Рогнеда.

– Да кому они нужны-то? Их с порога школы восвояси погнали. Роды процесс естественный, тут в природу вмешиваться нежелательно, да и роды прошли легко для первородки-то. А потом пришлось некроманту опять на горло гордости наступать и переселяться в школу. Оно как – ребяенок малехонький, а кто ж за ним да молодой мамочкой лучше нас, домових, присмотрит?

– И главный согласился?

– А то! У нас младенец и не болел-то ни разу, а Василене только на кормление носили. Зато купал Родомира главный сам. Кажин вечер домой являлся вовремя, да и купали с Василеночкой. Мы-то аж замирали, как он ручищами своими младенчика берет да в ванночку опускает, но папаша аккуратный получился, бережный. Да что я вам говорю, вы деток Верховной сами видели.

Видели, как не видеть. Девочки у нас в школе учились, Иари девять, Диане двенадцать, Родомиру пятнадцать, уже большой совсем.

– Какая любовь, – Бажена завистливо вздохнула, – мне бы так...

– Ой, деточка, – тетя Матрена рукой махнула, – таких мужиков, как наш главный-то, раз-два и обчелся!

– Это точно, – разом издали все мы.

И тут в двери постучали. Любава первая открывать пошла, двери распахнула, а там стоят два мага, хмурые такие, злые. А как запах пирожков учуяли, то и глазами голодными на нас смотрят. И тут тетя Матрена в наступление пошла:

– Кто такие? – грозно вопрошает.

Парни переглянулись и как-то совсем неуверенно тот, что справа, ответил:

– Мы адепты Мраек и Лонжи, пришли к адепткам Варваре и Людмиле для написания практической работы...

– А-а-а, – тон тети Матрены изменился сразу же, – так что ж в дверях-то стоите? Проходите, мойте руки да садитесь вечерять. Девочки, чего молчим?

Через минуту боевые маги уплетали суп под увещевания тети Матрены, в то время как мы совещались, где ставить рабочие столы. Было решено использовать обеденный, ибо места было маловато. Еду сдвинули, Матрена нам скатерку постелила, и сели за домашнюю работу.

Работы у нас было много, нужно было переписать всю лекцию, которую нам некроманты сорвали. Начали сличать записи, кто что успел внести в список.

– Вы так слаженно работаете, – заметил адепт Мраек, жуя пирожок.

– А как иначе-то, – ответила за нас тетя Матрена, – в единстве сила.

В двери постучали. Появились еще четыре адепта, потом остальные подтянулись. И как-то нам только парни достались. Но ничего, всех накормили, чаем напоили, и сели девочки работать каждая в паре. Только я сижу одна-одинешенька. И вот стоило себя пожалеть, в дверь опять постучали. Я уж думала, Лин пришла, оказалось – Ташши.

– Привет, – и челку, на глаза упавшую, сдул, – раз у вас плюшки черствые, я торт принес.

И протягивает коробку необъятную. Я такое даже поднять побоялась.

– Спасибо, – говорю, – а чего такой большой?

– Так вас же много, – и некромант весело улыбнулся.

Я посмотрела на его челку, которая со лба все равно на глаза лезла, и тоже улыбнулась. Ташши вошел, торт на стол отнес и, увидев магов, удивленно спросил:

– Ого, это кто вас так?

– Профессор Лорски, – ответил один из боевых магов, – а ты какими судьбами?

Пока парни руки друг другу жали, Матрена вошла, увидела торт, изумилась, полезла крышку снимать. А как сняла, мы все тоже изумились – торт был огромный, в виде кургана, весь в кремовых завитушках, а сверху всего насыпано, от орешков и изюма до цукатов и вишеночек.

– Это сколько ж чаю для него надобно? – задумчиво проговорила домовиха.

Но тут Ташши нас всех удивил, воскликнув:

– Тетя Матрена? Вот уж не думал вас тут увидеть.

– Ташшунчик! – в свою очередь, закричала домовиха, спрыгнула со

стула, на который забралась, чтоб на торт поглядеть, и бросилась обнимать некроманта. – Ой, а вырос-то как, вырос! Гляди, жених уже! И на дядю-то как похож!

– Ой, – Рогда даже рот ладонью прикрыла, – точно, на главного похож!

И все ведьмочки на некроманта уставились. Ташши несколько смутился и так осторожненько проговорил:

– Я Ташши, всем привет.

– А-а-а, – дошло вдруг до одного из боевых магов, – вы же наши имена не знаете!

И начали все знакомиться. Правда, мы имена особо с первого раза и не запомнили, потом переспрашивали. В это время в двери опять постучали. Я на правах бесхозной пошла открывать. Едва дверь распахнула, попала в крепкие объятия. И меня сначала сжали, потом в обе щеки расцеловали, а затем нахально спросили:

– Ждала?

Ответил за меня Ташши:

– Да, Никас, только тебя тут и не хватало!

Некромант меня тут же отпустил, прокашлялся и вежливо произнес:

– Всем добрый вечер.

От одного из боевых магов донеслось едва слышное:

– Самоубийца...

– Это кто сказал? – гордо спросил Никас.

В ответ тишина. Маги и ведьмочки увлеченно выполняли домашнее задание. То есть маги себе что-то ломали, а потом с помощью ведьмочек это исцеляли и ход работы записывали.

– Ты проходи, – я подтолкнула Никаса в комнату, – сейчас чаем напою, посиди пока с Ташши.

– Что такое чай? – вновь осмелел некромант. – Я такого вина принес, закачаешься!

И зря он это сказал!

– Шо?! – прозвучало гневное, и тетя Матрена вновь явилась. – Ты шо молодым девкам принес, упырь кладбищенский?

Некромант от такого обращения оторопел, хотел было что-то явно грубое домовихе сказать, но его Ташши урезонил:

– Никас, познакомься с тетей Матреной, очень уважаемой домовой. И мне очень не понравится, если ее кто-то оскорбит словом или даже взглядом! Тетя Матрена, это Никас, мой одноклассник, он сейчас бутылку вон там в уголочке поставит, а когда будет уходить, заберет. И такого больше не повторится, да, Никас?

Некромант молча кивнул, а я сказала:

– Давайте чай пить!

И мы сели пить чай, я с тортом, а некроманты с пирожками. По их мнению, пирожки с мясом были куда лучше, чем торт. Потом пришел Леонс с цветами, и он из всего предложенного тетей Матреной выбрал суп. Ташши на это дело посмотрел и тоже супа захотел. Потом к нам потихоньку начали подтягиваться маги и ведьмочки, которые с домашним заданием закончили. А спустя еще немного времени в двери снова постучали. Так как я все еще надеялась на приход своей напарницы по выполнению домашнего задания, то двери тоже пошла открывать я. И действительно, там была Лианна.

– Привет, – весело начала магиня, – а мы немного задержались!

– Мы? – переспросила я.

– Ну ты же не против Инара? – улыбка у Лин была совершенно обезоруживающая. – Просто мы живем в квартире в городе, и Инар не любит, когда я одна домой поздно возвращаюсь.

Мне оставалось только отойти, впуская ее. Следом вошел темноволосый маг, удостоив меня только мимолетным взглядом, вежливо произнес:

– Всем доброго вечера.

С появлением Инара обстановка резко изменилась, перестав быть дружеской и по-домашнему уютной. Теперь отчетливо ощущалось, что все парни поделились на два лагеря, причем некроманты были в меньшинстве. Мы с Лин недолго посидели за столом. Правда, тут тесновато уже было, потом пошли делать домашнюю работу. Но как-то совсем уж неожиданно с нами Инар поднялся.

– Э, – возмутилась я, – у меня работа с Лианной.

– Лин ничего ломать себе не будет, – ледяным тоном ответил маг. – Практиковать сломанную ключицу будете на мне.

Магиня беспомощно пожала плечами, мол, что тут скажешь, я скептически нахмурилась, зато Ташши молчать не стал.

– Инар, – ленивым тоном произнес он, – а если твою любимую... ну или уже не слишком любимую ранят на поле боя? Там ты тоже возьмешь боль на себя?

В ответ боевой маг не менее лениво предложил:

– Выйдем?

– А смысл? – Ташши улыбнулся. – Тебя о последствиях предупредили.

Лин удивленно посмотрела на жениха и спросила:

– Что происходит?

Но тут уж я решила высказаться:

– Судя по всему, дядя кого-то попросил кое за кем приглядеть, – и послала улыбочку Ташши.

Некромант в ответ улыбнулся шире и ответил:

– Ты в корне неправа, мне сказали приглядеть за ректором и адептом Арканэ, так что твое предположение лишено смысла. Яра, ты мне действительно очень понравилась.

И пока я оторопело смотрела на Ташши, домовиха задумчиво вставила:

– Вот она – любовь... Хорошо хоть полей ромашковых нет поблизости.

– Тетя Матрена! – разом воскликнули все ведьмочки.

– Эх, – не вняла нашему возмущению домовиха, – а я бы покачала деток-то.

Пунцовая я, схватив Лин за руку, потащила к своей кровати. Там, устроившись поудобнее, мы и приступили к практике. Инар молча вернулся за стол, сел напротив Ташши и пристально на него посмотрел. Однако, как только дошло до переломов, маг к нам присоединился, отважно переломал свою ключицу и позволил Лианне ее залечивать. Мне же пришлось делать записи и в своей, и в ее тетради. Потом подошел Ташши, сел рядом со мной.

Я и Лин на его появление отреагировали улыбками, Инар молча, зато потом все было не так весело.

– Мы еще успеваем, – некромант придвинулся ближе и положил голову на мое плечо.

– Поздно уже, – не отрываясь от записей, ответила я.

– У меня дракон во дворе, – рука некроманта плавно двинулась на мою талию.

– У меня метла в кармане, – таким же игривым тоном ответила я.

Взрыв хохота за столом на мгновение отвлек от разговора. Без Инара и Ташши маги совсем разошлись и теперь активно травили анекдоты и рассказывали байки. Рогнеда ухохатывалась, уже практически лежа на столе, Баж рыдала от смеха, обняв сидящего рядом с ней боевого мага. Тот явно млел от счастья.

– Ярослав, – прошептали у моего уха, – давай просто на драконе летаем...

А я почему-то посмотрела на Инара. Маг так же молча пристально смотрел на меня. Перо в руках дрогнуло, непонятное тепло разлилось по телу, и это только от одного взгляда... В этот миг некромант осторожно поцеловал меня в шею, и на фоне мгновенно возросшей чувствительности

это было нечто.

– А-ах, – невольно вырвалось у меня. Но я тут же взяла себя в руки и развернулась к некроманту: – Ташши!

– Ого, – он смотрел на меня потемневшими глазами, – не ожидал, что настолько тебе нравлюсь...

Я подскочила, попыталась ответить, наткнулась на оторопелый взгляд Лианны, на Инара даже смотреть побоялась и смущенная, красная и разгневанная выскочила из комнаты в одну из ванных. Там, включив холодный ручей, подставила руки под воду и попыталась просто успокоиться. И оно бы даже получилось, но внезапно вбежала Матрена и в ужасе зашептала:

– Чегой-то у вас произошло там, а?

– Ничего, – я намочила полотенце, прижала к лицу, надеясь остудить горящие щеки.

– Так, а если ничего, отчего же тот черноглазый Ташшунчика на улицу поговорить повел?

С полотенцем в руках я и выбежала в комнату. Там все подскочили, двое магов удерживали плачущую Лин, монотонно вдавливая, что все будет хорошо, Инару и Ташши поговорить нужно. Меня, когда я побежала в коридор, никто не удерживал. Только Варвара кинулась, да я быстрее.

На лестнице на мгновение остановилась, думая, где их искать, драчунов этих. Громыканье с заднего двора указало направление.

Когда я выбежала на порог, взгляду предстала такая картина: Инар, словно охваченный пламенем, стоял напротив Ташши, который тоже «горел», но в каком-то черно-фиолетовом огне. У Инара глаза были красными, у некроманта сияли синим пламенем, а череп-серьга пылал красным огнем, бросая отсветы на лицо Ташши. Вот тебе и маги, даже подраться толком не могут без всех своих штук.

– А ну прекратили! – заорала я во все горло.

Оба сверкать перестали. Инар поморщился, Ташши, напротив, мне улыбнулся и ласково попросил:

– Ярослав, ты мне чаю не сделаешь? Поднимайся, я следом.

– Бегу и падаю! – Ведьма поняла, что все в порядке, значит, уже можно и характер показать.

Торопливо подошла к ним, встала между магами и с проникновенной улыбкой обратилась к Инару:

– А шел бы ты... к невесте! – повернулась к некроманту и не менее проникновенно добавила: – Тебя дядя плохому научил?

– Опыт передал однозначно, – Ташши каким-то стремительным движением обнял меня.

– Что-то он тебе не тот опыт передал. – Я начала упираться, пытаюсь вырваться.

– Одну мысль до меня донес: когда ведьма говорит уверенное «нет», это означает «может быть».

И тут вмешался Инар:

– Руки от нее убери!

Некромант глянул поверх меня на мага и с самым мирным видом произнес:

– Про невесту не забыл, нет? Ну, так я напомним.

– Руки от нее убрал! – рявкнул Инар.

Ой-ей! Это что сейчас будет-то... И вдруг меня пошатнуло! Страх липкой волной накрыл и схлынул, оставляя ужас, а ноги внезапно ослабли. Ташши удержал, Инар тоже стремительно приблизился, а я прошептала:

– Где Аниас?..

– Что? – не понял Инар.

– Аниас! – рявкнула я и стремительно достала метлу.

Куда меня несло – сама не ведаю. Но, взмывая в ночное небо, я четко знала направление и стремглав неслась над ночным городом, зябко поживаясь от холода. Ветер свистел в ушах, задувал в ворот, руки мерзли, ибо взлетела я, перчатки не надев, но я все равно продолжала лететь, все ускоряя старенькую, доставшуюся еще от бабушки метлу.

* * *

Вперед, вперед, вперед, вперед и стремглав вниз, практически уходя в крутое пике. Меня трясло от холода и страха, но, спрыгивая на землю заброшенного кладбища, я почему-то была как никогда уверена в правильности своих действий... Ровно до той секунды, как увидела истекающего кровью мага.

– Аниас... – прошептала я.

Он сидел на земле, привалившись к заброшенной могиле. В груди мага торчало изломанное молодое деревце. В воображении мгновенно сложилась картинка произошедшего – кто-то сломал дерево и использовал его как копье, потому что, судя по позе, Аниаса еще и по земле проволокло... И сейчас маг умирал, не имея возможности избавиться от пронзившего его дерева.

– Все хорошо! – сказала я самой себе и бросилась к умирающему.

Экстракт девясила, увеличивающий магический потенциал на несколько минут, отыскала на ощупь, на ощупь же и открыла. Нас этому учат, завязывают глаза и учат определять лекарства, не используя зрение. Сейчас, в ночном мраке, я поняла, для чего используется такая методика обучения.

– Все будет хорошо, – сказала я Аниасу, ударяя его по щеке. Влила лекарство, едва он глаза открыл.

Маг изумленно посмотрел на меня, сглотнул и простонал:

– Ярослав...

– Избавься от дерева, – приказала я, – немедленно. Сейчас ты это сможешь.

И Аниас поверил мне. Напрягся, вскинул руки, алые отсветы охватили его, и дерево с жутким звуком покинуло его тело. Оставшаяся дыра казалась ужасающей. На мгновение появилось ощущение, что мне его не спасти, но только на мгновение.

– Все будет хорошо, милый, – прошептала я и начала срывать амулеты. – Все будет хорошо...

Но он не слушал. Аниас смотрел куда-то поверх меня, шевелил губами и пытался что-то сказать.

– Нет-нет, – я сорвала и серьгу, – лучше не говори сейчас, меня послушай. Слушай меня!

Он вздрогнул.

– Я тебе сейчас передам энергию, весь мой резерв – излечи себя! Слышишь? У нас только один шанс, Аниас, целители не успеют.

Избавившись от амулетов, я потянулась к нему. Обхватила лицо руками, прикоснулась к его губам. Можно и иначе, но маг был слаб настолько, что лучше всего передавать энергию через дыхание. И я отдавала свое дыхание парню, ощущая его кровь на своих губах. И все же отдавала всю себя так, словно была в ведьминском круге и держала девочек за руки.

А потом в меня полетело заклинание стазиса. Расплела его, не задумываясь и не отрываясь от Аниаса. Но уже в следующее мгновение кто-то схватил меня за волосы и, вырывая полный боли крик, поднял вверх, прерывая передачу энергии. Аниас захрипел, я и вовсе орала не своим голосом, цепляясь за руки неведомого врага в попытке спасти волосы и ослабить боль. И неожиданно боль прекратилась, меня подхватили за талию, и этот неведомый прошептал:

– Ведьмочка...

Только сейчас я смогла открыть глаза, нервно вытерла выступившие слезы и посмотрела на... мага-отступника.

Я про таких только слышала, да на картинках их видела. Маги-отступники, предавшие своих, перешедшие на темную сторону, подвергшиеся мутации... Меня держал на весу трехметровый остроухий индивид – седовласый и темнокожий. Как это создание проникло через границу, для меня оставалось загадкой. Ясно сейчас было одно – мне конец! Потому что эти убивают... всегда.

– Здравствуйте, – прошептала я непослушными губами.

– Ведьмочка, – повторил маг-отступник, – только-только в силу вошла, и без щита, и без магии, и без защиты... чистая, незамутненная энергия...

Мой «орель» решил трепыхнуться напоследок, и я восторженно так заявила:

– Маг-отступник, и без совести, и без чести, и без мозгов...

Дядька нахмурился, потом оскалился и проговорил:

– Ерепенишься?

– Шо вы, дяденька, – заныла я, и как рявкну: – Еще и не начинала!

А рука-то уж в передник сунулась.

– Ведьма! – прошипело чудовище.

– Она самая, – сказала я и швырнула в него порошок.

Он отпустил меня не сразу, сначала попытался выставить щит против неведомой угрозы. Такая защита и против драконьего огня устояла бы, но перцовый порошок, он не магический. Маг взвыл, отшвырнул меня и начал отчаянно растирать глаза.

Падение для меня бесследно не прошло, но я нашла в себе силы, игнорируя боль, поползти к Аниасу. Маг, у которого уже почти все было залечено, простонал:

– Ярослав, беги! Он же тебя досуха выпьет!

– А то я не сообразила! – ведьма, то есть я, разозлилась. – На! – в рот оторопевшего мага было сунуто две пластинки пастилы. – Заканчивай с исцелением и... и... и спасай меня уже, наконец!

Аниас от такого требования едва не подавился, но в следующее мгновение вдруг заорал:

– Сюда! Скорее!

Нашел что орать – в нас полетело заклинание такой убийственной мощности, что я едва расплести успела. Но, прикрывая тело мага своим, я успела заметить ярко-алое пламя в небе, и уже в следующую секунду в ринувшегося к нам мага-отступника полетела ярко-синяя молния. Маг выставил щит, но это не спасло – молния, впившись в землю, разошлась

сверкающей пентаграммой. Кладбище содрогнулось, и на свет полезли захороненные здесь личности. Личности были разложившимися от состояния «тут еще есть что поесть» до «этого уже обглодали», но все бодренько кинулись на нашего обидчика.

И пока маг-отступник разил наповал то «граблями» своими, то молниями, а то и огненными шарами существ, которых поднял Ташши, в бой вступил Инар и сразу ударил огненной волной направленного действия. Отступник выставил щит, но почти мгновенно с другой стороны в него полетело уничтожающее заклятие. Инар и Ташши с методической точностью и удивительной синхронностью работали в паре. Не сговариваясь, не обмениваясь фразами, целенаправленно уничтожали врага, против которого ни одному из них в одиночку не выстоять. А вместе боевой маг и некромант были силой!

– Ярослава, – прошептал Аниас, – то зелье, что дала сразу, еще есть?

Я молча взяла мага за руку, отдавая остаток своего резерва. Девясил сейчас не поможет, я это понимала. Как осознавала и то, что Инару с Ташши против мага-отступника вдвоем все же долго не продержаться – они молоды, а ему, почитай, лет триста. К тому моменту, как Аниас вскочил и ринулся в бой, я тихо постанывала, свернувшись на земле и чувствуя, как могильный холод забирается в душу. Мне было плохо, очень-очень плохо...

Потом прогремел взрыв. Он смел умертвия, но маги выстояли, используя щиты. А потом ко мне подбежал Ташши, снял куртку и начал укутывать в нее мое безвольное тело.

– Ярослава, ты же ледяная вся! – закричал некромант.

– Да жива я, жива, – простонала с трудом, – просто без сил... Что с отступником?

Рядом опустился на колени Инар, схватил мою руку, начал растирать, одновременно проговаривая:

– Ему удалось уйти.

– Плохо, – прошептала я.

– Да кто ж спорит, – Аниас тоже оказался рядом. – Ярослава, как ты... как догадалась?

Так как лежала я на руках Ташши, а растирал меня Инар, то должна признать, мне в этот момент хорошо было. Вот такая я плохая, самой стыдно... чуть-чуть. Но руку у темноволосого гордо забрала, даже сесть попыталась и начала говорить:

– В общем, так, что я из всей этой ситуации поняла: ты, Инар, спас Лианну, когда та тварюга шла за кровью Лин. Если то, что сказала Верховная, правда, то у Лианны в роду были первородные, а кровь

первородных, сами знаете, какой мощный магический реактив. Так вот, может быть, того возродившегося мага какой-то другой маг направил?

– Маг-отступник, – простонал Инар.

– Вот-вот, – согласилась я. – И если виденное мною предсказание верно, то кто-то использует Лин для воскрешения кого-то на заброшенном кладбище демонов.

Державший меня Ташши ощутило напрягся и спросил:

– Что за предсказание?

– У Ярославы сегодня было видение, – вместо меня ответил Инар, – но о сути его я узнаю только сейчас.

– Раньше ты не спрашивал, – съязвила я.

Ташши хмыкнул и спросил:

– А Аниас тут при чем?

– Ловушку ставили я, Лин и Рес, – пояснил Аниас. – Этот отступник схватил меня в городе, я и опомниться не успел, как здесь оказались. Он требовал от меня личину.

– Что требовал? – не сообразила я.

– Заклинание доступа на территорию академии, – пояснил Ташши, – оно у каждого студента свое.

– От нас ничего не требовали, – задумчиво сказала я.

– У вас нет магии, – объяснил Инар.

– Зато у нас есть чай... и торт... – мечтательно произнесла я и провалилась во что-то темное.

* * *

– Дура! Идиотка! Ведьма косорукая!

Это кто ж меня так радостно-то? Открываю глаза и вижу злую мордочку Варвары.

– Ты чем думала вообще? – шипит демон.

– С возвращением, – радостно прошептала я, говорить почему-то было сложно.

– Ссспасибо, – прошипела Варя, глядя на меня красными очами. – Устроила ты мне возвращеньице: живот от боли крутит, внизу все мокро и кровью воняет, чей-то язык во рту болтается! Сказка, а не возвращение!

– А язык чей был? – не поняла я.

– Мага какого-то... синяк ему к лицу, наверное... – демон задумался, потом обо мне вспомнил. – И хватило же мозгов, а?

А я себе картинку представила: сидит Варвара, ну или стоит, с парнем целуется и явно в первый раз, где ж нам раньше-то было, и тут опа! – демон вернулся в тело Вари. И ошалелый от неожиданности маг получает в глаз. Бедный парень, да и демона жалко.

В этот момент появилась тетя Матрена. Она важно шла, неся поднос с бульоном и пюре.

– Вот и очнулась, вот и славно, – приговаривала домовая, – а мы уж распереживались все. Ректор, почитай, каждый час заглядывал. Главный тоже приходил, тебя проверил, сказал оставить отсыпаться. Василены Владимировны не было, ей поведать боятся, а чаще всех Ташшинька заходил.

Приговаривая все это, домовая залезла на стул и взгромоздила поднос на взявшуюся откуда-то тут тумбочку.

– Ты откушай, краса ненаглядная, – пропела тетя Матрена, и я вдруг поняла, что бульоном давиться буду. А домовиха продолжает: – Красота ты моя, умертвие и то живее выглядит! – я нервно сглотнула. – А глаза-то твои меркнут в сравнении с синяками, что под оными! А губы-то тоже синие... а кожа серая... И шо ты, моя милая, глазами клипаешь, уж я тебе спуску не дам, дура ты самонадеянная!

Ой, если тетя Матрена до еды ругается, это страшно. Она обычно накормит, напоит и потом давай морали читать, а тут...

– Молчишь? – грозно спрашивает Матрена.

– Молчу, – покорно согласилась я, – вы простите меня... оно как-то само вдруг повело, я и опомниться не успела.

– Ох, Ярослава, – домовиха руки в боки уперла, – ты ведьма али кто? А ведьма, она наперед трижды подумает, лишь опосля за дело берется.

И не скажешь ведь ничего, да только.

– Да и в другой раз поступила бы так же, – тихо сказала я.

Матрена молча кивнула, развернулась и вышла. Уж думала, пронесло, так нет же – домовиха с зеркалом вернулась, да мне мое собственное изображение и продемонстрировала.

– Ой ты ж мама родная! – вскрикнула я.

– Она посимпатичнее будет, – хмыкнула Варя.

Я с подругой была полностью согласна. Ну или с демоном, если точнее сказать.

В двери осторожно постучали. Варвара открывать пошла, а я лежала и думала об одном – как бы к туалету прошмыгнуть тенью незримой...

– Гляди, вомпер! – прозвучало у двери.

Я со стоном упала на подушки.

– И знала, что маги бесстыжие, но чтоб настолько! – не унималась Варвара, а может, и демон, кто их там сейчас разберет.

Следующее, что я увидела, это как из дверей показались руки, обхватили Варины плечи, подняли ведьмочку, и вскоре Варвара билась в закрытую дверь, а Инар преспокойно направился ко мне. Тетя Матрена, выбежавшая при первых репликах Вари, так и осталась стоять с открытым ртом и половником наперевес. Но мага ее присутствие ничуть не смущало.

– Привет, – с нежной улыбкой произнес он, – это тебе, – Инар подошел, и в мои ладони опустился пузырек с тускло светящейся фиолетовой жидкостью, – уже к вечеру будешь бегать.

Какое там бегать, у меня тут раздвоение личности – одна личность в надежде косит на двери в туалет, у второй при звуке голоса некоторых присутствующих все признаки стазиса налицо, кроме отчаянно забившегося сердца.

– Как ты? – он присел на край моей постели, взял в плен правую кисть руки и начал медленно выводить на ладони какие-то незримые узоры, и от этого его народного творчества вторая моя личность забыла о какой-либо естественной необходимости. Мне было хорошо просто здесь и сейчас, и думать ни о чем больше не хотелось совершенно.

И так как обе мои личности говорить оказались не в состоянии, Инар продолжил.

– Я очень испугался вчера, – произнес маг, глядя в мои глаза. – Мне еще никогда не было так страшно. Даже там, с Лин, я мог представить себе, что не успею и она погибнет... но я не в силах допустить даже мысль о твоей смерти!

Мое горло как-то само нервно сглотнуло.

Инар улыбнулся, чуть сжал мою ладонь, потом поднес ее к губам и поцеловал так, что я едва не превратилась в одну сплошную лужицу.

– Поправляйся, – прошептал он и пошел к выходу.

Обернулся лишь на пороге, грустно улыбнулся мне, открыл дверь, впустил покрасневшую от ярости Варю и ушел.

Тут отмерла тетя Матрена:

– Вот кобель-то, а! Ярослава, чего это у тебя вид совсем неменяемый? Я вздрогнула, вернулась в настоящее и вспомнила о насущном.

– Ой, мне бы это... выйти.

– Варвара, чего стоим? Ты с лекций отпросилась под видом сиделки, вот и уваж болезную!

Демон, а это был именно он, стремительно подошел, откинул с меня покрывало, подхватил на руки и понес к туалету. Я едва пузырек на

подушку бросить успела. А тетя Матрена так вообще с тихим «плюх» на пол села.

– Это что ж деется! – запричитала она.

А меня внесли, даже посадили и утопали ругаться с домовихой.

– Ты что, ирод, делаешь! – причитала та. – Мало того что в девичье тело затесался, так ты ж его горишь! О Варе подумал, черт поганный, каково ей будет потом деток-то вынашивать, а?

– Начинаетссся, – прошипели потусторонним голосом. – Да что девке сделается-то?

– Тебе перечислить? – возопила домовиха.

– Не надо, – хмуро ответил демон и тут... начал оправдываться. – Тетя Матрена, любые силовые нагрузки на тело Вари не идут, иначе какой с меня охранник? Создается силовая оболочка, да и не стал бы я ее тело перегружать в... эти дни.

– А-а-а, – домовая захихикала, – так-то тебе, будешь знать, почем доля женская. А теперь скажи-ка мне, Нирхор, мне только что показалось, или как?

– Да... – протянули все тем же потусторонним голосом, – он из наших. Не чистокровный, но наш.

Ну тут уж мое любопытство не выдержало. Со всеми делами покончив, поползла мыть руки. Зашла Варя, на мое «э-э-э», демон выдал:

– И чего я там не видел? – поддержал, пока я непослушными и слабыми руками воевала с мылом и водой.

Потом помог дойти до кровати. Ноги не слушались, руки безвольными плетями висели, в голове было темно и словно прибор шумел.

– Ох, Ярославушка, – домовая поправила подушку, демон практически усадил, ноги на постель положил, Матрена торопливо укрыла, да сразу за ложку. – Поешь тебе надобно, прежде чем зелье пить.

– Ой, – простонала я, – у меня тут столько вопросов возникло!

– Забей, – откровенно послал меня демон.

– У бабушки спрашивай, – тетя Матрена послала значительно дальше.

– Вот она и пришла – страшная, мучительная и жуткая смерть от любопытства, – констатировала я.

А потом снова стало темно, и даже как-то покачивало. Неожиданно качать стало сильнее, а потом и откровенно трясти.

– Да пусть сначала выпьет, – прозвучал голос демона, и в меня начали заливать какую-то горькую жидкость. – Глотай давай!

Послушно все выхлебала. Потом к экзекуции приступила Матрена, залив в меня бульон. Потом трясти перестало, и я уснула.

Проснулась ночью. Резко, будто от толчка. Села, еще не понимая, где я, начала озираться. В том, что случилось что-то плохое, я даже не сомневалась, вот только что?! А вокруг спали ведьмочки, кто-то что-то шептал во сне, от Бажены донесся смех, ей явно снилось нечто приятное.

Осторожно свесила ноги, поднялась. Слабости как не бывало, напротив, сила в теле появилась, но мешала сонливость излишняя. Никак сон-корень в том флаконе был. Внезапно сердце снова сжалось. И страх пронзил ледяными щупальцами. Да что же это делается-то?

– Ярославушка! – домовая, как и полагается домовой, внезапно возникла на пустом месте. – Что, сердешная моя? Чего подскочила-то? Уж до рассвета должна спать сном младенческим, доза-то в зелье была изрядная.

Она думала, что успокоила меня?

– Ташши приходил? – голос после сна был хриплым.

– Зашел, убедился, что спишь, да и заторопился по делам-то своим.

Та-а-ак, попробуем разложить события на составляющие: Ташши заходил много раз, Инар один раз и подпоил меня сном-корнем вкупе с зельем, силы восстанавливающим, о котором я ни сном ни духом. И что же сказал Инар? Было в его словах что-то важное, что я понять никак не могу, но сердце тревожит. «Даже там, с Лин, я мог представить себе, что не успею, и она погибнет... но я не в силах допустить даже мысль о твоей смерти!» – я повторила его слова, сердцем чуя, что здесь что-то кроется, но что?

А потом мне окончательно плохо стало!

– Тетя Матрена, – прошептала я, – а маги... они совсем безголовые, да?

– В большинстве своем да, – а сама явно сеть плетет, на меня не глядит даже. – Ты, Ярославушка, спать ложись, ты...

«Уж до рассвета должна спать сном младенческим, доза-то в зелье была изрядная», – кажется, так Матрена сказала.

И я все поняла!

Маги, причем те самые недоучки, решили охоту на мага-отступника начать! Наверняка и ловушку сделать успели, а я, значит, спать должна... Вот только Инар о моем самочувствии позаботился, а смотрел... он так на меня посмотрел, как в последний раз! Он к битве готовился! К сражению, в котором может даже не выжить!

– Тетя Матрена... – простонала я.

– И не проси даже, – неожиданно грозно сказала домовиха. – Коли сгинет он, так невелика потеря, а тебя от гибели уберегу! Ташши просил.

– Да как же это?

– Это его решение, Ярославушка, – домовая выросла, стала с меня ростом, – а ты не тревожься, спать ложись.

И я вдруг услышала тихий всхлип. Кто-то плакал, причем плакал во сне. Обойдя домовиху, пошла на звук и на обнаружившейся дополнительной кровати обнаружила Лин... которая была не Лин!

– Пусть спит, – прошептала тетя Матрена.

А я, холодеющими от ужаса губами, прошептала:

– Это иллюзия!

Так они меня усыпили, и Лин усыпить пытались, да не зря она магичка, вот и подсунула вместо себя иллюзию!

– Почему они к ректору не пошли? – простонала я. – Или к главному? Откуда эта бравада глупая?

– Откуда мне знать, Ярославушка, – домовая ткнула спящую девушку, и та лопнула мыльным пузырем, – надо же... иллюзия. Сильна Лианна, меня и то обманула...

А я застонала протяжно, за голову схватилась и как заору не своим голосом:

– Девчонки, беда у меня!

* * *

Ведьмин круг многое дает, особенно если ведьм ровно тринадцать. И мы сдвинули кровати, освободили место, взялись за руки. Баж стояла справа от меня, Рогнеда слева. Две наши извечные лидерши словно подбодрить меня пытались. И я была благодарна за поддержку и за согласие. Без лишних слов ведьмочки встали в круг, чтобы помочь раздвинуть грани реальности и увидеть будущее.

– Веселова-роса, небесна слеза. Да пойду по дороге, по дороге тревоги, выйду на распутье, стоят три перепутья. Пойду не по дороге, во земле утопают ноги, во земле сырой теплой, что запах несет травы да корней. Пойду босая, с распущенной косой я, пройду без троп без развилок, во чисто поле выйду, матери-земле поклонюсь я. Да говор не заговор, о грядущем спрошу. Ты, мать земля, ты позволь туману грядущего да развеяться перед взором моим. Покажи мне истину, покажи неизбежное,

да развилку судьбы. Развейтесь туманы, разойдитесь горы, расступитесь реки, покажите Инара-мага. Развейтесь туманы, разойдитесь горы, расступитесь реки, покажите Инара-мага. Развейтесь туманы, разойдитесь горы, расступитесь реки, покажите Инара-мага.

Мы повторяли и повторяли заклинание, синхронно, в такт и даже дышали в унисон. Глаза закрыты, руки сцеплены, энергия свободно по кругу течет, все ускоряясь, и мы твердим свою просьбу.

Вспышка! Я упала на колени, но девочки моих рук не отпустили... иначе я умерла бы в ту же секунду от отчаяния, и из груди моей вырвался крик... Он отдаст свою жизнь за нее! Он отдаст себя за нее! Что же он делает?!

Я завывала от раздирающей душу тоски и боли. Рядом опустилась Рогнеда, обняла, да не утешала, нечем тут утешиться.

– Что? Что вы видели? – испуганно спросила тетя Матрена.

Варвара тихо рассказала. Все ведьмы видели то же, что и я, все ведьмы чувствовали то же, что и я, от того и не утешали...

– Ох я дура старая, – простонала Матрена, – не уберегла Лин, не удержала!

А я завывала, как волчица раненая, да и поднялась стремительно.

– Инара не спасешь, так хоть другим жизнь сохранишь? – Бажена словно мои мысли прочитала. – Лети, Ярослав, да силы наши возьми.

– Яра, – начала Варвара, но мой взгляд ее вмиг остановил, и девушка прошептала: – Лети... Мы сообщим главному.

Ведьмы снова взялись за руки, но на этот раз вся сила текла только ко мне...

* * *

Глубокая ночь близилась к ведьминому часу – было почти два часа ночи. А я летела стремглав к тому самому кладбищу, где одиннадцать магов ожидали жертву, расставив на нее ловушку... И может, даже все получилось бы у них, да я была уверена, что получилось бы... Вот только маг-отступник уже схватил Лин!

Круг в деталях показал, как Лианна вылетает через стену, окружающую академию, да подстреленной птицей падает вниз. Не знаю, какой силы было заклинание. Видимо, кровь Лин позволила сделать ловушку направленной. Знал ли об этом Инар? Вероятнее всего, ведал, ведь не позволял ей в одиночку академию покидать. Да усыпить девушку он

Аниасу доверил, в том и беда!

Я перелетела через стену и на несколько секунд зависла. В меня полетело сковывающее заклинание такой силы, что оно даже подействовало, чего обычно с ведьмами не происходит. Большинство чар протекают мимо, не в силах воздействовать на нейтральную ведьму, а тут... тут было заклинание прямого воздействия, от того я и замерла, но метле никакая магия не помеха.

Медленно, осторожно я расплела заклинание и продолжила путь, ведьмочки мне сейчас столько ресурса передали, что повредить мне мало что было способно. И я молча летела над спящим городом к тому самому кладбищу, понимая, что даже поспев в срок, Инара не спасу...

* * *

Кладбище полыхало всполохами силы и отсветами магической битвы. Их осталось десять, магов-недоучек. Десять тех, среди которых было семь боевых магов и трое некромантов. На мгновение я прикрыла глаза, потому как вспышка магического контура едва не ослепила. Они отчаянно держали оборону, но круг сужался. А там, в центре его, упав на колени и обхватив плечи руками, плакала прекрасная Лианна, которая уже ничем не могла помочь любимому. Инар тоже был там... вот только он уже стоял по другую сторону.

Метла стремительно помчалась вниз. Я спрыгнула, едва верная боевая подруга замерла в шаге от земли.

– Ярослава? – воскликнул Ташши.

Отвечать настроения не было – маг-отступник ломал защитный контур. На его стороне все же был опыт, не говоря уже о накопленной силе. И контур трещал и полыхал, едва удерживаемый светящейся фиолетовой пентаграммой, которую продолжал удерживать Ташши. Только он, остальные маги пытались плести боевые заклинания. С нулевым-то резервом.

– Ярослава! – взревел некромант.

Я не слушала. Ведьма деловито ударила метлой трижды оземь, и метла уменьшилась. Затем я положила ее в передник, сняла перчатки, размотала и сложила шарф. И все это методичными и выверенными движениями, потому что я знала, что делаю, и знала, когда следует приступить.

Неожиданно контур погас, делая видимым стоящего у барьера мага-отступника. И это чудовище, глядя на меня, медленно произнесло:

– Ве-е-едьмочка-а...

«Орель» разозлился.

– Здоровеньки булы, дяденька!

– Язвишшшь? – прошипел маг.

– Ерепенюсь, – ответила я.

– Трепыхаешшшься!

– Разве? – я нагло смотрела на мага-отступника, который сейчас не был способен причинить мне вред, а как защитить тех, кто угодил в собственную ловушку, я знала.

– Ведьмочка! – маг даже голос повысил.

– Не ведьмочка, а ведьма! – рявкнула я.

И я смотрела исключительно на это чудище, стараясь не видеть того, кто безвольной куклой стоял шагах в двадцати позади него...

– Ведьмочка, – повторил маг-отступник, – ты сделала этот приз поистине восхитительным...

– Какой приз? – я не буду смотреть на Инара. Не буду!

– Двенадцать сильных магов, среди которых одна с кровью первородных и в дополнение ведьмочка без должной защиты. Это будет вкусно...

«Орель» расправил крылья, и я вновь задрала голову, чтобы, глядя в рожу мага, вполне радостно сообщить ему:

– Размечтался, урод долговязый!

Он ударил почти мгновенно. Ташши за моей спиной выругался, и пентаграмма, вспыхнув, удержала контур. Но это уже не было необходимостью. Я очень спокойно дошла до края защитного поля, опустила на колени и положила ладони на магическую линию, питая ее своим огромным резервом. И линия на глазах начала увеличиваться, пентаграмма сменила цвет на ярко-синий, а маг-отступник в ярости начал плести новое атакующее заклинание... и еще... и снова...

Мне было неудобно из этого положения смотреть на него, но я все же наплевала на мнение шеи о поведении хозяйки и откровенно злорадно ухмылялась в рожу этому... чуду.

Подбежал Ташши, потом Аниас и Леонс, но они не мешали, отчетливо понимая, что я спасаю их жизни. Понимал это и отступник, свирепея и в яростном безумстве сметая все на своем пути. Вновь и вновь в нас неслись заклинания, но контур удерживала ведьма, и они проходили через меня, не причиняя вреда адептам. В какой-то момент создалось ощущение, что все кладбище – словно огромное торнадо, а мы в эпицентре, но даже это не позволило смять защитный барьер. Сила полного ведьминского

круга – это сила, с которой вынуждены считаться даже архимаги.

И он отступил. Пространство, изломанной грудой окружающее нас, вернулось к нормальному состоянию. А я продолжала удерживать грань, без особого труда и напряжения.

– Ведьма, – задумчиво произнес маг-отступник и неожиданно присел на корточки, напротив меня, – ты действительно хочешь их спасти?

– Да, – спокойно ответила я.

– И надеешься, что силенок хватит?

– Да.

Чудовище хрипло рассмеялось и, чуть наклонившись, так что возле его лба заискрилось защитное поле, тихо спросило:

– Неужели ты веришь, что кучка твоих непутевых друзей сумеет победить меня?

– Нет, – и я убрала руки. Села на землю напротив мага и, улыбаясь, посмотрела на того, кто был одним из носителей смерти. – Слушайте, дяденька, – улыбка моя ширилась, так как, в отличие от мага, я видела, что творится за его спиной, – вы действительно думаете, что ведьмы такие же безголовые, как и маги?

– Ты прямое тому доказательство, – произнес отступник.

– А ты уже труп, – едва слышно сказала я.

Главный ударил без предупреждения! Темно-фиолетовые силовые линии вырвались из его рук, взрывая все щиты мага-отступника. Даркаэрш Рханэ бил без жалости и сожалений, уничтожая зло и его носителя. А я сидела напротив мага на расстоянии вытянутой руки и в странном оцепенении смотрела на агонию чудовища. Смотрела и откровенно поражалась силе нашего главного – и Инар, и Ташши, и Аниас атаковали отступника снаружи, пытаясь убить... А некромант поступил иначе – он убивал чудовище изнутри, воскресив в нем всех тех, кого маг-отступник выпил за годы своей жизни.

– Не смотри, – Ташши заслонил от меня происходящее, а после и вовсе обнял.

Я была не против – от некроманта пахло чем-то приятным, несмотря на ощутимый запах пота. А еще, прижимаясь лицом к его рубашке, я не видела, как чьи-то призрачные черепа вырываются из тела мага-отступника. Но самое главное – я могла сделать вид, что совершенно не замечаю, как столь же методично и безжалостно наш главный убивает Инара... Инара, на которого я старалась не смотреть... Инара, который был связан с отступником, отдав себя за невесту... Инара, который был уже почти мертв.

И несмотря на то что я все это знала, увидев сквозь круг, я вдруг не выдержала:

– Не надо, – простонала я, обнимая Ташши и прижимаясь к нему сильнее.

– НЕТ!!! – закричала Лианна, которая, наконец, поняла, что спасение пришло для всех, кроме Инара. – Не-е-ет, пожалуйста. Нет!

– Он уже не наш, Ярослава, – почему-то Ташши пытался оправдать действия дяди. – И все из-за Лин... Глупая влюбленная идиотка! Мы ждали мага-отступника, все было рассчитано и выверено, я сам проверил расчеты раз двадцать! Мы выстроили защитный контур, я влил силу в пентаграмму и тут...

– Появился этот урод, и у него была Лин, – прошептала я.

– Откуда?.. – Ташши чуть отодвинул, удивленно вглядываясь в мое лицо.

– Дар Предвидения, усиленный полным ведьминским кругом, – почти шепотом ответила я. Тут послышался очередной крик Лин, и я снова прижалась к Ташши. – Я все видела... как маг предложил сделку – Инар и его полное подчинение отступнику или жизнь Лин. Инар вышел из круга в надежде спасти любимую девушку. Но он не понимал, что отступник видит контуры силы и прекрасно осознает: без Инара вектора силы смещаются, ваши выверенные до микроделений схемы рушатся. Произведя размен пешек, маг вполне обоснованно планировал получить всех вас.

– Да, – ошеломленно выдохнул Ташши.

Лин закричала снова, потом завывала.

И ведь она не хуже меня понимает – Инар погиб в тот самый миг, когда позволил отступнику наложить заклинание, и теперь его разум спит. Инар не проснется. И вместо мага, которого Лин любила, теперь имеется лишь одно чистое зло, руководствующееся только древнейшими инстинктами. Инара не спасти... слишком поздно. И что-то внутри подсказывало, что я очнулась в тот самый момент, когда он погиб.

– Танаэш! – крик главного, и некромант, отпустив меня, ринулся к дяде.

Я обняла плечи руками и посмотрела на Лин. Ее удерживали Аниас и один из друзей Инара. Оба парня были бледны, да и остальные не лучше. И все в каком-то священном ужасе взирали на то, что творилось за моей спиной. Я не выдержала и обернулась.

С магом-отступником все было кончено, но... но он отчаянно не желал гибнуть. Используя связующую нить, что осталась после заклинания, направленного на Инара, маг влил свою силу в обращенного. Это было

жутко – чудовище, пожираемое призрачными черепами, вскинув руку, отдает силу. Жутко, но действительно. Действенно настолько, что Инар, с совершенно белыми пустыми глазницами, рычал оскаленной пастью и держал удар главного.

– Танаэш, – вновь крикнул некромант, – он не должен уйти. Слишком много силы, слишком...

И в этот миг ударил Инар. Главного, который практически висел в воздухе, поразило с такой силой, что он отлетел на несколько десятков метров и с трудом сохранил равновесие, а Ташши отлетел и упал.

Тут чудище, которым стал Инар, медленно повернулось к нам. Я нервно проверила контур – он должен был выдержать даже удар той силы, которой смело главного. А обращенный медленно двинулся к нам... ко мне... И он шел, шел, шел... да всего-то шагов пятнадцать и идти было надобно! Когда кукла с лицом темноволосого мага вплотную приблизилась к контуру, я почему-то прошептала:

– Инар...

Ответа я не ждала. Это была уже совершенно другая сущность, которая если бы и вспылала ко мне интересом, то только плотоядным. И я плакала, молча глотая слезы и глядя на губы, которые целовали меня, это были впервые в моей жизни поцелуи. Я буквально оплакивала его...

– Ярослав, отойди! – скомандовал главный.

А я почему-то продолжала стоять и смотреть на Инара.

– Ярослав, пожалуйста, умоляю, Ярочка, только не отходи от него, – взмолилась Лин. – Я все что хочешь сделаю, только не дай им убить его... Ярослава!..

– Лин, он уже другой, понимаешь? – Аниас явно был зол на нее.

– Не убивайте его-о-о, – Лианна рыдала, – не убивайте... не надо... Инар!

Я видела, что два некроманта готовы нанести удар, и я понимала, что это будет последний удар для того, кто все же был мне дорог... и я осознавала, что нужно отойти, потому что главный боялся задеть меня, а мой контур вряд ли посчитает его магию опасной и, скорее всего, пропустит ее. Несмотря на то что разум отчетливо осознавал ситуацию, сердце поступило по-своему.

– Инар, – тихо позвала я.

Чудище вскинуло голову, вглядываясь в меня, словно слышало, словно понимало... и я протянула руку, касаясь руки обращенного и вливая в него остатки своего ресурса...

Удар! Меня снесло ударной волной, но, падая, я все же успела

заметить портал...

– Черт! – взревел главный.

– Ярослава! – закричал Ташши и бросился ко мне.

А я благополучно потеряла сознание. Имею право, между прочим, меня повторно высосали с разницей в сутки.

* * *

– Что ты наделала!

Нет, пробуждения в последнее время определенно не радуют...

– Как вы это допустили?! – продолжал орать главный.

– Виновата, – простонала тетя Матрена.

А я открыла глаза. Находились мы в академии, я лежала на своей постели, рядом сидела Верховная и держала меня за руку.

– Тшш, – сказала Василена Владимировна, – не двигайся пока, я пытаюсь восстановить тебя.

– Ты ей не ресурс, ты ей мозгов лишних передай! – бушевал наш министр.

– Люби-имый... – ласково протянула Верховная и неожиданно резко и жестко добавила: – Смени тон!

Главный умолк. Стоял, возвышаясь над моей кроватью, и гневно взирал на супругу. Потом резко выдохнул, медленно и глубоко вдохнул и обманчиво спокойно спросил:

– Василена, ты осознаешь, что сотворила твоя подопечная?

Верховная улыбнулась мне и, продолжая поглаживать мою ладонь, словно ни к кому не обращаясь, ответила:

– Моя подопечная испытала видение и поведала о нем. Твои подчиненные и прославленные маги не приняли никаких мер! Все записали, выведали каждую деталь, несколько часов кряду третировали Ярославу, но... не приняли никаких мер! Моя подопечная повторно увидела грядущее, сообщила о нем адепту Аниасаннару... тьфу ты, язык сломать можно, Герноа, и снова ее предостережение проигнорировали. Моя подопечная, рискуя собственной жизнью, спасла жизнь этому самому, который «тьфу ты язык сломать можно». Но это не все, ей пришлось отдать весь свой резерв, чтобы троица адептов не отбросила копыта от встречи с угрозой, которая им не по зубам. Моя подопечная, едва оклемавшись, была вынуждена ринуться на спасение двенадцати магов, ибо те, вместо того чтобы сообщить об угрозе, не вмешиваясь в битву, которую могут

выиграть лишь в соотношении пятьдесят на пятьдесят, то есть «авось повезет», полезли на рожон! И если бы моя подопечная не вмешалась и не влила свой далеко не бесконечный ресурс в криво выстроенный защитный контур, то сейчас, любовь моя, ты имел бы дело не с одним обращенным, а с двенадцатью, плюс нахлебавшийся силы маг-отступник! Так что, прежде чем орать на едва пришедшую в себя ведьмочку, следовало бы сказать ей спасибо!

Некромант криво ухмыльнулся, отвесил мне шутливый поклон и едва ли не пропел:

– Благодарю вас, Ярослава, за избавление от гибели неминуемой недорослей моих недоученных, за то, что живота не пожалели в спасении идиотов самонадеянных, но особенно за то... что теперь у меня проблема в виде агрессивного и полного силы обращенного! И как ты думаешь, Василиена, сколько дней ему потребуется, чтобы, отлежавшись в какой-нибудь пещере, прийти к выводу, что очень жрать охота! А напомнить ли тебе, радость моя ясноглазая, какой именно рацион предпочитают обращенные? Балычок они предпочитают, причем из магов!

– Гурманы, – подметила Василиена Владимировна.

– Жизнь моя, – главный опустил на мою кровать, по другую сторону от супруги, – ты хоть понимаешь, сколько магов погибнет, прежде чем мы сумеем отыскать его логово? Сотни, Василеночка! Обращенные обычно лишены силы, маг-отступник ее выпивает, а этот... Арканэ и в разумном состоянии не отличался умом, сообразительностью и не особой разборчивостью в методах, а теперь это коварный, хитрый и полный силы хищник! И когда он выйдет на охоту, даже я в одиночку мало что смогу ему противопоставить.

На это его угрюмое замечание Верховная задумчиво ответила:

– Сомневаюсь, вряд ли ему будет что тебе противопоставить, милый.

– Ты преувеличиваешь, – несколько неуверенно произнес главный.

– Преувеличением никогда не страдала, – меланхолично сказала Василиена Владимировна, – к тому же ты единственный маг, в одиночку уничтоживший отступника... Ну что тебе, такому сильному, настойчивому и упертому, стоит спасти какого-то обращенного?

– Спасти?! – наш министр даже подскочил.

– Жа-а-алко мальчика, – протянула Верховная.

– Ты... ты... ты...

– Я тоже тебя люблю, – мило улыбаясь, сказала Василиена Владимировна.

Главный молча развернулся и вышел.

И вот после всего этого остался у меня только один вопрос:

– А что, его можно спасти, да?

Верховная посмотрела на меня, потом на домовую и ответила:

– Если сказанное Матреной правда, тогда шанс на спасение мальчика, и весьма внушительный шанс, у моего любимого имеется.

Вот так родилась надежда. Встрепенулась, распахнула крылья и воспарила где-то в сердце, примиряя с реальностью.

* * *

Болела я долго. Верховная запретила использовать экстренное пополнение энергетического ресурса, потому что это вредно, и мне прописали постельный режим. Правда, от лекций не освободили. И я, лежа в постели, смотрела, как уверенный почерк Рогнеды повествует о новых знаниях. Верховная связала наши ученические тетради, вполне обоснованно заявив, что Рогда – самая ответственная. И я училась лежа, под неусыпным наблюдением Матрены.

Потом произошли два знаменательных события. Первое – ректор изменил правила безопасности в академии, и всех участников тех событий посадили под домашний арест. Второе – гномы вернулись, правда, не все. И с условиями, на которых согласны и далее оказывать услуги Академии прикладной магии. Поговаривают, а точнее, Матрена поведала, что бедный Ваэдан Шмидкович краснел и бледнел, зачитывая сто двенадцать пунктов, а уж подписывал под давлением всего преподавательского состава. Зато наш главный подписал, даже не читая, ну грех ему было не узнать почерка Василины Владимировны. А еще у нас ввели курсы «Бытовая магия» и «Трудовое обучение». Правда, ведьмочкам их можно было не посещать, зато нас активно готовили по предмету «Прорицание. Методы и схемы».

Но дела академии как-то мирно текли мимо, не задевая сферы моих интересов, потому что каждое утро я с замиранием сердца ждала... газету. Самую обычную утреннюю газету, которая выпускалась на одном-единственном листе и содержала в себе все новости королевства. Газеты мне носила Матрена, бесцеремонно заимствуя их у ректора, потому как без этих листков завтракать я напрочь отказывалась.

– Ну что там? – вопрошала домовая, забираясь ко мне на постель.

– Исчез маг... – читаю первый заголовок, и сердце замирает. – Седьмого вересня жена мага Ивлиса заявила о пропаже супруга. В связи с повышенными мерами безопасности к поискам приступили мгновенно,

однако опасения не оправдались. Искомый маг был обнаружен в питейном заведении, изливающим душу трехлитровой бутылки горилки. При задержании маг выражал жалобы только в адрес супруги.

– Ху-у, – выдыхала Матрена, – а еще что-то?

– Об Инаре ни слова, – и я откладывала газету.

Домовая тут же опускала ее под кровать, где уже ждал гномик, и печатное издание возвращалось к ректору.

Так и жили. Главный ожидал активизации Инара с третьих суток после случившегося, но нападений на магов не было. Всех специалистов по боевой магии подняли по тревоге, поисковые заклятия обследовали любое подозрительное явление по сорок раз, но ничего найдено не было. Инар ни на кого не нападал.

Главный наш иной раз появлялся в академии – злой, заросший, не выспавшийся и усталый. Шли дни, недели, прошел целый месяц. Я уже вставала и даже начала ходить на лекции, а об Инаре не было никаких известий.

Однажды, вернувшись с практической работы по прорицанию, мы застали главного и Верховную в нашей комнате, мирно попивающими чай в компании Матрены.

– Добрый вечер, девочки, – сказала Василина Владимировна.

Мы наплевали на статус уже взрослых и серьезных и с визгом бросились к ней обниматься.

– Что за жизнь у меня? – задумчиво произнес главный. – Приходит жена на работу, все ее обнимают. А мне нельзя, ибо «не при людях же». Приходит жена домой – все ее обнимают и целуют, а я опять жди очереди, чтобы услышать «не при детях же». Вот почему всем можно, а мне нельзя?

Мы смущенно похихикивали, но от Верховной не отлепились, даже сесть постарались поближе, оттеснив некроманта.

– Василина Владимировна, – я с надеждой посмотрела на ведьму, – есть какие-то новости?

Верховная улыбаться перестала, взяла меня за руку, сжала и честно ответила:

– Нет, Ярослава, к сожалению, никаких. Для прорицателей будущее скрыто, мы в школе с главными ведьмами прибегли к полному ведьминому кругу и... ничего.

– Инар крутится вокруг академии, – вступил в разговор главный, – несколько раз срабатывали охранные заклинания, но нападений не было и нет. И это вынуждает меня задать тебе несколько вопросов, Ярослава.

И тут Верховная посмотрела на девочек, все ведьмочки встали,

быстренько изобразили реверанс и ушли в соседнюю комнату, которую нам выделил ректор под учебный класс. Дверь закрыла Матрена, да и села рядышком.

Я вдруг почувствовала себя как на допросе, но Василина Владимировна села поближе и обняла за плечи, и жуткое неуютное ощущение мгновенно исчезло.

– Ярослава, – начал главный, – его кто-то кормит. Нереально, чтобы обращенный месяц голодал. Это невозможно. Три-четыре дня максимум, не более. Его кто-то кормит, и досыта, иначе монстр перешел бы к убийствам обычных людей.

Я поежилась, Верховная обняла меня крепче, а главный продолжил:

– Мы держим под контролем всех адептов академии, только Ташши под домашним арестом во дворце, но туда Инару не проникнуть. Лианну стережем особо, у нее также не наблюдалось оттока энергии. Но и ты восстановилась полностью, и потери ресурса у тебя нет.

А я вдруг поняла, почему ни разу с тех событий не видела ни Ташши, ни остальных. Хотя и лекции у нас сейчас шли потоком только с прорицателями и травниками.

– Ярослава, – тихо позвала Верховная, – ты нам ничего сказать не хочешь?

– Мне сказать нечего, – честно ответила я.

Главный усмехнулся и вдруг спросил:

– Инар говорил о своей сущности?

Я вздрогнула.

– Ага, значит, говорил, – догадался некромант, – и, следовательно, все же он демон. Еще бы понять, какой.

Я посмотрела на Верховную, та пожала плечами и грустно сказала:

– Семья Даишессе Арканэ очень древняя, и в их генеалогическом древе упоминаются демоны, но... Инар не был демоном при поступлении в академию, здесь с этим строго.

– Ну я же поступила, – невольно возразила я.

– Ты и не демон, – Василина Владимировна щелкнула меня по носу, – ты ведьма, пусть и не чистокровная. Но ведьма, твой ресурс, твои таланты, да и вся твоя сущность прямое тому подтверждение. И магии в тебе ни капли, Ярослава. А в Инаре ее столь много, что это всегда восхищало преподавателей, все годы его учебы. Но мы сейчас не об этом. Что было между вами там, на чердаке академии? Я понимаю, что вопрос личный, а учитывая одеяние адепта на тот момент, еще и интимный, но ответь, пожалуйста.

Смущаясь, краснея и бледнея, я начала рассказывать. Глядя на сложенные на коленях руки и обходя такие подробности, как его губы на моей груди, в общих чертах говорила... о действительно интимном. К концу моего повествования и главный и Верховная молча смотрели друг на друга. Матрены не было, и это меня порадовало.

– Та-а-ак, – протянул некромант, – допустим, демон. Хорошо, допустим, даже наполовину демон, это две недели максимум. Не больше.

– Я свяжусь с Повелителем, – задумчиво произнесла Василина Владимировна, – судя по всему, появление Ярославы сильно повлияло на него. Это какое-то кровное притяжение, и это...

– Нет, – главный отрицательно покачал головой, – Яра не демон. У Ярославы кровь человеческая, как и сущность. А кровное притяжение срабатывает только в одном случае: демоны чистокровные – раз, и они связаны еще с детства – два. То есть никак!

– И что же это тогда? – хмуро спросила Василина Владимировна.

– Это... – Главный посмотрел на меня, весело подмигнул и ответил Верховной: – Это любовь, мой василечек.

– Ха-ха, – язвительно ответила Верховная ведьма.

– Ну да, тебя и мои чувства до-о-олго веселили, а мне знаешь как погано было?

– Как? – не удержалась я от вопроса.

– Пролетели. – Некромант подпер голову рукой и задумчиво произнес: – Итак, вернулись к тому, с чего начали... Если честно, я склоняюсь к тому плану, что разработала Лианна, но... при участии Ярославы.

– Нет, – резко произнесла Верховная.

– А что за план? – я просто-таки само внимание.

Главный попытался ответить, но Василина Владимировна его перебила:

– Плохой план, – она гневно смотрела на мужа, – и он в духе магов, то есть опять все на авось! Ведьма против!

– Ведьма всегда против, – парировал некромант, – но, Василеночка, что ты мне предлагаешь? Инар действительно ведет себя как хищник, очень разумный хищник, ибо даже маг-отступник уже раз десять попался бы в те ловушки, что наш мальчишка с легкостью обходит. Он их просто взламывает! Все! И что я имею – у меня на подведомственной территории имеется обращенный, которому все нипочем. Пока и, заметь, только пока он никого не убил, но что будет дальше? Лианна Эльвейс все же умная девочка, она когда-то сглупила, не спорю, но все влюбленные совершают

ошибки, а этот ее план я одобряю. Попытаться стоит.

И я с такой мольбой посмотрела на Верховную, что ведьма, глубоко вздохнув, молча кивнула. Но затем сказала:

– Даже если он вернется, то события последних дней будут стерты напрочь, Ярослава. Тебя для него не будет, будет только Лин, потому что та привязанность сильнее и дольше по времени. Выдержишь?

Я кивнула.

– Подумай, Ярослава, хорошо подумай... ты ведь тоже влюблена, я же это вижу.

– Со своими чувствами я как-нибудь сама разберусь, – честно ответила Верховной, – все равно ничего хорошего я от Инара и не ждала, он же маг.

– А слова-то все знакомые, – со смехом ответил главный. – Василина, плохо ты на подопечных влияешь.

И тут в дверях показалась Матрена и объявила:

– Пирог готов. Давайте чай пить.

И я позвала девочек. А потом мы все вместе пили чай. А на прощание главный мне сказал: «Завтра сообщу время и подробности», а Верховная шепнула: «С девочками посоветуйся, одна голова хорошо, а тринадцать лучше».

Но я и так советоваться собиралась, и ведьмочки в этом даже не сомневались.

– Объявляем шабаш? – весело спросила Рогнеда, едва дверь за ночными гостями закрыла.

– Ой, девочки... – прошептала я.

– Мы все умрем? – улыбаясь, спросила Любава.

– Но маги первые, – как-то жизнеутверждающе произнесла Милолика.

– А жаль, – Баж издала восхищенный стон, – с их-то способностями в области поцелуев...

– И не только... – поразила нас всех Ярина.

– Рассказывай! – разом потребовали мы.

Каюсь, Инар был забыт. Я, выпавшая из реальности на столько времени, молчаливо внимала историям про ну такую любовь!

– Я первая, – все еще смущенно сказала Ярина и поведала нам о НЕМ! Именно так, с самой большой буквы, хотя у него все было большое, как нам сообщила ведьма. В смысле, рост, руки и самое главное – ум! А мы, ведьмы, это больше всего ценим.

В общем, в тот самый вечер, когда я путешествовала на кладбище и обратно, Яриночка и Никас, тот самый некромант, что ко мне пришел, заспорили на тему... как правильно призывать домовых. Ну да, нашли

о чем спорить. Никас решил доказать верность собственной теории, для чего повел ведьмочку... под лестницу. Умом Ярина обычно блистала на всех лекциях, а тут почему-то сглупила. Далее маг решил провести испытания амулетов на прочность... испытал. Симптомы были те же, что у Инара – дрожание и потеря сознания. На этом история только начиналась – перепуганная Ярина рванула из-под лестницы на поиски тех, кто может помочь, и врезалась в...

– ...В Ринаса Девера, – пробормотала ведьмочка. – Боевой маг, курировал практикантов у восточной границы, вот и привез отчеты... Высокий, волосы темные в хвостик собирает и...

В общем, любовь с первого взгляда продолжала косить ряды боевых магов. Когда их нашли ведьмочки, которые металась в поисках меня, Варвары и собственно Ярины, то маг и наша скромница-отличница стояли так близко друг к другу, что и объятий уже не требовалось. Вокруг лежали листы с отчетами по практике, которые разлетелись при столкновении, под лестницей стонал несчастный Никас, а эти двое стояли и смотрели друг на друга. Яринку увели, к адепту позвали целителей, боевой маг покинул академию, Ярина ревела по ночам в подушку.

Ну а потом состоялся мой повторный визит на кладбище... Как оказалось, на второй день после истории с обращением Инара Ринас Девер ожидал Ярину на той самой лестнице с ректором и букетом цветов. Маг времени даром не терял, смотался в Ведическую школу, пообщался с Верховной. Потом навестил родителей Яринки, получил благословение. И вот после этого примчался к любимой. Маги, что тут сказать...

– Ну и вот, – краснея, бледнея и смущаясь, выдала ведьмочка.

– Что дальше?! – разом заорали все мы.

– Ты нам лучше поведай, где прошлую ночь пропадала, а лучше конкретно, чем занималась, – проворчала Рогнеда, – а историю того, как ты от него рванула по той самой лестнице, а он вокруг академии за тобой гонялся, мы и так знаем.

– Правда? – удивилась Ярина.

– А то, – Баж хмыкнула, – мы из окна смотрели и ставки делали. Я выиграла – он тебя догнал под дубом, а поцеловал под березой.

– Капитуляция произошла там же, – добавила Милолика и заныла: – Ну ра-а-ассказывай!

– Да что рассказывать, – Яринка нахмурилась, – вы и так все знаете!

– Ты не увиливай! – грозная Рогда – это нечто. – Ну как у вас это было?

– Что это?

– Ну это самое?
– Которое?
– Ну когда двое тыгыдымс...
– Э-э-э....
– Ярина!
– Рогда, не ори на меня!
– Да я завою сейчас! Ну как... как он... ну сама понимаешь.
– Что понимаю?!
– Да ты с ним ночь провела!
– Я знаю, – ведьмочка покраснела.
– И как?
– Хорошо... даже очень.
– И как оно было, это «очень»?
– Ну... очень-очень...
– Я убью тебя, ведьма! – взревела Рогнеда.
Яринка обиженно взирала на Рогду, а та реально выла.
– Ну... ну... ну с чего он начал?
– Предложил поужинать, – прошептала ведьмочка.
– А потом перешел к сладенькому? – восторженно спросила Бажена.
– Н-н-нет, мы чай пили...
– Неопытный маг какой-то, – неожиданно хрипло проговорила Варвара, – у него первая ночь намечается, а он жертве эротических планов чаю наливает...
– Варя! – воскликнула я.
Демон сник, явно уступая место той, кому в этом теле и было место.
– Так, Ярина, – Рогнеда перешла к допросу с пристрастием, – что там было после чаю?
– Не помню... – ведьмочка улыбнулась такой счастливой улыбкой, что мы ей реально поверили, – нам было не до чая... он остыл.
– Ы-ы-ы, – Рогда опять завывала. – Хочу про секас!
– А-а-а, – догадалась допытываемая, – так вот что ты тыгыдымсом обозвала.
– Ну да! – Рогнеда прямо даже оживилась вся. – И как это было?!
Снова счастливая улыбка и скромненькое:
– Знаешь, то, что происходит между двумя влюбленными, должно оставаться тайной для всего мира... Вот.
– Ы-ы-ы... – это Рогда.
– Жестокая-а-а, – это Бажена.
– Коварная-а-а, – Милолика.

– Я ж от любопытства помру! – Любава.
– Хоть в общих чертах, – взмолилась Бажена.
– Ну и правильно, это действительно должно быть тайной, – сказала Людмила.

– Ты только скажи, это не больно? – Видана спросила и сама смутилась.

– Ну так... чуть-чуть, – Ярина сидела красная, как роза, – но это как-то теряется на фоне остальных ощущений. И так приятно, и словно паришь над всем миром, и так сладко и...

– И-и-и? – Рогда положительно не желала униматься.

– Хорошо, девочки, просто хорошо. Хорошо быть любимой и желанной, хорошо быть нужной, хорошо знать, что это твой первый и единственный мужчина, который станет отцом твоих детей. Хорошо просыпаться утром в его объятиях и осознавать, что не совершила ничего предосудительного, потому что он твой жених и станет мужем. Хорошо, потому что понимаешь – это все по-настоящему и над твоими чувствами никто не насмехается. Хорошо и тем, что, когда уходит страсть, приходят нежность и чувство надежности...

Мы помолчали. Молчание прервала Святомира:

– Короче, вывод такой – всех адептов посылаем на болото пиявок сушить и переключаемся на взрослых магов. А что – эти адепты только и знают, что по углам зажимать, а сами потом в кусты, то есть к невестам. А настоящие маги, в смысле настоящие мужчины, в смысле... ну вы меня поняли, они сразу переходят к решительным действиям – то есть к свадьбе! Вот... я все сказала.

– А что-то в этом есть, – задумчиво проговорила Рогда, – вот у Василины Владимировны, когда она с мужем встретилась, главный уже при должности был. И у Яринки – тоже маг взрослый состоявшийся мужчина без завихрений в голове. Так что я за вывод Святомиры руками и ногами. А адептов в топку!

– Лучше в ступку, из них порошочек бы вышел неплохой, – хихикнула Бажена.

– Эхх, – протянула я, – а свадьба когда?

– Да вот мама с папой в столицу придут, и отпразднуем свадьбу. Девочки, а вы со мной платье выбирать пойдете?

– А то, – Рогда хмыкнула, – доведем продавщиц до истерики.

Да, это мы умели.

– Ну поговорили о хорошем, и будет, – Рогнеда повернулась ко мне: – Давай, Ярослава, поведай нам о любви своей безответной.

Иногда мне очень хочется ей кое-что сказать, и сейчас я ей это сказала:

– Ведьма, я убью тебя!

– Не-е-ет, ты меня любишь, просто где-то очень глубоко в душе. Яр, рассказывай.

И я рассказала. Рассказала все абсолютно, разве что... утаила часть событий на чердаке. А после сидела и ждала их реакции, хоть какой-то.

– Ну ты сама себе не простишь, если хотя бы не попытаешься спасти этого кобелюку плешивого, – задумчиво произнесла Бажена.

– Давайте его спасем, а потом убьем, чтобы неповадно было, – Любава радовала, как и всегда.

– Спасать нужно, – высказала свое мнение Рогнеда, – а после пусть со своей магичкой обжимается. Ты на Ярину посмотри – вот оно счастье, и скажи мне искренне – кем будешь, если разрушишь?

И все снова замолчали.

– Спать ложитесь, – раздался из угла голос Матрены, – чай, утром не выходной.

«Здравствуй, дорогой дневник, – писала я спустя час, ибо традиционный ежевечерний распорядок соблюдался строго, – вот лежишь ты у меня на коленях и хорошо тебе. А мне плакать хочется, очень-очень. И вот что мне делать?»

«Спать ложись!» – гласили неожиданно проступившие слова.

– Что? – изумленно выдохнула я, вглядываясь в написанное не мной.

«Спать, говорю, ложись, дура влюбленная!»

– Что?

– Ярослава, – меланхолично отозвалась Рогнеда, – в третий раз говорю: спать ложись.

– А чтоб тебя! – от досады разреветься хотелось. Действительно, кто кроме нее в моей единой ученической тетради писать может, Верховная же доступ дала.

– Ярослава, ложись спать. Утро вечера мудренее, а Инара ты не любишь.

– ЧТО?!

– Не чтокай! Когда любят, за любимым и в огонь и в воду, вот ты за Аниасом помчалась, а пока там Инара убивали, сидела да с нами советовалась. Так что не надо мне тут жертву изображать! Спать давай!

И Рогда приказала свет гасить. Погасили, вроде все засыпать начали. Но тут скрип раздался, и две тени скользнули к одной кровати. Через мгновение раздался шепот:

– Ну как это было, а? – вопрошала Рогнеда.

– Ну сам процесс, – насела на Ярину с другой стороны Бажена.

– А НУ ЖИВО СПАТЬ, СОРОКИ! – рявкнула Матрена.

И все легли спать. Правда, спустя еще час мы опять услышали протяжное:

– Ну Расскажи-и-и...

Но это Рогда уже во сне с кем-то разговаривала, а Ярина спокойно спала.

* * *

– Мне всю ночь секс снился! – заорала Рогнеда с утра пораньше, и это заявление разбудило всех. – А-а-а!

– И как оно было? – сонно спросила Ярина.

– Не знаю-у-у! – Рогнеда вскочила. – В общем, мне снилась академия, и маг такой краси-и-ивый. Большой такой, волосы золотые, глаза зеленые, губы такие мужественные, скулы высокие, нос орлиный, а взгляд-то... Ах. И я такая иду, а он навстречу... и такая любовь меж нами! И все вокруг летает, кружится, а я смотрю на него, а потом подхожу, обнимаю нежно и...

– И? – я окончательно проснулась.

– И говорю – а Расскажи, как оно бывает, когда двое тыгыдымс...

– А он? – отозвалась Бажена.

– Убежал, – грустно констатировала факт Рогда. – Но где ж это видано, чтобы маг сбегал от ведьмочки, а?

– Нигде. – Милолика встала и направилась к ванной.

– Вот и я о том... неправильный какой-то маг. Ну я и побежала за ним, дай, думаю, втолкую мужику, что он какой-то неправильный.

– Он выжил? – это Любава проснулась.

– Быстро бегают, кобелюка плешивый, – Рогда печально вздохнула. – Ну ничего, я его в следующем сне догоню обязательно.

Мы посмеялись, встали. Потом была очередь в ванны, торопливые сборы, плетение косичек на ходу, и за пятнадцать минут до лекции, прижимая к груди единые ученические тетради, мы ровным строем шагали по коридору. Уже чистому, кстати. Двенадцать ведьмочек в строю, Рогнеда впереди. Ага, по одной сзади мы больше не ходили.

И вот спускаемся на первый этаж, чинно, благопристойно так, выходим в холл и тут...

– Ой, – сказала Рогда и застыла.

Нам навстречу шел ректор Ваэдан Шмидкович, но суть не в этом. Рядом с ним гордо вышагивал высокий, стройный и удивительно прекрасный... эльф! Золотые волосы чуть выющимися локонами струились по плечам, нос с едва заметной горбинкой, а самое главное – глаза зеленые! И вдруг его взгляд, до этого небрежно скользивший по всем, остановился на Рогнеде.

– Вот тебе и вещий сон, – прошептала Святомира.

– Он труп, – добавила Любава.

– От меня не уйдет точно, а дальше как сложится, – решительно произнесла Рогнеда.

Ничего не подозревающая жертва девичьих снов неторопливо приближалась к нам в обществе ректора. И подходили они все ближе...

– Ты это, пусть сокращает расстояние, потом легче будет догнать, – посоветовала Бажена, ехидно подхихикивая.

– На то и расчет, – совершенно серьезно ответила Рогда.

А ректор подвел несчастного к нашей компании, остановился и эдак вежливо и немного снисходительно произнес:

– А это наша экспериментальная группа из Ведической школы, с которой вы будете работать, многоуважаемый магистр Эльррис. Наши ведьмочки очень воспитанные и исполнительные девочки. За то недолгое время, что они проучились в академии, успехи каждой впечатляющие. Ну и дисциплинированность на уровне, что вы, несомненно, оцените.

К сожалению, ректору не был известен тот факт, что у Рогнеды в детстве было прозвище Таран и она его всегда оправдывала.

Вот и сейчас ведьмочка молча передала ученическую тетрадь Милолике, вороватым движением достала моток нервущейся нити из передника и, шагнув к эльфу, удивленному ее неотрывным взглядом, торжествующе возопила:

– Попался!

В следующую секунду Рогда бросилась к добыче. Эльф, с которого мгновенно слетел налет эдакой пренебрежительной ленцы, проявив неожиданную прыть, прикрылся собственно ректором. После чего прозвучал его низкий, чуть хриловатый и удивительно напевный голос.

– Магистр, – обратился он к ректору, – потрудитесь объяснить происходящее! – и снова увернулся от Рогнеды.

Однако девушка, расслышав его фразу, остановилась и, пристально глядя на эльфа, ответственно заявила:

– Мужик, третий в нашем дуэте явно лишний!

Несчастный Эльррис заметно побледнел, нервно сглотнул и,

продолжая держать руки на плечах ректора, то есть использовать его в качестве живого, но бессловесного щита, вежливо осведомился:

– Уважаемая адептка, потрудитесь объяснить, что происходит?

– Не сбежишь, – заявила совершенно счастливая Рогнеда.

– Да что вам от меня нужно? – голос эльфа, даже до глубины души возмущенного, оставался мужественным, красивым и напевным.

– Тыгыдымс... – загадочно ответила Рогда.

Эльф на мгновение замер, потом обратился к ректору:

– Простите, а что это?

Ваэдан Шмидкович оказался не в состоянии отвечать. Нет, он попытался что-то сказать, но в этот момент Рогнеда вновь ринулась в атаку и натолкнулась на умело выставленный эльфом щит... то есть на ректора. Несчастный руководитель Академии прикладной магии получил локтем в живот и теперь был способен только стонать, согнувшись в три погибели.

– Вот я всегда говорила, что нельзя стоять на пути двух влюбленных, – задумчиво проговорила Видана.

А мы все умирали со смеху.

Далее события развивались стремительно, так как щит утратил боеспособность и выбыл из противостояния. С радостным визгом Рогда бросилась на эльфа, который чудом устоял, и развернула нервующую нить. Задержав дыхание, мы приготовились к дальнейшему. Увы! Эльф, несмотря на хрупкое телосложение, проявил невероятную физическую силу, схватив Рогнеду за шиворот, и приподнял над полом одной рукой. Второй же отобрал нервующую нить... На мгновение он задумался, словно раздумывая над тем, куда бы ее зашвырнуть, но в результате ловко свернул и запихнул в тот самый кармашек, откуда ведьмочка ее достала. Продолжая вот так удерживать Рогду, спокойно и вежливо Эльррис спросил:

– Что такое «тыгыдымс»? И почему вы так уверены, что именно я обладаю этим загадочным артефактом?

Рогда перестала вырываться и безуспешно перебирать ногами в воздухе, потом попросила:

– Отпустите меня, пожалуйста.

– Вы на вопрос не ответили, – ледяным тоном произнес эльф.

Смотрелись они потрясающе – златовласый эльф в светло-серебристой одежде и темноволосая ведьмочка, в черном платье, которую он без малейшего напряжения держал на весу.

– Ну... – Рогда вдруг погрузилась, опустила голову и печально вымолвила: – Тыгыдымс... это тыгыдымс.

– А точнее? – Магистр этот – сама вежливость.

– Секас... – прошептала Рогнеда.
– Простите? – переспросил эльф.
– Не прощу! – грозно ответила ведьма и снова начала доставать что-то из кармана передника.

Я не выдержала издевательства над подругой и поспешила вмешаться.

– Простите, магистр Эльррис...

Эльф обратил высочайшее внимание на меня и раздраженно задал вопрос:

– Что такое «тыгыдымс»?

– Э-э-э... – дар речи меня покинул.

– Ну это – пам парарам, – внесла ясность в ситуацию Бажена.

– Оно же «это самое», – добавила Милолика.

– И в то же время оно «то самое», – не осталась в стороне Святомира.

Эльф выругался и уже весьма раздраженно попросил:

– Будьте добры внести ясность в определение!

Мы все смутились и возобновили попытки донести до него истину:

– Ну это когда двое... и они хранят эту тайну от всего мира, – сообщила Ярина.

– Это только ты тайну хранишь, – обиженно заметила Бажена, – нормальные люди делятся опытом с подругами. А вот теперь скажи: как я, ничего об этом не ведающая, смогу пережить тыгыдымс?

– Ну я же пережила! – возмутилась Ярина.

– На этом фронте погибли лучшие из нас, а ты... тайну она хранит, – все еще возмущалась Бажена.

Эльф опустил Рогнеду и, утратив интерес к нашим разборкам, обратился к Бажене:

– Так у вас идет война? Простите, я не ведал. Тогда ваша реакция вполне обоснованна. Поверьте, ради спасения своей родины я тоже решился бы на многое. И все же вынужден огорчить вас, уважаемая адептка, артефакт «тыгыдымс» мне не известен и я не являюсь его обладателем. Но если хоть чем-то могу вам помочь, я к вашим услугам.

– Лучше бы он сбежал, – сдавленно прошептала Бажена.

И тут оклемался ректор. Выпрямился, резко выдохнул и как гаркнет:

– Адептка Рогнеда, в мой кабинет, немедленно!

– И будет ей там полный тыгыдымс, – ляпнула Милолика.

И вот тут до эльфа дошло. Ушастый покраснел, побледнел, снова покраснел и так внимательно посмотрел на Рогду.

– Мы все умрем, – простонала Любава.

– На всех его не хватит, – авторитетно заявила Бажена.

– У меня слов нет! – орал на нас ректор.

И врет же, нагло врет, уже с полчаса распинается на все лады. А эльф у окна, присел на подоконник, руки на груди сложены и не отрывает недоброго взгляда от Рогнеды. Ведьмочка краснела, бледнела и в результате выдала:

– Я не виновата, что он мне в эротическом сновидении приснился!

Эльф закашлялся, ректор побагровел, и тут... дверь открылась.

– Ах вот вы где, – радостно произнес наш главный.

Рогда мгновенно бросилась за спину нашего министра и прошептала:

– Спасите меня...

Магистр Рханэ расхохотался и сквозь смех спросил:

– От кого, Рогнедушка? Василеночки тут нет, а что касается остальных, тут еще надо разобраться, кого от кого спасать. И, зная тебя, уверен, что придется спасать этого кого-то.

Повернулся, приобнял смущенную ведьмочку за плечи и все так же весело проговорил:

– Ладно, показывай папочке, кто обидел нашу воинственную девочку.

– Он, – как маленькая, наябедничала Рогда и указала на эльфа.

Главный посмотрел на обидчика и еще пуще обрадовался:

– Магистр Эльррис! Рад, что ты так быстро смог приехать! – И снова повернулся к Рогде: – А чем он тебя обидел? Милейший эльф, кстати. Честный, ответственный, благородный.

– Угу, – буркнула Рогнеда, – а мы очень дисциплинированные...

– Та-а-ак, – некромант снова посмотрел на эльфа, – и что у нас случилось?

– Тыгыдымс! – выдал ушастый.

У главного сначала одна бровь вверх полезла, за ней вторая, после чего последовал вопрос:

– Ты когда успел? И если успел... я на твою могилу буду цветочки носить! – Но почти мгновенно из его тона и жестов исчез любой намек на веселье. – Онтар, что здесь произошло?!

Эльф нахмурился и честно ответил:

– Ничего! Но данная юная и не обремененная моралью адептка прилюдно требовала от меня этого вашего тыгыдымса!

Лицо главного стало незабываемым. После чего он очень медленно повернул голову и взглянул на Рогду. Но наши ведьмы не сдаются.

– Меня интересовала только теория, – призналась Рогнеда и тут же сдала Ярину, – а эта партизанка молчит и не рассказывает. И тут мне ночью этот эльф приснился, ну я и собиралась у него спросить. А он всю ночь от меня убегал, ну уж утром, думаю, пока не расскажет, никуда не денется, а он...

– Да-а-а, – протянул некромант, – юные ведьмочки – это угроза всеобщей безопасности. – Усмехнулся и тут же объяснил ведьме: – Рогнедочка, понимаешь, тут такая штука с этим твоим тыгыдымсом – его словами как-то невозможно описать. Так что направь всю свою энергию не на научные изыскания в теоретическом описании собственно тыгыдымса, а на поиски человека, с которым не только тыгыдымс, но также и жизнь будет замечательной. Потому как сам процесс без любви, нежности и доверия – это примерно как торт без сахара, крема и украшения – один голый корж. И вроде сытно, но ни удовольствия, ни радости.

Рогнеда задумалась, потом молча кивнула и ответила:

– Я вас поняла... Буду искать мужа. Сегодня же составлю список требуемых качеств и приступлю к строгому отбору!

– Сначала школу окончи, – чуть грубовато приказал главный. – Яринка, тебя тоже касается – замуж, как и договорились, зимой, но обучение надо завершить! А теперь живо на лекции все, кроме Ярославы, но сначала что сказать нужно?

Рогнеда сделала книксен и отработанным до автоматизма покорным тоном произнесла:

– Прошу прощения за свое неадекватное поведение. Больше подобное не повторится.

Ректор промолчал, эльф с достоинством кивнул, принимая извинения.

Когда ведьмочки вышли, главный приказал мне:

– Подожди пару минут за дверью, хорошо?

– Конечно, – и я тоже кабинет покинула.

Едва оказалась за дверью, меня как сожмут.

– Ярослава... – и сережка-череп в мой нос стукнулась.

– Ташши... задушишь! – я отчаянно попыталась вырваться.

Отпустил, глупо улыбаясь. Думала, уж больше никто не станет испытывать на прочность мои ребра... ошиблась.

– Ярослава! – Лин налетела и сжала так, что я только хрипеть и могла. Хотя чему удивляться – она же боевой маг. Физподготовка и владение мечом у этих вояк на уровне выше среднего. – Ярославочка, спасибо! Спасибо, спасибо, спасибо! Милая моя, родная, хорошая, ты же не только его спасла, ты мою жизнь сохранила!

Я уж хотела сказать: да чего уж там, мелочи, но тут Лин добавила:

– Я бы не смогла жить без него! Яд бы выпила, но не смогла бы без него жить... Спасибо, спасибо... Ярослава, я никогда не устану тебя благодарить!

И она снова сжала меня, но я уже даже хрипеть не пыталась. Руки опустились, настроение такое замечательное после охоты Рогнеды на эльфа начало как-то стремительно падать вниз, и вообще...

– А где вы были? – задала я первый попавшийся вопрос.

Лин меня отпустила, и я смогла оглядеться. Тут были все – и те самые парни, которые у целителей обсуждали методы использования и распределения ведьмочек, и Ташши с некромантами, ну и Лин. И все мне весело и приветливо улыбались.

– Кто бы мог подумать, что нас спасет ведьма, – произнес тот, которого я запомнила как Реса. – Но спасибо, Ярослава, я уж с жизнью простился, а тут ты. Спасибо.

– Ну у меня двойной долг, – Аниас мне улыбнулся. – Как самочувствие?

– Хорошее, – откровенно говоря, под их взглядами мне было крайне неуютно. Потом решила спросить: – Слушайте, я одного не могу понять. Вот когда Инар обменялся с Лин и пошел к магу-отступнику, он что, не соображал, что вас всех подставляет?

Парни разом посмотрели на Лин, девушка, бледная, исхудавшая, с темными кругами под глазами, сдавленно прошептала:

– Это я под удар всех подставила...

И так мне ее жалко стало.

– Да ладно, – говорю, – они тоже хороши, могли бы и объяснить, что происходит, а вместо этого усыпили и у нас оставили. Так что доля их вины тут тоже имеется, и внушительная такая.

Но Лин почему-то при моих словах опускала голову все ниже, потом и вовсе плакать начала. Объяснил мне все Ташши:

– Понимаешь, Инар понял, чего добивается отступник, и перестроил векторы силы, то есть когда Лин вошла, мы все должны были направить удар на Инара и того урода. Инар все рассчитал, плюс вплел в мою пентаграмму практически весь свой магический резерв – отступнику Инар достался пустым. И в момент обращения мы попытались исполнить задуманное, а Лин... она вмешалась, и удар ушел вправо... Коту под хвост короче!

– Простите, – прошептала магиня.

– Сейчас мы уже простили, а там... я тебя сам лично был готов

убить, – высказался Рес.

Я взяла Лин за руку, пытаюсь успокоить, но у нее от этого жеста поддержки вообще истерика началась. Пока Лианна рыдала на моем плече, я судорожно достала мятную пастилу, развернула, дала ей. Рыдания стали тише, и все же продолжались.

– Лин, – я погладила сотрясающиеся от безмолвных рыданий плечи, – Лин... я поступила так же...

– Ты да, – согласился Леонс, – но к тому моменту уже прибыл главный, да и Инар не маг-отступник, он бы нас всех убить не смог. Ты нас на верную смерть не отправляла, а Лин...

Я его, конечно, выслушала, но после сказала:

– Она просто любит.

Девушка перестала плакать.

– Не понимаю я этого, – хмуро произнес Ташши, – одно дело любить и ради этого отдать свою жизнь за любимую. Инар так и поступил, и мы приняли и его решение, и его выбор. Но я не понимаю, как можно было обречь на смерть всех нас ради временного спасения того, кого уже и живым назвать было нельзя.

Откровенно говоря, я понимала и Лианну, и ребят. Она сделала все, чтобы спасти любимого, а они просто хотели выжить и были жестоко подставлены под удар.

– Так, хватит, – немного резко скомандовала ребятам. – Былого не вернешь, а вам еще работать в одной команде.

– В том-то и проблема, – высказался один из друзей Инара, – мы привыкли доверять друг другу, для нас, боевых магов, самое важное – знать, что твою спину прикроют. А к Лин доверия больше нет! И не будет. Она не имела права ставить наши жизни на кон.

– Да? – я хмыкнула. – А где были мозги, когда ваша компания магов-недоучек решила выступить против отступника, а? Значит, как самим жизнями рискнуть, так это нормально, а как Лин ими же рискнула, так надо же, мы все разобиделись! Что-то Лианну обвинять тут все горазды, а о своей вине мы предпочитаем умалчивать!

Я разозлилась, если честно.

– Ярослав, ты утрируешь, – Ташши нахмурился. – Не рисковали мы, все было рассчитано и выверено...

– И решили вы доказать всему миру, какие крутые! – Я пренебрежительно фыркнула, демонстрируя все свое отношение к их крутизне. – Все, хватит. Проехали, пролетели, промчались. Так что там за план у вас по поимке Инара?

Но тут дверь снова открылась, вышли эльф и наш главный.

– Все живы? – радостно спросил министр. – Да я и не сомневался, Ярославушка у нас умная, да? – Я нахмурилась, уже зная, к чему главный клонит. – Правда, не всегда, но иной раз нам есть чем гордиться.

И, приобняв меня за плечи, повел вперед, скомандовав магам:

– Пошли, герои!

После чего общался уже исключительно с эльфом:

– Конечно, я хочу, чтобы ты просмотрел схему, но я работой Лианны доволен.

– Я не уверен, уважаемый Даркаэрш, нхаласси необратимы. Мне жаль. Но ты просил помочь, и я не в силах отказать другу.

– Я благодарен, уважаемый Онтар, и все же позволь с тобой не согласиться – я уверен в успехе нашей операции.

– Что ж, вы, люди, всегда живете надеждой. Но если что-то пойдет не так...

– У тебя все полномочия.

– Хорошо, потому как я единственный, кто сумеет уничтожить его быстро и окончательно.

И тут я догадалась:

– Вы – охотник?

– Ловец, – поправил эльф.

– Единственный в своем роде, – добавил главный. – И наша страховка на случай неудачи.

– А может быть неудача? – мне вдруг нехорошо стало.

– Понимаешь, Ярослава, – некромант грустно улыбнулся, – я обязан предусмотреть любой исход событий. Любой. И ладно маги, они знают, на что идут, но если с твоей головы хоть волосок упадет, твоя Верховная меня головы лишит... Кстати, Онтар, что там с небьющейся посудой?

– Гномы уже работают, – ответил эльф и с восторгом протянул: – Да, Василина Владимировна потрясающая женщина, наши в Ясеновой роще часто ее вспоминают. Все, кроме принца, тот все забыть старается.

– Сам виноват, – главный хмыкнул, – нечего к чужой жене приставать.

Внезапно поняла, что умру, причем от любопытства!

* * *

Холодный ветер рвал душу заунывным воем в ветвях исполинских деревьев, мелкий дождь заставлял зябко поеживаться, сгущающиеся

сумерки нагнетали обстановку. Осень в этом году пришла ранняя и холодная. И захотелось на мгновение оказаться в Ведической школе, в главной столовой, где вот в такие унылые вечера мы все собирались перед огромным камином и, рассевшись на ковре, слушали сказки ведьм-наставниц. Такие добрые сказки, с таким вкусным какао и с теплыми булочками. И все ведьмочки радостно улыбаются, и возникает чувство абсолютной защищенности и счастья...

Очередной порыв ветра бросил в лицо тысячи мелких капель. Я зябко поежилась и вытерлась краем уже влажного шарфа. С моей позиции, а точнее, от дерева, под которым я пыталась хоть как-то спрятаться от ветра, были видны наш министр и эльф, о чем-то тихо спорившие. Присутствовало еще семь боевых магов в степени магистров – в общем, если главный боится, то он боится, и добавить тут нечего. Лианна, Ташши и Рес, тот самый, который в когорте друзей Инара, что-то вычерчивали. Леонс, висая в воздухе, сверялся со схемой и отдавал указания. Остальные тоже что-то проверяли, перепроверяли, рассчитывали. И все хмурые, сдержанные, сосредоточенные...

Внезапно ко мне подлетела чашка с чем-то дымящимся. Подхватила драгоценный в нынешних условиях подарок, оглянулась в поисках дарителя. Главный только кивнул в ответ на мой полный благодарности взгляд и, прихлебывая из такой же чашки, вернулся к разговору с эльфом. Потом жестом подозвал меня. Придерживая юбку, я осторожно направилась к ним. Когда подошла, некромант, нагнувшись, тихо произнес:

– Риск очень велик, мы будем использовать в качестве приманки Лин.

У меня даже чашка в руках задрожала, так как я сжимала ее обеими ладонями в надежде согреться.

– Хорошо, – была вынуждена согласиться я. – А если...

– Без «если». Ярослав, слишком опасно. Магистр Онтар просканировал территорию и нашел источник питания Инара – силовой поток. Парень настолько силен, что берет энергию напрямую, потому и не нападал на магов. Так что ты держись поближе к уважаемому Онтару, а когда он вступит в бой, тебя прикрою я.

Мне этот план совсем не нравился... совсем.

– Я дам один шанс Лианне, – виновато произнес главный, – но только один. Оставить Инара в живых я не могу, девочка, прости.

– Я понимаю, – говорить было тяжело, – все понимаю, только... больно как-то.

Наш министр, не оглядываясь, ушел, а я, глотая слезы, осталась стоять рядом с эльфом. Перед глазами пронеслась наша последняя встреча

с Инаром... как он зашел, выставив Варю, как подошел ко мне... все его слова... как поцеловал мою ладонь... как посмотрел на прощание, действительно прощаясь...

– Мне очень жаль, – магистр Эльррис протянул белоснежный платок, – действительно жаль. Была надежда, что Инар остался разумным существом, и мы цеплялись за этот призрак возможного развития событий. Но рядом с источником, который он нашел и активировал, было найдено двое убитых магов.

Я вздрогнула. Представить такое было страшно, и я начала цепляться за любые оправдывающие Инара факты:

– Может, он просто защищался и...

– Вы, ведьмочки, верите в хорошее, я это еще по Василине Владимировне заметил. Но, к сожалению, не тот случай – оба мага были заклинателями.

– И... что это значит?

– Хорошего – ничего, – эльф снял свою куртку и набросил мне на плечи, – вы совсем продрогли.

– Скорее от известий, чем от холода, – прошептала я. – Спасибо, но не стоит.

– Стоит, мне она все равно сейчас не понадобится.

– Почему?

– Он приближается! – кратко, но емко ответил магистр Эльррис.

Видимо, это ощутил и главный – резкий окрик, и все заняли места на высчитанных позициях.

– А почему вы так уверены, что Инар придет? – почему-то шепотом спросила я.

– Честолюбив. Очень. Ему доставляет удовольствие взламывать расставленные на него ловушки и рвать в клочья заклинания магических пут. Так что мимо не пройдет.

– А... жаль.

– Глупостей не совершайте!

– Не буду...

Мой ответ потонул в надвигающемся шуме. На мгновение показалось, что на нас движется волна... через это самое мгновение казаться перестало! Это действительно было цунами! Волна черной, мутной воды возвышалась над нами и возвышалась над лесом, ломая деревья и стремительно двигаясь в нашу сторону.

– Онтар, держи Ярославу! – только и успел крикнуть главный...

И вода обрушилась на нас. Поток огромной силы разметал адептов,

как сухие листики, меня эльф успел схватить и удержать, остальные маги тоже устояли, лишь некоторые при этом опустили на левую ногу и прижали правый кулак к земле. В общем, вот она, сила и опыт, а адептов унесло. Всех, кроме Ташши, тот прибегнул к приему взрослых магов и удержался.

– Молодец, – похвалил его главный, едва вода схлынула, расплескавшись огромной лужей. И крикнул: – Лин, на позицию!

Мокрые, посрамленные и напуганные адепты вмиг вернулись. Кто летел, кто бежал, а кто и хромал. Меня обнимал эльф, но я дрожала и все никак не могла прийти в себя, откашливаясь и с трудом вдыхая воздух. Маги способны дышать и под водой, а я захлебнулась!

– Все хорошо, – магистр Эльррис похлопал меня по спине.

Я кивнула, ответить что-то было проблематично, так как зуб на зуб не попадал от холода.

А вокруг было... тихо. Совсем тихо. В какой-то момент меня это напугало, потом я даже сообразила почему – с деревьев перестала капать вода! Присмотревшись, что было не так уж и просто в сумраке, я испуганно икнула, увидев, что капельки застыли прямо в воздухе... Ужас ледяной струйкой скатился по спине. И плевать, что это была вода, ужас от этого меньше не стал.

– Адепты, в контур! – каким-то незнакомым мне тоном скомандовал главный.

– Но... – попыталась возразить Лин.

– Все! Танаэш, ты также! – произнес это некромант так, что мы повиновались без слов.

Едва все вошли в центр пентаграммы, контур засверкал фиолетовым, но свет от него почему-то был красноватым.

– Абсолютная защита, – потрясенно прошептал Аниас.

– Значит, нам грозит худший вариант развития событий. – Ташши подошел и обнял меня, я была благодарна: ужас стал меньше, и дрожать теперь было как-то теплее. – Ярослав, он нас в любом случае не достанет.

Вот только сказал он это словно помертвевшими губами. Что и пугало.

– Хорошо, – прошептала я, – мы выживем... А они?

Ответом мне была тишина. Лин всхлипнула, ее слезы словно подтолкнули Ташши к дальнейшим пояснениям:

– Дядя отослал вестников, едва ощутил вмешательство Инара в течение реки. Сейчас сюда по тревоге стекаются все боевые маги, завершившие обучение. Также вызваны эльфийские ловцы. Лес будет перекрыт по периметру. Дядя не ожидал, что мы столкнемся с подобной

силой, но меры принял.

– Это все хорошо, – нервно произнесла я. – Маги прилетят, лес будет окружен, и таких, как магистр Эльррис, зайвится штук десять...

– Сорок.

– Хорошо, сорок! Неважно. Ты мне другое скажи – главный и присутствующие здесь маги выживут?

А в ответ тишина.

– Я не понимаю, – простонала, едва сдерживая желание заорать, – откуда в простом адепте столько силы? Я этого никак не могу понять! Я...

– Шшш, – Ташши обнял крепче. – Все хорошо, Яра.

– Да что ж тут хорошего?!

И он не нашелся, что мне ответить.

– Мы тоже понять не можем, – отозвался один из боевых магов, адепт, – но вода, судя по запаху, из Таллы.

А говорят, что хуже ужаса уже ничего не может быть. Врут. Еще бывает следующая стадия – ужас панический называется! Талла – судоходная река, на берегу которой и располагается столица. Мы в Нерском лесу, это к западу от города и по течению. Так вот – возле нас Талла широка настолько, что другой берег можно разгадать только по очертаниям. Представить себе силу, способную, пусть и временно, изменить русло такой реки, лично я не могла. Главный, по-видимому, смог!

И вдруг стало очень светло. Словно вспыхнул огромный костер... Такой большой-пребольшой! Мы такой в конце зимы делали, а потом вокруг него хороводы водили... И этот костер... двигался, потому что свет становился все ярче...

– Вот тварь, – выдохнул Аниас.

– Инар, – прошептала Лин.

– Мы все умрем, – решила я заменить отсутствующую здесь Любаву.

И на меня даже никто не зашикал, а все почему – они с данным высказыванием были полностью согласны, потому как костер... горел на руке появившегося Инара! И в свете желтого пламени отчетливо были видны застывшие капельки воды и побелевшие лица магов.

– Мама, – в ужасе прошептала я.

– Не смотри, – неживым голосом отозвался Ташши и попытался развернуть меня спиной к происходящему.

У него это даже получилось, и, прижав мою голову к собственной груди, Ташши и свободное мое ухо рукой прикрыл. И я, зажмурив глаза, слышала стук его сердца... быстрый, тревожный, временами замирающий...

Потом раздался ужасающий треск! Я вздрогнула и попыталась вырваться, но некромант удержал. Мягко, бережно, но непреклонно, а его собственное сердце словно сошло с ума, набирая стремительный ритм. А потом закричала Лианна, и в нас с Ташши что-то ударило. Он рванул за ней, невольно отпустив меня, и я все увидела!

Боевые маги валялись тряпичными куклами, главный едва стоял на ногах, и именно он противостоял чудовищу с красными глазами и оскаленной пастью, а эльф, закрыв глаза и широко расставив ноги, плел заклинание. Над его руками серебристо поблескивала готовая сорваться сеть.

Но в дело вмешалась Лианна!

– Инар! – раздался ее отчаянный вопль, и девушка, ударив Ташши, сумела вырваться из контура.

– Адептка Эльвейс, назад! – рявкнул главный.

Но он отвлекся. Пусть на долю секунды, но отвлекся, и ревущее пламя, что сдерживали его щиты, прорвалось внутрь. Некромант упал и мгновенно поднялся. Вместе с ним из земли поднялись трупы погибших здесь некогда животных. Чудище, чей облик лишь отдаленно напоминал Инара, смело все умертвия, и злой поток силы вновь атаковал главного. Я думала, что монстр убьет мужа Василины Владимировны, но министр уклонился и выставил щит, который преломил поток, второй щит некроманта отразил поток, напоминающий расплавленное золото, направив его в Инара. Обращенный выставил собственный щит и поглотил магию.

А эльф продолжал плести заклинание сети, явно пользуясь тем, что обращенный сосредоточил все свое внимание на главном. К сожалению... его тоже отвлекли.

– Инар! – Лин наплевала на приказ министра. – Инар!!!

И он откликнулся. Удар – и поток силы снес Лианну, как клочок бумаги. Ее крик во время полета и ее стон при падении были единственным показателем того, что девушка жива. Но это стало сигналом к действию для обращенного. Инар, рыча, рванул к девушке с такой скоростью, что я закричала от ужаса.

И все прекратилось...

Чудище застыло в полете. Потом медленно опустилось на землю и резко, с нечеловеческой скоростью, его голова повернулась в сторону защитного контура.

– Ярослав, – Ташши схватил меня за руку и оттащил в центр пентаграммы, – тебя же просили вести себя тихо. Глупенькая, ты для него источник незамутненной силы, понимаешь? А он после битвы голоден!

Я понимала, я все понимала, но я ж только ведьмочка, а мне было так страшно... сейчас стало страшнее. А чудище с лицом Инара медленно шло к контуру, медленно и как-то странно. Он подошел вплотную, напомнив этим мага-отступника, и... зарычал. Глухо, угрожающе, раздраженно.

– Мы в безопасности, – уверенно повторил Ташши.

А обращенный склонил голову к левому плечу, разглядывая защитные линии.

Но тут послышалось от главного:

– Танаэш, его нужно убрать от контура, иначе сеть не сработает!

Некромант молча передал меня Аниасу и вышел из пентаграммы. Я просто зажала рот обеими руками, когда Ташши засветился фиолетовым, готовясь атаковать обращенного... Я сдержала крик, когда некромант ударил. Я молчала и только всхлипывала, когда движением руки Инар отшвырнул его. Я даже плакала молча, когда рассвирепевший обращенный набросился на адепта... но когда Ташши упал на колени, а из его рта хлынула кровь, я не выдержала!

Увернувшись от руки Аниаса, я бросилась к некроманту, который сейчас был вне сферы интересов обращенного, так как в бой вновь вступил главный. И я бежала к Ташши, один раз упала, но тут же подскочила и побежала вновь. Добежала, опустилась на колени, одной рукой разрывая воротник его мантии, второй нащупывая бинт в кармане.

– Ташши, Ташина... – шептали дрожащие губы, а руки производили все действия четко и уверенно.

Повреждения грудной клетки – усадить полулежа, влить экстракт пастушьей сумки, останавливающий кровотечение, дать обезболивающее и, сорвав перчатки, отдать свой ресурс, позволяя магу восстановиться.

– Давай, мой хороший, давай... ты сможешь... Ташина... ну пожалуйста...

И магия заструилась под моими пальцами. Кровь остановилась, раны начали затягиваться, а Ташши открыл глаза. Улыбнулся мне окровавленными губами и вдруг напрягся.

Эта ситуация была мне до боли знакома. Но на сей раз ждать, пока меня схватят за волосы, я не стала и стремительно поднялась. Затем и вовсе развернулась лицом к кошмару.

– Не двигайся, – крикнул мне главный, – ты и Ташши закрыты щитами!

Я слышала его слова очень отчетливо, но не слушала. Я смотрела в глаза своей смерти и почему-то была уверена, что не умру. А глаза были красные и совершенно пустые, даже какие-то мертвые... но я обратилась

к чудовищу.

– Ты не сможешь причинить мне вред, Инар, – уверенно сказала я, и «орель»... он проснулся.

И этот самый «орель» твердо верил в могучую силу слова, и я решила действовать.

Шаг – я вне зоны щита, и плевать на главного... ну не плевать, но лучше уж я сделаю хоть что-то, чем буду сидеть в центре контура и смотреть, как их всех тут убивают... А еще была вера, какая-то странная вера в силу моего слова.

– Инар, – тихо сказала я и обняла его искривленное яростью лицо, – слушай меня... слушай мой голос. Ты не можешь причинить мне вред... Ты слушаешь каждое мое слово! Слушай меня, иди тропой моих слов... Ни в небе, ни на земле, ни на воде, ни под водой, ни в преисподней, ни в облаках не будет тебе покоя, Инар Арканэ. Черной змеей в душу заползу, алой розой в сердце расцвету, острыми шипами разлука изранит, живой влагой встреча станет. Моим дыханием твое обратится, мои радости твоими будут, мое счастье важнее своего сделаешь! Слушай мой голос, Инар. И в самой темной ночи пламенем вечной свечи стану я для тебя, Инар, слушай меня. Ни в небе, ни на земле, ни на воде, ни под водой, ни в преисподней, ни в облаках не будет тебе покоя, Инар Арканэ. Моим дыханием твое обратится, мои радости твоими будут, мое счастье важнее своего сделаешь!

Его глаза вспыхнули алым, а затем... я ощутила как теплеет его кожа, как вырывается дыхание, как судорожно вздрагивает тот, кого я непостижимым образом вернула к жизни. И я не знаю в чем причина – в заклинании ли, или в чем-то другом, но его глаза оживали!

И вдруг я услышала, как капает вода... Такой звонкий и нарастающий звук капли. И где-то вдалеке зачирикали птички, тревожно, и все же зачирикали, и смолкли, едва заухала сова. Лес наполнялся шорохами, лаем лисицы, шумом шуршащих листьев, и все это перекрывалось звоном срывающихся с ветвей капель.

Одна упала на мой нос, потом еще одна на лоб, и я запрокинула голову, подставляя лицо начинающемуся дождю. И когда теплые капли хлынули потоками, я вдруг радостно улыбнулась этому буйству стихии, этой ночи и надежде на то, что теперь все будет хорошо. А мои ладони продолжали обнимать лицо Инара, и где-то далеко, а может, и совсем близко, главный устало сказал:

– Онтар, не стоит. Кажется, мы только что имели возможность воочию увидеть легендарную силу ведьм.

А я просто улыбалась и улыбнулась шире, когда услышала его тихое:

– Ярослав...

– Что, Инар? – отозвалась я, продолжая подставлять лицо дождю.

– Что... что происходит? – хрипло спросил маг.

– Все хорошо... все уже хорошо... и это так хорошо!

Где-то кто-то выругался на эльфийском, а потом еще и добавил:

– Полный тыгыдымс!

Я рассмеялась... мой смех, отражаясь от деревьев, эхом разнесся по лесу, словно наполняя сумрак частичкой этой радости. А потом пришло осознание случившегося. Я посмотрела на Инара, и осмысленный взгляд знакомых черных глаз очень радовал.

– Привет, – сказала я магу.

Мне хотелось так много ему сказать, но.

– Инар! – донеслось издали.

И я отпустила его. Темноволосый продолжал стоять, с удивлением взирая на меня, а я отпустила... потому что не мой. И отошла на шаг, и еще на шаг... Потому что любила его другая, не я.

Где-то кто-то застонал, и я мгновенно вспомнила, что я ведьма и что раненым нужно помочь. Но Ташши был первым, я опустилась на колени, проверяя его рану, и улыбнулась его улыбке.

– Ты чудо, – прошептал некромант.

– Не могу согласиться, но так как слышать приятно, то ладно, – пробормотала я и помчалась к следующему раненому.

За Инара я не волновалась, там уже был главный, а еще к нему бежала Лин. Счастливая такая и сияющая, и я была рада за нее. Очень. За нее, не за себя.

А потом было так много раненых, но все живые. И я металась от одного к другому, и эльф присоединился ко мне. И было такое невероятное ощущение радости, несмотря ни на что. А еще очень хотелось горячего какао. И где-то на этапе порхания от одного мага к другому я свалилась в обморок... А может, все дело было в том, что, оглянувшись, я увидела, как Инар целует Лин и сжимает ее в объятиях. Но, скорее всего, это резерв закончился, я как-то слишком щедро раздавала его направо и налево. Но, даже падая на сырую, влажную, холодную и промозглую землю, я все равно была счастлива. Правда, при этом вспомнились мотыльки, которые летят на огонь, они тоже ведь гибнут счастливыми... С другой стороны, как вспомню Ярину, так сердце сжимается. Я не имею права отнимать счастье Лианны... Просто не имею.

– Ярослава, – Ташши успел подхватить, – ты моя порхающая бабочка,

совсем без сил осталась?

– Ага, – полушепот-полустон.

– Ты чудо, – прошептал Ташши и склонился к моим губам.

Они у него теплые, и я вдруг поняла, что совсем продрогла, а сейчас так тепло стало. На душе тепло... Я очень-очень счастливый мотылечек, а Инар, он просто не мой... И моим не будет.

* * *

– О, очнулась. Какао будешь? – Варвара склонилась надо мной. – Ярославушка...

– Привет, – я улыбнулась.

– Привет, – сказала подруга.

– Просыпайся давай, – послышался голос главного.

– Не кричи на нее, – Верховная встала из-за стола и тоже оказалась в поле моего зрения, – она тебе жизнь спасла.

И вот стоят они все трое над моей кроватью и мне улыбаются. А я им. Бред, правда?

– А откуда ты знаешь про какао? – решила я задать Варе вопрос.

– Так ты только о нем и бредила, – отозвалась Варвара. – Ни мама, ни папа, ни парень там, а только какао!

– Хочу какао... – прошептала я, и все рассмеялись.

А тетя Матрена уже спешила ко мне с дымящейся чашкой, и мне так хорошо было.

Уже потом, сидя за столом, я решила на расспросы:

– А что с... Лин?

– Исключена из академии, – несколько жестко произнес некромант.

Я даже жевать перестала.

– За что?!

Верховная, предвидя развитие моего возмущения, просто положила ладонь на мою руку и тихо сказала:

– У магов свои законы, Ярослава, Лианна их нарушила. Ни ты, ни я судить ее не можем, потому как всем своим женским сердцем оправдываем, однако у магов иные законы. И любящее сердце там не оправдание. Мне жаль и тебе жаль, я знаю, ты добрая девочка, но этого не изменить!

Я посмотрела на Василену Владимировну, потом на главного и все равно была не согласна:

– Лин его спасла.
– Ты его спасла, – отозвался наш министр.
– Да, но если бы его предварительно не спасла Лин, моя помощь и не потребовалась!

– Кстати, – Верховная чуть нахмурилась, – что там за слова были?
К счастью, меня спасли! Сначала открылась дверь, потом в нее пролез огромный букет, и только после него появился Ташши.

Он вошел, осторожно отложил букет, раскинул руки для объятий и сказал:

– Иди ко мне!
Я подскочила, рванула к нему, и некромант поймал меня в объятия, а потом закружил так, что голова кругом пошла, а после сжал покрепче и прошептал:

– Спасибо.
– Да, пустяки, – ответила я и поправила его челку.
– Я для тебя пустяки? – весело спросил адепт.
– Ты нет, пусти уже.
Ташши продолжал держать меня на весу и улыбаться.
– Что? – не выдержала я.
– Ничего, – и меня отпустили.
И казалось бы, вот оно счастье – все живы и все хорошо, но, увы!
– Ярослава, тебе письмо от родителей, – странно улыбаясь, сказала Верховная.

Умчавшись в ученическую комнату, я раскрыла конверт и узрела... «Приглашение на ежегодный бал у Темного Повелителя». Ну и от мамы пара слов: «Твою мать! А... я же твоя мать! Яра, я все понимаю, но, доча, как у нас там с совестью, а? Ярочка, родовая защита – это хорошо, но, счастье мамино, ты обо мне подумала? Мне свекруха... тьфу ты, бабушка твоя, гарантировала, что с кровиночкой, то есть с тобой, ничего не случится. Это называется «ничего не случилось»? Яренок, дома поговорим. Жду. И на балу твое присутствие обязательно, жених вернулся и требует. И имеет же право, гад безрогий. В общем, на балу ты быть обязана, выходить замуж – нет, с дедом разберусь сама. Котенок, целую... сильно-сильно, и в носик, и в щечки, и вообще! Я соскучилась!»

Все еще улыбаясь после прочтения письма, я вернулась в общую комнату. Девочки как раз с лекций вернулись. И вот стою я, улыбаюсь опять же, а Василина Владимировна и спрашивает:

– И что там? Жених объявился?
– Ага, – ну да, жених – не самое радостное.

Тут кто-то за столом подавился, с трудом откашлялся, да это Ташши! Он едва смог выговорить:

– Кто?

– Жених, – повторила Верховная.

– Как жених? – у некроманта такое растерянное лицо стало, и даже челка повисла, а огонек в черепе стал тусклее.

– Да какой там жених, – главный очаровательно жене улыбнулся, – Ярославe было пять лет, когда помолвка состоялась.

– Милы-ы-ый! – протянула Василина Владимировна.

– Молчу, любимая, – ответил некромант жене и тут же громким шепотом сообщил племяннику: – Он тебе не соперник!

– Любимый! – возмутилась Верховная.

– К тому же будущая теща против его кандидатуры, а теща это знаешь какая сила? Это не сила, а силища!

Я рассмеялась и честно призналась девочкам, что уезжаю дней на пять, не больше. А потом, взяв Верховную за руку и уведя ее все в ту же ученическую, я с замиранием сердца спросила:

– А Инар, он... что?

Василина Владимировна присела на краешек стола, взяла меня за руки и начала рассказывать:

– Его не исключили, Ярослава. – Я издала выдох, полный облегчения, но Верховная добила: – Он сам ушел.

Замерев, с удивлением смотрела на ведьму.

– Сам, Ярославушка. Не вынес... того, что случилось с ним и с Лин... а главное, того, что случилось с тобой. Я ведь неправа оказалась, Ярослав, он помнил все. А пуще всего тебя. К тебе и вернулся с того света. Тебя и искал здесь.

Верховная помолчала, да и продолжила:

– Главный-то мне всего не рассказал, но магистр Онтар описал ситуацию подробно. Знаешь, эльфы, они очень чувствительные, они эмоции чувствуют. Он, считай, единственный, кто все понял.

– Что понял? – едва слышно отозвалась я.

– Что ты любишь Инара. – Верховная улыбнулась. – Любишь, несмотря ни на что, ведь сердцу не прикажешь.

– Да?

– Да, Ярослава, да. А остальные, они ведь факты видели.

– Какие? – спросила, а самой страшно.

Василина Владимировна начала перечислять:

– Что ты на спасение Ташши ринулась, что, его защищая, Инару

сказала слова заветные... Что, едва миновала угроза, опять же к Танаэшу устремилась. А когда он тебя поцеловал, ты ведь обняла его...

– Мне было холодно...

– Инар решил иначе. Лианну отстранил от себя и пошел с повинной к главному.

– А как же Лин?

– А что Лин, Ярослава?

И я промолчала. Что тут сказать, как вспомню счастье Яринки...

– Знаешь, был у меня жених, – вдруг заговорила Верховная. – Спас он меня от первой и очень горькой любви, практически с того света вытащил. Я и дала ему слово, что его буду. Верила в каждое слово клятвы, а потом... тот день, Даркаэрш и чувство, словно лечу над миром. Сколько слез потом, как винила себя, как ругала, дрянью последней чувствовала. Но вот прошли годы и, знаешь, просыпаюсь по утрам и понимаю, как хорошо, что так оно сложилось. Ведь жить с нелюбимым страшно, Ярослава. И жениться из жалости тоже нельзя. Я не оправдываю Инара, но и понять его могу. Лин очень больно сейчас, но лучше так, чем, прожив годы и родив детей, в один день понять, что тебя никогда не любили. А она девочка добрая и светлая, пройдет время – и боль ее пройдет.

– Я себя виноватой чувствую, – призналась, и как-то стало легче.

– За что, Ярослава? Вины твоей нет.

– Я... слова не те сказала.

– Не они его к тебе толкнули, не они... Давай так сделаем: поезжай к родителям да на балу отдохни, а как вернешься, устройю вам встречу с Инаром, поговорите, все обсудите. Если не судьба вам – значит, первая любовь комом, а коли судьба... Тебе решать, Ярослава. Только тебе. Ты сердце слушай, оно подскажет. Но сначала школу окончи!

– А как вы встречу устройте?

– Организуем ему вызов в кабинет министра. Могу я раз в жизни использовать родственные связи или как? – Верховная весело подмигнула. – Ты не грусти, Ярослава, все будет хорошо. Вот увидишь.

В тот же вечер, наобнимавшись с девчонками, я и уехала. Ну, уехала – это громко сказано. Трижды кольцо повернула, на камень надавила и, как всегда, от души завизжала, проваливаясь в темноту.

* * *

А у нас было лето! И светило яркое солнце. И трава была зеленая,

а в воздухе царил аромат маминых любимых абрикосов, которые цвели круглый год ей на радость, а соседям на зависть – ну не любят тут маму. И за красоту, с годами не увядающую, и за сад, вечно цветущий, а больше всего – за характер! Правда, как я родилась, соседки сменили гнев на милость и даже решили ее пожалеть. Ну как же, родить самую обычную дочь – это страшное наказание. Но мама им быстро втолковала, что жалость является последним чувством, которое по отношению к ней можно испытывать.

И вот стою я, активно ворот расстегиваю, ибо солнышко припекает, и тут земля начинает трястись.

– Только не это, – простонала несчастная я.

Их было шестеро. Огромных, размером с коняку, сторожевых псов. И вся эта стая, радостно повизгивая, мчалась к одной маленькой мне. И я уже знала, что дальше будет.

– Дем, Смерть, Жуть, Ужас, Мрак, Тайфун, сидеть! – скомандовала я в самый последний момент.

Шестеро абсолютно черных псов с совершенно красными глазищами радостно бухнулись на землю. Я бухнулась тоже, потому что на ногах не удержалась. Но суровое выражение на лице храню, ибо стоит расслабиться – и вылижут с ног до головы в буквальном смысле. А слюна у них паршиво отмывается. Зато псы пастями улыбаются и хвостами по земле бьют.

– Вы мои хорошие, – не удержалась я.

Зря. Вся стая, от радости, что их узнали и похвалили, бросилась здороваться... ну да, с языками. И тут как прогремело:

– Ярусик!

Антуан спикировал с неба, выхватил меня практически из пастей песиков и взмыл в небо. Ну я завизжала, высоко же, а брату хоть бы хны.

– Яренка! – и меня подбросили в воздух, а потом поймали и снова бросили. – Ты вернулась! Я так соскучился.

Не поймал. Лечу вниз и понимаю, что сейчас всех убью.

– Яра! – Лиарс перехватил прямо на лету и начал щекотать. – Ярусик!

– А-ха-ха, – был мой ответ.

А внизу бесновались от радости псы и безжалостно топтали мой саквояж, зато братцы решили поделиться мной. То есть начали перебрасывать прямо в воздухе, ну и щекотать заодно.

– Хва... хва... хватит!

В небе прогремел гром и послышался голос деда:

– А ну живо отпустили сестру, охламоны крылатые!

– Привет, деда... – сказала я, находясь в свободном падении... а земля-то уж близко.

– Здравствуй, Ярусик, – и меня поймали на ручки. – Ух, кто-то вырос. Я радостно улыбнулась деду и крепко обняла за шею.

– Ласковая ты моя, – сказал дед и, цокая копытами по дороге, понес меня к воротам.

Ему-то псы были не помеха, они ему по грудь только, да и кто с самим советником Темного Повелителя будет связываться.

– Ну, как учеба на новом месте? – спросил меня самый настоящий высший демон.

– Нормально, – я невольно потянула руку до его рогов. Они здоровые такие, черные, чуть с изгибом – сразу видно, что дед из древних. – Сначала жутко было, а потом ничего, привыкла.

– Угу, – скептически хмыкнул дед, – когда ты с магом-отступником в первый раз столкнулась, нам тоже жутко было. А потом ничего... привыкли. Тебя еще разговор с отцом ждет!

– А ты ругать будешь? – решила я с ходу заручиться поддержкой.

Дед нахмурился, от чего на его черном лбу такие складочки смешные появились, но потом сменил гнев на милость и, к моему удивлению, с восхищением произнес:

– Моя кровь! Пробудилась, наконец. А то все сдержанная да разумная, тьфу, перед советниками было стыдно. Зато теперь всем ясно: может, с виду и воробушек, а в душе орел – птица гордая.

Значит, не будет.

– Деда, я тебя обожаю! – и смачно поцеловала в щеку.

– Яруська, одна ты дедина радость. Ну, беги к маме, Аннарэль уж заждалась тебя.

И меня аккуратно опустили на землю. Тут же Смерть подбежал, неся в пасти затоптанный и обслюнявленный саквояж. Но ругаться на песика я была не в силах.

– Пасиб, родной, – и чмокнула в носик. – Вечером покатаемся.

Пес от радости устроил такой танец, что я опять едва на ногах удержалась, да деда поддержал, он у меня жалостливый.

– Яруська! – раздался радостный крик, и с порога по ступеням сбежала мама.

Абсолютно все собаки мгновенно поджали хвосты и, поскуливая, смылись подальше. А с чего бы? Мама у меня красавица – глаза зеленые, волосы карамельного оттенка, длинные до пола и цветами украшенные, платье розовое летящее, и она опять босиком, значит, только из сада.

– Ярусик, – мама подбежала, сжала в объятиях, а потом и вовсе закружила от радости, – ты приехала!

Деда на это дело посмотрел и осторожно так:

– Аннарэль, ты это... поаккуратнее с ребенком, задушишь ведь.

Меня тут же опустили и ехидно так демону бросили:

– Вы, папа, разберитесь – ребенок или невеста! Али маразм крепчает?

– Аннарэль! – взревел древний.

– «Ты гневаешься, значит, не прав», – процитировала мамуля и, ласково взглянув на меня, продолжила: – Один бал, папа. А если ентот жоних Ярусику не приглянется, никаких свадеб. И плевать я на ваши родовые клятвы хотела... да хоть с башни темнейшего поплевать могу, с меня станется.

Деда нахмурился, в итоге выдал:

– Кровная месть, Аннарэль, не то, чего я хотел бы для своей семьи.

– Злая дриада – совсем не то, что сможет пережить их семья. Я все сказала. – И тут же повернулась ко мне. – Яреночек, устала, да? Ты ж только с постели поднялась, а тут такое. Ну, ничего, сейчас тебя искупаем, переоденем, потом обедать сядем.

* * *

– Мой вердикт – сволочь, урод, гад, но такой обаятельный мерзавец, Ярусь, я бы не устояла.

Мы лежали в моей комнате на кровати и говорили о своем, о женском, а если конкретно, то о мужиках. Теплый ветерок задувал в распахнутое окно, розовые занавески от этого колыхались, а листочки на цветах чуть шелестели.

– Там все так сложно. – Я лежала на животе и болтала ногами. – И так непонятно.

– Что тебе непонятно? – мама, улыбаясь, на меня смотрела. – Он на тебя глаз положил сразу, он за тобой бегал, он по тебе страдает. Тут мне все понятно. Ну и самое главное, Яренко, ты влюбилась. И это так здорово. А все остальное – мелочи.

– И тот факт, что его ко мне просто тянет, а невесту он вроде как любил, потом разлюбил, это тоже мелочи?

– Конечно, – дриада сверкнула клыкастой улыбкой. – Пойми, доча, все со временем устаканится... Инар твой в своих чувствах разберется, в Ташши либо влюбишься, либо сама пошлешь, ты у меня добрая, но не до

такой степени, чтобы за нелюбимого замуж выходить, а там дальше посмотрим.

– У тебя все так просто! – возмутилась я.

– В любви всегда все просто, – возразила мама. – Тут главное – определиться в собственных чувствах, ну и доля здорового эгоизма не помешает. Мой совет – флиртуй, очаровывай, влюбляйся и наслаждайся молодостью. Молодость, Ярусик, она одна, а мужиков – знаешь, как много!

И действительно, чего это я убиваюсь понапрасну. Будет как будет.

– Вот моя девочка и заулыбалась, – заметила мама. – Предлагаю такую программу действий: выбираем платье, идем на бал, сводим всех демонов с ума, посылаем дедушкиного засланца, то есть жениха, очень далеко и наслаждаемся молодостью. Как тебе?

– И платье есть? – спросила я недоверчиво.

– Платья нет. Есть двадцать шесть нарядов, сшитых под присмотром мамули, которая прекрасно знает, что у дочери на собственный гардероб нет времени.

– Мам, я тебя обожаю, – честно призналась я.

* * *

Что может быть удивительнее, чем бал у его темнейшества Великого и Ужасного Темного Повелителя. Он, к слову, не такой уж и ужасный, я его с детства знаю, но у нас принято его очень бояться и вообще жутко уважать. А его темнейшенство – он древний, как и деда, веселый и юморной такой, а еще он мне всегда говорил: «Ярусик, ты воробушек воробушком, но при этом взгляд оторвать невозможно. Иди-ка сюда, наливные щечки, сверкающие глазки!» А потом меня тискали, вверх подкидывали и обычно сладостями кормили. Но это был секрет, а для всех Темный Повелитель – он зло, и никак иначе.

Вот и сейчас, все входили в тронный зал его темнейшества, начиная кланяться еще с порога. Ну и я тоже, соответственно, хотя на каблуках было немного неудобно. Но мы шли по красной ковровой дорожке, меж колонн в виде застывших оскаленных монстров – мама и папа впереди, после них Антуан с невестой, я ее еще не знала, но познакомлюсь обязательно, и замыкали мы с Лиарсом. На маме было такое темное, очень строгое платье спереди и совсем нескромное сзади – спина была открыта, а та сеть узорчатых цепочек ее совсем не прикрывала. Но папе понравилось, а маме нравилось, как у демонесс лица вытягивались.

И плевать, что все в масках, – маму не узнать было нельзя, одна походка чего стоила.

А на мне было белоснежное платье, расшитое серебром. Шея и плечи открытые, грудь прикрыта так, что вызывала интереса больше, чем глубокие декольте окружающих, талия перетянута, от бедер платье расходилось лилией. Красиво. Сама как себя в зеркало увидела, так отходить не хотела, – Антуан уволок.

И вот подходим мы, кланяемся низко, изображая священный ужас, а его темнейшее радостно так мне шепчет:

– Ярусик, приехала!

– Угу, – отвечаю в коленопреклоненной позе.

– Завтра приходи с дедом на медовушку, орел ты наш. Ух, порадовала старика.

– Приду, – также шепотом отвечаю.

Антуан затрясся от смеха, его невеста от ужаса. Она же и прошептала:

– Твоя семья входит в круг приближенных?

Теперь ржал Лиарс, чуть из образа не вышел. Но сдержался, и мы чинно-пристойно покинули место коленопреклонения. Не распрямляясь, спиной вышли из тронного зала, так попами вперед и ввалились в бальную залу.

– Доннат Таим Алва с семьей! – громко объявил о нашем появлении чешуйчатый привратник.

Мы сразу развернулись и гордо прошествовали по уходящему вниз проходу к танцующим и общающимся демонам. Но едва спустились ниже, как начался Кровавый вальс, а это любимая мелодия мамы, и папа тут же закружил ее в танце. На самом деле вальс в прошлом именовался «Цветочный», но демонам под такое танцевать не комильфо, поэтому название изменили, а ритм чуть ускорили. А потом Антуан тоже отправился танцевать с невестой, Лиарс сбежал к друзьям, а я...

– Привет, – прошептали у самого моего уха, – а я тебя знаю...

От звуков этого голоса странная вибрация прошла по телу, и руки дрогнули.

– Представляешь, вдруг вижу прекрасное видение. Самое восхитительное на свете, и невольно пробежала мысль: «Повезло кому-то». Подхожу ближе, смотрю на тебя и понимаю – это я тот самый счастливчик. Удивительное ощущение.

Я не выдержала и развернулась. Он стоял совсем рядом – высокий, темноволосый, загорелый, в белоснежном костюме и... в маске.

– Привет, – говорю, – маска!

– Привет, – отвечает он, – Ярослава...

И только темные глаза в прорезях маски поблескивают. Зато блеск их так завораживает, но и пугает одновременно. Я вдруг вспомнила, что у меня как бы есть жених, и это как раз может быть он. А жених для меня – существо с детства порицаемое и в то же время устрашающее. В общем, я начала отступать и оглядываться, в стремлении банально дать деру, пусть и на каблуках.

– Не затруднит ли вас подарить мне танец? – проникновенным шепотом спросил демон.

– Нет! – машинально ответила я... и только потом поняла, что угодила в банальную словесную ловушку.

– Я рад, что вас это не затруднит, – сообщила маска, беря в плен мою ладонь и мою талию.

И мы закружили по залу. Первый танец я не то чтобы боялась, но побаивалась. Второй – просто злилась, к третьему начала наслаждаться происходящим. Мы были в вихре танца, а вокруг мелькали лица в масках, и на нас многие смотрели. Неудивительно – пара в белоснежном, и, наверное, со стороны мы смотрелись эффектно.

– Вы прекрасно танцуете, – была вынуждена признать я, когда в пятом танце мы остались единственной парой в центре зала.

– Не спорю, МЫ прекрасно танцуем... вместе, – демон рассмеялся низким чуть хриплым смехом. – Ярослава, я восхищен. Причем исключительно тобой.

Мы остановились, но такое ощущение, что бальный зал продолжал кружиться в дивном вальсе.

– Предлагаю сбежать, – прошептал демон, чуть склонившись ко мне.

– Далеко сбежать будем? – не то чтобы я «за», но любопытно же.

– Да нет, тут рядом совсем.

– Ммм, – протянула я, – боюсь, моя семья не одобрит.

– Поверь, – прошептал маска, – против они не будут. Ну же? Готов дать два клятвенных обещания – ты не будешь разочарована, и я гарантирую, что не прикоснусь и пальцем.

«Мой совет – флиртуй, очаровывай, влюбляйся и наслаждайся молодостью. Молодость, Ярусик, она одна, а мужиков – знаешь, как много!» Эти мамины слова вспомнились как нельзя кстати, и я решилась на авантюру.

– Только если недалеко и ненадолго...

Прошептала и тут же пожалела, потому как демон издал торжествующий возглас, подхватил меня на руки и закружил. А не успела

я банально возмутиться, как из его спины выросли два черных крыла и мы взмыли в воздух, проделали круг почета под потолком на глазах у изумленных зрителей, после чего вылетели через верхний балкон. Далее последовало стремительное удаление от дворца.

– Это не смешно! – разгневанно заявила я демону.

– Это потрясающе! – радостно ответил он. – Впервые похищаю девушку! Феерические ощущения, должен признать.

И он снова закружился, танцуя в небе. В этой ночной пляске победителя было столько забавного, что я невольно рассмеялась, а он ответил мне столь же радостным смехом и предложил:

– Потанцуем на облаках?

– Давай, – согласилась я, прикусив губу от восторга.

И мы понеслись вверх, туда, где над столицей неторопливо плыли пышные облака, ну или тучки, кто их в темноте разберет.

Танцевать на облаках особо не получилось, как ни старались. Все же красота, романтика, да и над облаками сияла полная луна. Но мы все время сбивались с ритма, потому что я умудрялась соскальзывать, а он меня ловил, и все это было так забавно... пока не грянул гром.

– Ты уже созрела для интима? – смеясь, спросил демон.

– Как сказать! – У меня от смеха болел живот, и скулы тоже не радовали.

– Иди сюда, – это заявление было лишено смысла, так как я и так на нем висела, – чуть ближе, и вот теперь я тебя приподниму, а ты обними меня ножками, идет?

– Э!

– Ну да, звучит двусмысленно, но поверь – у меня очень высокие цели! – А сам ухохатывается.

– Ага, это потому, что мы действительно очень высоко.

– Именно. А нам желательно оказаться низко и как можно скорее.

– Насколько быстро? – недоверчиво поинтересовалась я.

– Быстрее, чем начнется дождь и придется уворачиваться от молний.

И ну ее, эту ложную скромность!

Стремительный полет вниз головой сопровождался моим визгом и его смехом, зато потом мне предложили:

– Идем гулять по крышам.

О законах Темной Империи я знала мало, но помню: за это дело, то есть хождение по крышам, братиков пару раз закрывали в тюремной башне, несмотря на высокое происхождение.

– Да как бы такое запрещено законом, – неуверенно сказала я.

– А ты всегда законопослушная? – насмешливо поинтересовался демон.

– Ага, я же ведьма.

– Я знаю. Но иной раз законы следует и нарушать, к тому же ты обещала мне танец, а ведьмы всегда держат слово.

– Стоп! – Он остановился, спустил меня на... крышу и сделал вид, что внимательно слушает. – Это когда я такое обещала и откуда ты так много знаешь о ведьмах, а?

Тихий смех, и веселым тоном маска произнес:

– Я мало знаю о ведьмах, но практически все о тебе... а ты же ведьма. Или я не прав?

– Сними маску, – тихо попросила я.

Демон рассмеялся, вновь взял за руку и обнял мою талию, и мы закружились прямо на краю крыши, а потом перепорхнули на следующую, и еще одну...

– Сними маску, – повторила я просьбу уже не десятой крыше.

И маска слетела... с меня! Сильные пальцы с аккуратно остриженными когтями, осторожно коснулись моих губ, погладили по щеке и в довершение щелкнули по носу.

– Так нечестно! – возмутилась я.

Но тут мы вновь переместились на следующую крышу. Мой партнер по запрещенному виду деятельности вдруг остановился, потянул носом, внес неожиданное предложение:

– Предлагаю перекусить, что скажешь?

Держа его за руку, причем крепко держась, я подошла к самому краю крыши. Чуть перегнувшись, посмотрела вниз, собственно на здание, нами оккупированное, и поняла, что мы в самом центре Дарранта, на крыше одной из известнейших кондитерских.

– Хочу какао, пирожки с малиновым вареньем и можно что-то такое кремowo-воздушное! – решила я.

– Будет исполнено, моя повелительница, – сказал демон и оттащил меня от края.

После чего на некоторое время я была оставлена в одиночестве. Однако когда он вернулся, неподалеку появились крылатые демоны в серебристых доспехах.

– Ой, завтракать будем в тюремной башне, – прошептала я.

Мой демон – почему мой? да потому что он со мной! – держа в одной руке пакет из кондитерской, второй обнял меня и, глядя на целенаправленно приближающихся к нам крылатых, меланхолично

произнес:

– Есть два варианта – мы можем просто сбежать...

– Так догонят же, у них скорость знаешь какая?

– Какая?

– Высокая! Антуан занимался спортивным полетом, так вот его стражи догнали вмиг, несмотря на чемпионский титул.

– И все же мы можем сбежать либо я с ними договорюсь, что выбираешь?

Я усмехнулась – стражи у нас неподкупные, это всем известно. Но и убежать от них нереально, это также факт общеизвестный.

– Слушай, – я хмыкнула, – сбежать, да еще и со мной на руках, ты не сможешь.

– Спорим? – спросил демон.

– Да ладно, – я рассмеялась, стражи-то уже совсем близко, – хотя... Спорим. Если они тебя ловят, ты снимаешь маску! Полюбуюсь на твою раздосадованную рожу! Ну и от свадьбы отказываешься!

Последовало задумчивое:

– Хм... – а потом он согласился: – Ладно, но если я от них отрываюсь, ты со мной до утра гуляешь по городу, идет?

Я при любом раскладе ничего не теряла.

– Идет!

А стражи уже опускались на крышу, и выражения их лиц не сулили ничего хорошего.

– Держись, – прошептали мне.

В следующее мгновение мы взмыли вверх с такой скоростью, что я потеряла туфельки, и некоторые умные шпильки тоже решили покинуть голову своей дурной хозяйки. А маске ничего, только хохочет, потому что я кричу не своим голосом.

– Не смешно, – не выдержала я.

– Очень смешно, – возразил демон, – твоя туфелька приземлилась на голову начальника ночной стражи, уважаемого Мракаша. По-моему, он не был рад встрече.

– А туфелька?

– Ее спросить забыли. Сволочи, правда?

– Ага... Но эти сволочи летят к нам, если ты не заметил.

– Я заметил, просто было очень любопытно посмотреть, куда упадут твои туфельки.

И ветер засвистел в ушах, а мы умчались в облака, которые были тучами, но дождь ушел южнее, пока мы танцевали по крышам.

В общем, спор он выиграл, но я была не сильно против, если уж говорить откровенно. И потом мы еще немного полетали в облаках, не уходя от погони, а просто потому, что было очень здорово. Но тут он вспомнил, что пирожки остынут. И мы в той же интимной позе помчались вниз, чтобы приземлиться на крыше беседки в каком-то заброшенном саду. Мне был пожертвован камзол, причем теплый и сухой, а сам демон остался в рубашке.

– Ваше какао, юная ведьмочка, – мне был передан сверток с гномьей чашкой, той самой, которая не остывает и напиток из нее не выливается. – У меня чай, я чай люблю. Теперь десерт – это тебе, это тоже тебе, это снова тебе, – мне на платье перекинули свертки с пирожками и прозрачный шарик с кремовым пирожным внутри. – А это мне.

Демон забрал плоский сверток круглой формы. Я-то быстренько первый пирожок развернула, вдохнула аромат ванили и малинки и уже собиралась насладиться куснятинкой, как маска свой «пирожок» развернул. И такой аппетитный аромат мяса разнесся в воздухе, что малиновое варенье вмиг утратило всяческую притягательность.

– Нямка, – радостно сказал демон и снял маску.

Разочарование было страшным – под маской была вторая, на сей раз магическая. В общем, я опять только глаза и видела.

– Жизнь несправедлива, – хмуро заметила я, сдавливая пирожок, от чего тот хрустел и джем из него чуть выступил, заново пробуждая аппетит.

– Да ладно, по-моему, жизнь прекрасна, – сказал демон и, отломав от своего пирога кусочек, протянул мне.

– Ну да, не плоха, – согласилась я, не отказываясь от жеста доброй воли.

И мы сидели на краю беседки, болтая ногами и делясь интересными фактами из жизни.

– А чем ты вообще занимаешься? – решила я разузнать о загадочной личности побольше.

– У меня скучнейшая работа в мире, – пожаловался демон, – я инспектор.

– Фу-у-у, – сказала я.

– Вот и я о том же. Дело скучнейшее, времени на личную жизнь совсем не остается, одно радуется – оплата высокая.

Я съела предпоследний пирожок, последний ему протянула. Взял.

– А кого ты инспектируешь?

– Ну, – он тяжело вздохнул, всей своей грудью, и даже мускулистые

широкие плечи при этом были задействованы, – хрень всякую. И что самое неприятное – хрень обычно не только против, но еще и активно сопротивляется. Вот недавно вернулся от драконов. Злой вернулся, ну как... демон. Ты представляешь, что они удумали?

– Что? – я от любопытства даже ногами болтать перестала.

– Решили, что одна голова хорошо, а три лучше!

– Ну... в чем-то они правы, – осторожно сказала я.

– Ты не совсем поняла, – возразил демон, – у одного дракона три головы... огнедышащие.

– Ой-ей!

– Вот-вот. Причем они заклинание применяли собственно на яйцах, а мне пришлось расплести с маленьких дракончиков. То есть из одного с тремя головами делать троих одноголовых. Я над расчетами только месяца полтора бился.

– Ого... – я была шокирована до глубины души, так как работа действительно сложная. – И как?

– Выводок из пятнадцати трехголовых дракончиков превратил в сорок две рахитичных ящерицы. Теперь все драконово племя старательно откармливает бедняжек.

– Стой, – я задумалась, – пятнадцать на три, должно получиться сорок пять.

– Я тоже так думал, – признался демон, – но тот трехголовый дракончик, который смылся, он решил иначе.

Мы рассмеялись так громко, что где-то среди деревьев вспорхнули испуганные птицы, но из дома все равно никто не вышел, и даже сторожевых собак не было.

– Странная усадьба, – проговорила я, задумчиво разглядывая тропы нехоженные, запустение, царившее в саду, и дом, темный и безжизненный.

– Почему странная? – незнакомец в маске как-то неожиданно стал совсем темный.

Я осмотрелась и поняла, что уже рассвет, и мы как раз в поре так называемых предрассветных сумерек и обретаемся.

– Заброшенный. Не знала, что в Дарранте есть заброшенные дома.

– Такое с домами иногда случается, когда хозяин долго отсутствует.

– Да? И где хозяин этого дома?

– Вообще-то уже вернулся, – демон начал собирать остатки нашей трапезы. – Ночью здесь бродят охранные заклинания, но днем, если захочешь, я покажу его тебе.

– Твой? – решила спросить я.

– Нет, – демон рассмеялся, – моего кузена.

Передавая ему для пополнения мусорной кучки обертку от пирожков и пирожного, я продолжила расспрашивать:

– И он не против, что ты здесь без его ведома?

– Он – нет, но охранная система рада нам не будет. Ярусь, завтра тут погуляем, обещаю, сейчас домой пора.

– Ага, – я потянулась и зевнула, – домой давно пора, мама волнуется, наверное.

Неожиданно он напрягся. Молча все доскладывал в пакет и этот самый пакет отодвинул. После этого сел ближе ко мне и тихо спросил:

– Ярослава, а... что ты знаешь о свадебных традициях демонов?

– Маска, – насмешливо обозвала его я, – ты разговариваешь с представительницей семьи, в которой эти самые традиции жестоко попирались на протяжении двух поколений. И я твердо намерена придерживаться семейных обычаев.

– Да? – вот поспорить могу, что он сейчас улыбается. – Ладно, поработаю просветителем для тебя в данной области. Итак, Ярусь, демоны могут жениться двумя способами. Первый долгий и длинный – внушительный период ухаживаний, помолвка с разрешения родителей невесты и жениха, еще семь лет ухаживаний, после чего пятидесятидневная свадьба.

– Ого, – только и смогла сказать я.

– Ага. Но есть и второй способ, – демон приобнял меня за плечи. – Помолвка заключается главами семей, в присутствии или без одного молодых. В нашем случае дело происходило в нашем присутствии. Так вот, в это время обрученных связывают особыми заклетами, это так называемая кровная магия. В дальнейшем опять же два варианта: можно начать ухаживания, едва невеста достигает совершеннолетия, но... если между обрученными вспыхивает притяжение, то есть пробуждается кровная магия, в этом случае допускается некоторое отступление от традиций, и период ухаживаний замещается... похищением.

Шокированная, я выдала фразу в духе Любавы:

– Мы все умрем... то есть я умру... то есть тыгыдымс полный!

– Что? – он рассмеялся. – Не бойся, при похищении, в случае несогласия невесты, она трое суток находится на территории жениха, после чего может вернуться домой, и помолвка в этом случае расторгается.

– Ху-у-у, аж от сердца отлегло, – сообщила я демону. – А я уже разрабатывала план собственного спасения... ну там маму позвать, потом на твоей могилке слезки повытирать.

От хохота он едва не свалился с крыши беседки, а потом сам слезы вытирал, собственные.

– Да, Ярослава, ты потрясающая девушка. Ладненько, а полетели в теплую кроватку?

– Полетели, – но камзол ему не вернула. На рассвете стало ощутимо прохладно. – А ты маску снимешь?

– Увы, – ответил демон, крепко обнимая меня, – только после твоего согласия, такова традиция.

– Так что ж мне, выходить замуж незнамо за кого? – Нет, ну это уже ни в какие ворота!

– Твоего согласия на... в общем, на другое дело.

– Тыгыдымс?

– Что?

– Прости, маска, я отказываюсь быть просветителем для тебя в данной области.

А потом мы полетели над городом и в какой-то момент я начала засыпать на лету.

– Слушай, – опять поправ скромность и обнимая его ногами, сказала я, – но мама же все равно волнуется?

Тихо рассмеявшись, демон ответил:

– Ярус, я единственный во всем мире демон, который мог похитить тебя на глазах у всех. И поверь, твоя семья прекрасно осведомлена о том, где ты и с кем.

* * *

Особняк маски располагался в центре города, на Кровавом проспекте. Сие страшное название не имело ничего общего с какими-либо кровавыми событиями прошлого, просто тут росли деревья с красными листьями. Необычно, зато очень даже симпатично.

Мы пролетели над воротами, минуя охранную сеть, потом полетели на один из балкончиков. А в небе поднималось красно солнышко... в буквальном смысле красное.

– Красиво, – сказала я.

– Спать пора, – напомнил демон.

Балкончик оказался примыкающим к его спальне. Но меня тут спать не оставили, и даже не намекали на подобную возможность. И вскоре я была приведена маской в соседнюю спальню, и вот тут мне сделали

предложение:

– Поворачивайся спиной, я тебя раздену, – сказал демон.

– Эм...

– Ярусь, ты же не демонесса, сама это платье снять не сможешь, поворачивайся.

– Масюсь, – надругалась я над его мной же придуманной кличкой, – может, я и не демонесса, но с платьем сама как-нибудь справлюсь.

– Точно?

– Ага!

Демон постоял, посмотрел на меня и неожиданно просящим тоном взмолился:

– Пожалуйста.

– Нет.

– Я только первую пуговку расстегну...

– Нет!

– Жмотина, даже посмотреть не даешь! – заявили мне, и разобиженная маска ушел.

Спустя час я писала в дневнике, который всегда со мной.

«Дорогой дневник... тьфу ты, Рогнеда. Дорогая Рогнеда, как расстегнуть эльфийские пуговицы, если оные расположены на спине?»

Сижу и жду. На улице уже птички поют вовсю, солнце поднялось, спать хочется так, что сил нет никаких, но... демон в маске оказался прав, и расстегнуть это дурацкое платье я не в силах! Ноготь сломала, подушки попинала, а без толку!

Все еще жду. И тут, о счастье, на странице проявились буквы:

«Дорогая Ярослава, у нас глухая ночь... но, несмотря на это, мы провели консилиум, и выяснилось, что эльфийские пуговицы ты расстегнуть не сможешь, так как неспособна выгибать собственные суставы. И у тебя остается два варианта – либо перекручивай платье пуговицами наперед, либо ищи раздевателя. Но помни – двенадцать несчастных ведьм тут, в далекой и заброшенной академии, гибнут от любопытства! Наша смерть будет на твоей совести.

Привет тебе от Любавы, и она просила передать, что мы все умрем!»

Помянув черта лысого, я села писать ответ:

«Дорогая Рогнеда и одиннадцать помирающих от любопытства ведьм, ладно, так и быть, спасу вас от гибели неминуемой. Я сейчас у жениха. Да-да, он у меня таки есть. Провели ночь вместе, практически летала в облаках и... понравилось. Сейчас нахожусь в его доме и пытаюсь снять платье.

Повернуть оное пуговицами вперед мешает грудь, позвать раздевателя мешает гордость. Что делать?»

Сижу и опять жду. Ждать пришлось на удивление мало.

«Ааааааааа!» – гласила первая запись.

«Ты издеваешься?» – вещала вторая.

«Ты с ним всю ночь провела?!» – судя по корявым буквам, у Рогды рука дрожала.

«Ярослава, я тебя сама убью! Что значит: «Провели ночь вместе, практически летала в облаках и... понравилось»? А где подробности?! Где хоть какие-то чертовы подробности?! Все, капец эльфу! Я сама все узнаю, а вы с Яринкой обе жмотины!»

«Дорогая Рогнеда, – старательно выводила я, – если мне не удастся снять это чертовое платье, я тебе такие подробности поведаю, мало не покажется!»

Некоторое время строчки оставались девственно-чистыми, после появилась надпись.

«То есть ты сейчас осталась без тыгыдымса, потому как платье снять не можешь?.. Ярусь, ты меня прости, но в таком случае я вспомню слова нашего главного, исполненные великой мудрости, и не скажу, как платье-то расстегнуть можно, ибо нечего всяким кобелям плешивым получать тыгыдымс от моей подруги в первую же ночь!»

От такого у меня даже слова все закончились.

– Зараза! – заорала я ни в чем не повинному дневнику.

После чего схватила перо и уже собиралась писать гневное послание одной паршивой ведьме, как в двери постучали, а после они и вовсе открылись, и вошел он, демон в маске.

– Говорил же, что не сможешь снять платье, – сказал демон.

– Знаешь, мне сейчас как-то не до него! – сообщила я.

«Дорогая Рогнеда, чтоб тебе пусто было... чтоб тебе эльфа догонять и не догнать, чтоб...»

«Кстати, об эльфах, – прервали мою ругань новые строки, – ты не согласишься, кто пригласил меня завтра... то есть уже сегодня вечером на обед в ресторации “Перо феникса”... И это именно тот, о ком ты думаешь! И да – Любава, которая тут сопит у меня над левым плечом, сказала, что ты вся умрешь от любопытства. Белинда настаивает на ином варианте – ты примчишься еще до моего эпического свидания».

И пока я скрипела зубами, демон подошел, бесцеремонно заглянул в дневник и спросил:

– Откуда это?

– Из медальона.

– А-а-а, – и у меня над плечом тоже засопели, бесцеремонно подглядывая.

В данный момент мне было все равно, кто там и что видит, потому как я выводила корявым от гнева почерком:

«Дорогая Рогнеда, я вернусь, и смерть твоя будет жестока и бесчеловечна! А еще я... я... Верховной пожалуюсь!»

«Ой-ой, напугала. Верховная в курсе, эльф предварительно у нее разрешения спрашивал».

– Так! – Я захлопнула дневник, всунула перо под корешок, трижды ударила пальцем по переплету и, едва единая ученическая тетрадь уменьшилась, осторожно поместила ее в медальон. После этого стремительно встала, отвесила поклон маске и молвила: – Все, Масюсь, платье расстегивать не будем, мне срочно домой нужно. Понимаешь, там дела возникли... неотложные. Так что делаем так: я как в следующий раз домой вернусь, так и отсижу у тебя три положенных дня для расторжения помолвки. Вот, а сейчас мне домой срочно нужно, у меня там абонемент в первый ряд на одно срочное свидание.

Мне не ответили. Растерянно смотрю на маску, а он сидит и хохочет, рот-то рукой зажал, а плечи ходуном ходят.

– Серьезно, домой нужно, – сказала я.

Демон кивнул, потом отрицательно головой покачал, потом засмеялся уже открыто. И громко так, и на кровать упал, и хохочет лежа. Я руки на груди сложила, смотрю на него, понять ничего не могу. А он с трудом выговорил:

– «Повернуть оное пуговицами вперед мешает грудь, позвать раздевателя мешает гордость. Что делать?» – процитировал мои слова демон и едва не зарыдал от смеха.

Наверное, мне должно быть стыдно... действительно стыдно.

– Масюсик, – позвала смущенная я, – я домой хочу.

Он сел, подавил очередной приступ хохота и спокойно ответил:

– Ярусик, можно и домой, но при условии, что ты дашь согласие.

– Согласие на что?

– На свадьбу, – и он даже чуть голову склонил, ожидая моего ответа.

Подобный поворот событий меня совершенно не устраивал, о чем решительно и сообщила:

– Слушай, Масюсь, я тебя знать не знаю и, несмотря на то что ночь была удивительной, знать особо и не хочу!

Хмыкнул и неожиданно резко ответил:

– Ярослава, говоря откровенно, ты очень милая и веселая девушка, особенно восхищает твоя непосредственность. Но вражду между нашими семьями остановит только брак, а я намерен прекратить это многовековое противостояние.

Я так и застыла, едва рот не открыв от удивления.

– Ты и об этом не знаешь? – ледяным тоном поинтересовались у меня.

– Нннет...

– Ярусь, а не хочешь спросить у родителей, почему самого слабого и незащищенного члена семьи скрыли среди людей? Более того, поместили в одно из самых защищенных мест – Ведическую школу.

– Ой...

– Где ой? – Маска опять весь такой веселый стал. – Яренка, давай откровенно – брак все равно будет заключен, слова клятвы, которые ты произнесла в пять лет, имеют силу. Об этом знаю я, знает мой дед и знает твой дед. Мне достаточно снять маску, чтобы ты окончательно и бесповоротно приняла решение. И это будет согласие, Ярусь. Ты – демон, я – демон, мы связаны. Магии крови противостоять невозможно.

Стою, молчу. Потом нерешительно произношу:

– Ну так снимай...

Демон тяжело вздохнул и произнес:

– Ярослава, ты мне очень понравилась. С первого взгляда и даже в маске, понимаешь? Со мной такого еще не было. Твои движения, слова, запах, поведение – ты очаровательна. И я не снял маску лишь по одной причине – мне очень хочется, чтобы и ты испытывала ко мне чистые чувства без всякой магии.

Я подумала, приняла решение и уверенно произнесла:

– Сними маску!

– Ярослава, у нас три дня, чтобы ты привыкла ко мне. Чтобы увидела, какой я есть.

Нет у меня трех дней!

– Маску снимай, ирод плешивый!

Вскочил, глаза в прорезях покраснели. Нервно выругался и выдал:

– Ярослава, если я ее сниму, твой тыгыдымс будет здесь и сейчас, и это ты на меня набросишься. Но учти, я не железный, так что все действительно произойдет.

– Снимай, я сказала, а то хуже будет!

Демон, а был он уже в костюме, нервно дернул галстук, ослабляя, сглотнул и хрипло произнес:

– Действительно ведьма! Ярослава, ты хоть слово из сказанного мной

услышала?

– Маску!

– Да что ты за человек?

– Обычный я человек и даже не демон. Снимай, кому сказала!

Демон взвыл, причем вполне натурально. Затем постарался успокоиться, задышал глубоко, потом сказал:

– Секунду.

И вышел в коридор. Оттуда раздался громовой вопль «Рнган!», и я даже расслышала торопливый перестук копыт этого явно призываемого. Далее обрывками донесся разговор:

– Сообщи Азару, что я не появлюсь сегодня в собрании.

– ...Важно, – послышался лепет несчастного собеседника маски.

– Что значит «важно»? Поверь, важно совсем не это.

– ...Господин Азар будет недоволен...

– А я что сделаю? У меня тут невеста буйствует.

Я, несмотря на трагизм ситуации, тихо захихикала. Но тут демон в маске вернулся, дверь закрыл, повернулся ко мне и тяжело вздохнул.

– Что еще? – грозно вопрошаю я.

– Да ничего, – он камзол снял, галстук развязал и тоже отбросил, начал рубашку расстегивать, – умеешь ты... Я трое суток не спал, только вернулся, дел по горло, но тебя мои проблемы не волнуют!

– А с чего они меня должны волновать? Не я тебя похищала! – И ногой бах по полу! А я была босиком... больно.

Подвывая, допрыгала до постели на одной ноге, вторую начала осторожно поглаживать. Демон тут же ругаться перестал, подскочил ко мне, встал на колени и тоже к поглаживанию жертвы ведьминского гнева присоединился.

– Что же ты так? – Ага, еще и поругать решил. – Очень больно?

Я хмуро посмотрела – он уже и рубашку снять успел, и теперь был весь такой полуголый. Хотя вообще кое-что меня смутило.

– Масюсь, мы вроде договорились, что ты маску снимешь, обо всем остальном договора не было.

– Ярусь, поверь мне, потом на снятие одежды времени не будет, мы все просто порвем.

– Ладно, – решила я согласиться, – снимай уже маску. Мне, если честно, этого платья совсем жаль не будет.

Демон хмыкнул, встал и, глядя на меня сверху вниз, потянулся к маске...

– Еще раз предложишь хорошенько подумать, и тебе приступ

ведьминского гнева гарантирую! – предупредила я.

– Ярусик, Ярусик, – укоризненно произнес он и снял ту черную хрень, что скрывала его лицо...

Черные, иссиня-черные волосы тяжелой волной упали на плечи... Зажмурив один глаз – на всякий пожарный, осторожно начинаю осматривать от шеи и выше. Подбородок ничего так, привлекательный, губы тоже, но чуть насмешливая ухмылочка их кривит, нос красивый, орлиный такой, а потом я посмотрела в глаза...

Сердце бешено забилося и ухнуло куда-то, во рту появился металлический привкус, и я не сразу поняла, что это я губу прикусила, руки мелко затряслись, и перед моими собственными глазами на миг все потемнело...

– Теперь ты понимаешь, что я ощутил, сняв твою маску... сдержался с трудом, должен признать, – произнес демон и улыбнулся мне.

Его глаза! Улыбка! Лицо!

Я всхлипнула и взвыла, схватилась за голову, проклиная все на свете, и с трудом ответила:

– Очень сильно сомневаюсь, что ты испытывал то же, что и я сейчас! Потому что мне плохо! Мне очень-очень плохо... Мне так плохо, что я, наверное, умру сейчас... Лучше бы ты ее не снимал... Лучше бы ты ее никогда не снимал!

В ответ – изумленное молчание, зато у меня истерика началась... Вскочив, я заметалась, потом сползла по стене и просто заплакала. Затем снова поднялась и выбежала из комнаты. Вслед мне понеслось удивленное «Ярослава», но я уже бежала, не разбирая дороги... На кого-то натыкалась, что-то разбила, но продолжала метаться в поисках выхода... Выхода из западни, в которой я оказалась, потому что Инар никогда меня не любил, это все глупая магия крови! И от осознания этого я снова прислонилась к какой-то стене и начала сползать вниз, растирая по лицу горькие слезы...

– Яра! – я услышала разгневанный крик и торопливые шаги.

Догнал, подошел, присел на корточках напротив, дал платок. Молчал, пока я лицо вытирала и сморкалась, старясь успокоиться, потом тихо спросил:

– Ярусь, что случилось?

Я подняла голову, посмотрела на его раздосадованное лицо и заревела втрое громче и отчаяннее. Видимо, Инар является кузеном маски. Потом я вспомнила и полное имя темноволосого мага – Ин Азар Даишессе Арканэ... И разговор в коридоре, когда другой демон сказал: «Господин Азар будет недоволен».

Это все магия крови!

Мне так больно не было, даже когда Инар целовал Лин, потому что даже в тот момент где-то в глубине души, где-то очень глубоко я верила в то, что он меня любит... Любит вопреки всему... Любит, и те слова, они были правдой... Ведь он ко мне пришел оттуда, откуда не возвращаются... И тем болезненнее разочарование! Не любит он меня! И никогда не любил! Магия крови! Глупая магия крови! Та самая, о которой он говорил там, на чердаке академии! Инар – демон, а я та, кого связали в пять лет с демоном, у которого с Инаром одна кровь! Они родственники! В этом не было сомнений, стоило только на лицо Маски взглянуть... И никакой любви не было! Не было... Только притяжение, которому невозможно было сопротивляться... Просто притяжение, страсть... проклятая магия крови!

Вот только мои чувства к нему никакой магией крови не являлись! Я любила его! Любила, а он меня... нет...

– Ярусик, – демон протянул руку, погладил по щеке, – да что с тобой? Давай водички принесу? А хочешь пирожное? Или какао? Ярус, только не плачь.

Ответить я смогла раза с четвертого. Все всхлипывала и никак не могла успокоиться, потом едва прошептала:

– Я хочу домой... я просто хочу домой... или умереть уже и не мучиться!

Кивнул, тяжело вздохнул и тихо ответил:

– Давай ты сначала успокоишься, хорошо? – и улыбнулся... улыбкой Инара!

– Я не хочу больше жи-ить, – откровенно завывала я.

– Самая странная реакция на магию крови, которую я когда-либо видел... – задумчиво прошептал демон.

Я громче завывала и закрыла лицо ладонями.

И вот сижу я, реву, демон сидит рядом, сопит, но что делать, явно не знает, а где-то далеко двери громко стукнули! Я даже реветь тише стала, и уже только всхлипываю, прислушиваясь. А там шаги – быстрые, громкие и рассерженные какие-то. И все приближаются. А потом послышалось раздраженное:

– Азар, я занят! – сказал мой демон.

– Рангар, я очень счастлив, что ты решил жениться, но не намерен отдуваться за тебя на совете! – сказал... темноволосый маг Инар.

Я перестала всхлипывать.

И ладони к лицу сильнее прижала, но щелочку оставила, чтоб хоть

что-то видеть. Так вот, мой полуголый поднялся и меня, будто случайно, прикрыл... А Инар стоит, в черном весь, немного изменившийся, словно возмужавший. Не такой красивый, как маска, и ростом пониже, и плечи поуже. Но это был Инар! И для меня он был в тысячи раз лучше всех демонов, да и магов тоже... Потому что это был Инар... Только уставший какой-то и без этой его излишней самоуверенности и... И тут я вспомнила, что он меня не любит... и никакой любви не было и нет!

И снова слезы ручьем.

– Что здесь происходит? – удивленно спросил Инар.

– Это мое личное дело, – угрожающе ответил ему брат.

– Да? – маг усмехнулся. – Ты в одних брюках, твоя невеста сидит на полу и плачет так, что успокоиться не может, и это твое личное дело?

– Да. На собрании я буду. Все? – тон демона мне не понравился.

А маг тяжело вздохнул, потом вздохнул еще раз и спокойно сказал:

– Рангар, я понимаю, что не в традициях демонов влезать в отношения, но я вырос среди людей и не могу закрыть глаза на происходящее. Что с девушкой?

– Ничего!

– Что значит «ничего»? У нее из-за ничего истерика?

Демон зарычал, гневно и грозно.

– Не рычи, – Инар хмыкнул, – я, конечно, полукровка, но в силе тебе не уступаю, а с некоторых пор и превосхожу. Что с девушкой?

Маска рыкнул, пятерней пригладил волосы и жалким голосом признался:

– Я не знаю. Ничего не понимаю, а она... плачет. Просто плачет и все! Я снял маску, должна была подействовать магия крови, а эта... ударилась в истерику! Особенно обидно, что как бы предполагалась безумная страсть...

– Ты вроде как был против, – неожиданно сыронизировал Инар.

– Был, но... она удивительная, – мой демон на меня оглянулся, я же продолжала подглядывать за ним в щелочку между пальчиками, и он это заметил. Улыбнулся мне виновато как-то и грустно спросил: – И как этих женщин понять?

Инар также грустно ответил:

– Увы, брат, в этом я тебе не помощник, сам не разобрался. Так что случилось?

Ну и я опять плакать перестала. Только плечи вздрагивали.

А мой демон-жених рядышком сел и вдруг позвал:

– Ярусь...

Я всхлипнула и очень тихо попросила:

– Пусть уйдет...

– Кто? – не понял жених.

– Инар... – так же тихо ответила я, стараясь, чтобы маг ничего не услышал.

А этот тугодум удивленно, а главное, громко переспросил:

– Какой Инар?

«Какой Инар» дернулся! Стремительно развернулся ко мне! Ну и вполне закономерно, что после демоновского высказывания кое-кто проявил чудеса дедукции, и я услышала изумленное:

– Ярослава?!

Я молчу, но теперь даже в щелку между пальцами смотреть страшно, а демон мой поднялся и удивленно:

– Вы... знакомы?

«И еще как», – подумала я.

Дальше послышалось глухое рычание, причем от Инара, и дом сотряс вопль:

– Ты что с ней сделал?!

И тут это... «орель» проснулся. Я руки от лица убрала, платком нос вытерла и как отвечаю:

– Ничего такого, чего бы еще не сделал ты!

И таки посмотрела на него. А Инар стоит, рот у него то открывается, то закрывается, лицо краснеет, глаза тоже, и следующую фразу он прорычал почему-то брату:

– Я убью тебя!

Затем я увидела такое, что видела только раз в жизни, когда дед на моих глазах перекинулся, – Инар преобразовался в темное облако, на облаке затрещала одежда, и на несчастного жениха кинулся, стуча копытами, разъяренный рогатый, крылатый, хвостатый демон. Не такой здоровенный, как мой дед, но что-то слишком уж злой, дедушка таким никогда не был. И вся эта масса набросилась на собственного кузена. А тот в полном шоке упал на пол под весом братика и, не веря собственным глазам, произнес:

– Азар... ты... как древние!

Тот и остановился.

А я решила не дожидаться развития событий, и так понятно, что исход будет мирным, тут, видишь ли, демоническая кровяка пробудилась. Я поднялась и, придерживая юбки, рванула к выходу.

И вот оно чудо – без слез и истерик этот самый выход очень быстро

нашелся!

Как я до ворот бежала – история отдельная. На собак, правда, орать пришлось из всех ведьминских сил, но тут из особняка послышалось яростное: «Ярослава!» Собачки от испуга на задние ноги повалились, под двумя образовались лужицы, а я беспрепятственно выскочила на улицу.

А там другой вопрос встал ребром – куда бежать? Потому как менее всего хотелось встретиться лицом к лицу с Инаром. Ведьма сопоставила свои босоногие возможности с возможностями крылатого демона, пришла к единственному здравому решению и закричала:

– Стража!!!

* * *

– Тортик бери, Ярусик, – весело сказал мне Великий и Ужасный Темный Властелин.

Я и взяла, шмыгнув носом. И вот сижу я напротив самого страшного демона в мире, который сейчас в домашних тапочках и халате, и жалуюсь ему на житье-бытье. А где-то вдалеке слышится гневное: «Ведьма! Я до тебя доберусь, я тебе устрою! И это ты не демон, да?»

– Первый раз перекинулся, – снисходительно заметил Повелитель, – успокоится. Ты мне вот что скажи – с Рангаром что?

Я пожала плечами и вернулась к поеданию торта. А что тут еще сказать-то?

– Не хочешь, значит? – понял Великий, он еще и Мудрейший. – Ну и ладненько. Ты, Ярусик, не переживай, ты Азару жизнь спасла, он это подтвердит, решением совета признаем кровную месть удовлетворенной.

– А это возможно?

– Если стороны не возражают, то возможно.

«Ярослава!!!» – вопль едва стены не сотрясал.

– Эх его распирает, – Темный Властелин усмехнулся. – Да, Ярусь, вот она где проявилась, кровь твоя, что от бабки да матери.

Я глянула в окно – там летал Инар, за ним гонялись стражи и все никак поймать не могли.

– Силен, – повелитель тоже в окно посмотрел, – надо же, впервые за три сотни лет древняя кровь пробудилась.

– Ну это после того случая, что я вам рассказала. Инар тогда даже русло реки повернул, а она огромная.

– Да нет, не думаю, – демон клыкасто улыбнулся. – Ты, Ярусик, пойми, то, что для человеческого мага – сверхсложная задача, для древнего демона, такого, как дед твой, например, – легкое напряжение. А древняя кровь у него сейчас пробудилась, Ярусь, именно сейчас.

И тут любопытство мое проснулось:

– Повелитель, а чем же он питался тогда?

– Едой, – Темный Властелин усмехнулся, – чем же еще? Разум его спал, силу он черпал или нет, тут еще разобраться нужно, скорее его собственный резерв задействовал, а ел мясо, как и любой демон. Он все же демон, хоть и полукровка. Азар ведь слабеньким родился, едва выжил. Долго его матушка выхаживала, даже к нам сюда привезла. Выходили, драконьим молоком отпаивали, а потом Нарита к мужу вернулась. Так Инар и рос среди людей, даже магом стал, причем боевым. Демон в нем ощущался, но слабенький, никто и не подозревал, что однажды такие демонические силы пробудятся, иначе кто бы его к людям отпустил. Уж сколько живу, иной раз вывертам крови и сам удивляюсь.

Кровь. Кровная магия... и не было никакой любви! Я невольно всхлипнула.

– Ярусь, – позвал Темный Властелин, – что тревожит тебя?

Я отложила торт и чай тоже и даже столик от себя отодвинула, благо он на колесиках, а после и спросила:

– У меня вот о чем вопрос – что с этой кровной магией? То есть Инар, он так... ну он за мной, потому что кровная магия, да? А у них с братом родственная кровь и... Эти все его чувства, они ненастоящие?

Повелитель тоже чашку отодвинул, руки на груди сложил и задумчиво ответил:

– К сожалению, Ярусь, дать точный ответ я не могу. Что касается твоих чувств, тут мне все ясно – это не магия.

Я покраснела, но все равно слушала внимательно.

– Ты пойми, Ярусик, дед рассчитывал, что к совершеннолетию твоя кровь проснется и брак ваш с Рангаром будет крепким, счастливым, а главное, соединит семьи. Но ты у нас ведьмочка, причем потомственная, и осталась только человеком. Мне жаль.

– А мне нет.

– Орел – птица гордая, – Повелитель весело подмигнул. – Да не об этом речь, в тебе-то магии нет, на тебя и не действует. С Рангара снимем, как помолвка будет аннулирована.

– А с... Инара? – тихо спросила я.

– Попытаемся, – неуверенно ответил Повелитель. – Все же первый

случай пробуждения за более чем триста лет, Ярусик. Тут какую-либо магию применять сложно и опасно.

– Ясно, – я совсем сникла.

Видать, ждет меня безответная любовь. Эх, пойду по стопам Василены Владимировны, глядишь, и мне на каком-нибудь ромашковом поле повезет.

За окном снова прогремело «Ярослава!», я даже вздрогнула.

– И долго он так орать будет? – спросила я.

– Сейчас выдохнется и сознание потеряет...

Я аж подскочила, а Повелитель хохочет:

– Успокойся, Ярусик, стражи не зря за ним гоняются, успеют подхватить. А если и нет, то что ему сделается? Его сейчас при всем желании не убить.

– А есть такое желание?

– Нет, пока.

– Хорошо-то как.

– И не говори, Ярусь.

В двери постучали, вошел деда. Я к нему прямо с кресла и рванула, на ручки попала, и там и уснула, пока они о чем-то с Темным Властелином беседовали на своем, на древнем, языке.

А вот с мамой дома разговора не получилось, я ей прямо сказала:

– Мама, все сложно! И у меня безответная любовь, и пошла я залечивать раны истерзанного сердца!

Так как дома шли активные боевые действия между мамулей и дедом, то меня особо никто не задерживал. Когда я с пожеванным саквояжем покидала дом, в небе удалялись две черные точки – это братики стремительно вспомнили, что давно не были у бабушки со стороны мамы и срочно решили навестить ее, пожить у нее... дней десять. Папа провожал меня печальным взглядом, деда откровенно пасовал, понимая, что у мамули сейчас период затишья перед бурей, а точнее, она ждала, пока дети отлетят подальше. Собачки и вовсе с утра сидели в драконнике и не высывались.

А все дело в чем – меня как похитили, мамочка пришла в ярость. Деда и папа пытались втолковать, что все хорошо, но при этом дед обмолвился о магии крови – и с трудом сбежал от разъяренной мамули, она-то наивно полагала, что дело только в помолвке. Мама, когда дело касается детей, просто звереет, так что дедушку жаль, если честно. Последний раз подобный скандал имел место, когда деда был против брака Антуана. Мама победила в кровопролитной войне, не пролив и капельки собственной крови, дед подсел на валериану и мамино кота на нее посадил, братец

заклучил помолвку с любимой. Ну тогда-то я была полностью на стороне мамы, а сейчас дедушку стало жалко. В общем, я не выдержала.

– Дед, – кричу у ворот, – забыла совсем, тебя бабуля видеть хотела.

Демон встрепенулся, ожил и с надеждой спросил:

– Правда?

Мамуля нахмурилась – жертва могла выскользнуть из загребущих дриадских ручек. Папа сник окончательно, ибо на растерзание только он и остался. Потом вдруг вспомнил, что в идее с помолвкой не участвовал, вновь расправил плечи и плотоядно осмотрел мамулю с головы до ног. Кажется, у кого-то очередной медовый месяц намечается.

– Правда, – вру, причем нагло, – заодно и я слетаю, давно у нее не была.

Счастливый деда, цокая копытами, начал сбегать по ступеням, а к воротам подошел высоким импозантным мужчиной в строгом костюме, разве что глаза бездонно черные, да улыбка чуток клыкастая.

– Мамочка, папочка, счастливенько.

– Ярусь, береги себя! – крикнула мама, наобниматься-то мы уже успели.

– И веди себя хорошо, – сказал папа, обнимая маму за талию.

Мамуль явно собиралась скандал закатить, но, видно, вспомнила, что папа ни в чем противодитячем не был замечен, и тоже его обняла. Махали они нам с дедом как-то синхронно. В общем, было понятно, что они рады от нас избавиться.

Мы с дедушкой торопливо отошли от ворот на сорок шагов, ближе нельзя, иначе из-за охранных заклинаний вектор перемещения может сместиться. А дальше дедушка сам открыл портал, мне даже к кольцу прибегать не пришлось.

– Прошу, – и меня галантно пропустил вперед.

* * *

Село Весенние Виснюки располагалось на берегу речушки Утиная. Название свое она получила за счет медленного, даже какого-то ленивого течения, из-за чего вся была покрыта толстым слоем ряски. Именно последняя являлась любимым кормом уток и гусей, оных и разводили в большом количестве селяне. Уток тут было так много, что закономерными были три явления – утром и вечером стада курсировали к реке и обратно, осенью в каждом дворе крылатым эти самые крылья

подрезали, дабы пернатые не смылись на юг, ну и босиком по деревенским дорогам никто не ходил.

– От... дерьмо, – выругался деда, наступив в то самое, из-за чего все бежали обутые. – Ненавижу это село!

– А бабушка любит, – парировала я.

И это было неудивительно – бабуля жила на краю села, у самого леса, и от ее домика до лесного озера рукой подать. К тому же это была та часть села, по которой не курсировали переполохчатые, так как в лесном озерке, питаемом родничком, не было ряски. А еще там совсем рядом росла малина и ежевика, а по берегам озера и земляника в избытке. В общем, любила я эти места.

– Ярусь, а чем в академии займешься? – спросил дедушка.

– Если честно, то очень приятными вещами, – сказала я.

– Это какими?

Чуть не ляпнула про тыгыдымс. Потом остановилась, достала дневник, увеличила, раскрыла на шестой страничке с конца, угрюмо вчиталась и с тяжелым вздохом показала деду.

– Вот смотри: у Бажены уже шесть ухажеров, у Любавы четыре, у Рогды... ого, двенадцать! У Ярины один, но уже жених, и у них даже тыгыдымс был. Что-то Варвара одна, надо будет разобраться. У Милолики десять, у Белинды шесть...

– Стоп, Ярусь, что за цифры ты мне озвучиваешь?

– Количество ухажеров, дед. Вот смотри, сколько кавалеров у каждой ведьмочки, ну кроме Ярины, но она взяла качеством, а не количеством, у нее сразу жених. А у меня никого нет! Совсем никого...

Деда растерянно на меня смотрит и даже утешить попытался:

– Ярусь...

– Что сразу «Ярусь»? Ты, деда, делов натворил со своей кровной магией, а мне теперь расхлебывай.

– Так разобрались уже, – возразил демон. – Ин Азар Даишессе Арканэ был спасен тобой от гибели, кровная вражда между нашими семьями прекращена. Уже все, Яренка.

– Тебе, дед, легко говорить, – я уменьшила дневник, осторожно в медальон вернула, – а я его... кажется, люблю. А он меня только из-за этой самой магии... И вот знаешь, каково это, когда ты его любишь, даже если и не хочешь, и сердце то замирает, то быстро бьется, но при этом знаешь, что он тебя нисколько не любит! Больно, деда, и обидно, вот. Как вернусь в академию, тоже себе кавалеров заведу. Много. Вот.

Дальше пошли молча, разве что деда как-то напряженно сопел.

- Что, – говорю, – совесть проснулась?
- Ага. Знаешь, без нее как-то лучше было.
- Неа, не знаю, моя меня как-то и не покидала никогда.
- Ярусь, а бабушка меня точно видеть хотела?
- Я усмехнулась и честно призналась:
- Знаешь, дед, а меня даже совесть не мучает.
- Ярослава!

А уж показался домик заветный, с детства мною любимый, я и сорвалась на бег, дедулю ухватив за руку, чтобы не сбежал. Да и как закричу:

- Бабуушка-а-а!

Скрипнула дверь, раздались стремительные шаги по лестнице, и почти сразу распахнулась добротная деревянная калитка. Бабуля моя, ведьма натуральная, черноволосая, стройная, моложавая да ясноглазая. Руки у нее добрые, улыбка будто лечит, а душа такая, словно может весь мир вместить.

- Ярославушка! – крикнула бабушка.

Тут я деду отпустила, саквояж ему вручила, да и побежала втрое быстрее. Так с разбегу бабулю и обняла, а она меня крепче, и не смотри на возраст. Обняла, прижала да и пожурила:

- Ярусик, что ж так долго пропадала?
- А я с дедушкой, – решила сделать дедусю козлом отпущения.

А бабуля мне тихо так:

- Спасибо. А то уж и не знала, как позвать... гордость, знаешь ли.
- Ой, бабушка, знаю.

Ну это она мне так, а ему:

– И хватает же совести у некоторых! – меня бабуля в сторону, сама руки в боки, брови сдвинула, на деда глядит хмуро. – Явился, козел безрогий... тьфу ты, рогатый!

- Всеславушка... – робко начал дед.

Да-а-а, что мама, что бабуля на мужиков страх нагоняют знатно. А дело все вот в чем – дед ревнивый до ужаса, ну как демон. А бабуля ведьма, ей людям помогать нужно, что дитенку, что женщине, что мужчине. Вот придет какой селянин, а у него рана на груди. Он и разденется перед ведьмой до пояса, так нет же, деда это просто бесит. Ну а когда его что-то бесит, ситуация для всех, кроме нас с бабулей, становится травмоопасной. Так, в последний раз дед к бабушке явился, а она ногу старосте лечила... лечить потом было нечего, в смысле, без ноги остался староста. Просто бабушка не знала, что староста на нее давненько заглядывается, да и рану

на бедре нанес себе сам. А деда не знал, что бабушка сильно осерчает, коли кому-то на ее глазах ногу оторвут. Вот после того случая уже три года как не разговаривают. Деда уж и ногу селянину вернул да обратно прирастил... правда, глаз подбил, но это мелочи, а бабушка все равно разозлилась сильно.

– Ирод плешивый! – бушевала ведьма.

А я на деда посмотрела, жалко его стало, и я решила вмешаться:

– Дедусь, да простила она тебя уже! – а сама во двор шмыг, а то по шее схлопотать неохота.

Ну деду два раза говорить не надо. Пока я по ступеням вверх поднялась, они уж и помириться успели – стоят посреди улицы и целуются... Селяне хмуро начали ворота затворять, показавшийся в конце улицы староста по-пластунски покинул территорию селения, ибо дед ему сказал: «На тысячу шагов подойдешь – убью!» И так как сказано все это было в демонической форме, то сам староста сейчас явно полз и отсчитывал примерное количество шагов. Полз он, кстати, по тому пространству, где утки курсировали.

Ну а дед с бабулей все обнимаются. Я уж и в дом зашла, и самовар поставила, и из печки пирожки достала, про которые бабуля забыла, мужем отвлеченная. И даже поела и чай попила, а они все еще посреди улицы стоят. А с другой стороны, надо ж наверстать, за три года-то.

Короче, решила я их не отвлекать. Допила и тот чай, что для них сделала, да остыл уже. Чашки помыла, стол прибрала, пирожков себе в лукошко набрала, и на выход. Тетя Матрена хорошо печет, а бабуля лучше, так я всем и набрала по два, включая домовую. И вот выхожу я, а деда все еще от бабушки оторваться не может, разве что саквояж мой в одной руке держит. Ну так я его забрала, свободная рука тут же заняла свое место на тонкой бабушкиной талии.

– Бабуля, дедуля, я, короче, пошла.

Всеслава Ильинишна тут же от демона оторвалась, сделала вид, что тут вообще ничего не было, да и опомнилась:

– Ярославушка, как же это? Давайте в дом, чаю попьешь, поговорим...

– Бабуль! Да уж и чаю попила... из трех чашек. В смысле, ваш тоже потребить пришлось.

– А у меня пирожки в печке томятся! Твои любимые.

– Из печки вытащила, поела, девочкам тоже взяла, – я продемонстрировала лукошко. – Все, бабуль, пошла я. Вы тут без меня не ссорьтесь да ведите себя хорошо.

И что вы думаете, меня в обе щежки чмокнули и радостно помахали на

прощание. И вот как жить? У всех кругом весна да любовь, только я одна-одинешенька...

* * *

Когда я попала в академию, был уже вечер. Так как появилась я перед воротами, долго доказывала привратнику, что мне внутрь надо. Он мне, в свою очередь, доказывал, что у них комендантский час, и если я хочу войти, должна встретиться с ректором. В общем, духов-привратников мы тогда всем скопом с домовыми освободили, академия людей в привратники набрала, вот и мучайся мне теперь. Как только я согласилась на свидание с начальством, меня пропустили. Провели собственно к ректору, где Ваэдан Шмидкович сказал мне: «Адептка Ярослава, с возвращением», а привратнику: «Ведьмочек пропускать можно, они девочки ответственные». Я на радостях даже пирожками с ректором поделилась, и он был в восторге.

Радостно напевая, пошла в комнату, открыла двери и так и обмерла – стол накрытый, за столом сидит грустная Матрена, а больше никого и нету! Ну домовиха меня как увидела, так и бросилась привечать да к столу звать.

– Тетя Матрена, очень рада видеть вас. А девочки где?

– Ох, – говорит, – уж Рогнедушку снарядили-одеди, причесали-нарумянили, да и ушла она с эльфом, сурьезным таким. А ведьмочки все уроки шустренько сделали, да на метлы и за ними – следить, значит.

Меняхватило ровно на то, чтобы переодеться, закусить тушеным мясом, которое стыло в ожидании ведьмочек, после чего я смылась во двор. Там, достав метлу, помчалась в город, посасывая горьковатую пастилу из зверобоя, которая давала заряд бодрости, ибо поспала я сегодня всего часа полтора, и то на руках у деда.

* * *

Ресторация «Перо феникса» располагалась на берегу залива и служила также пристанью. Прекрасное здание с тремя ярусами и четырьмя террасами являлось лучшим заведением города, и поговаривали, что даже король нередко обедает здесь.

Так вот, на самой верхней, крытой террасе было всего пять столиков, и что-то мне подсказывало, что эльф с Рогнедой расположились именно

там. Туда я и направила метлу.

– Привет, девчонки, – громко зашептала я, устраиваясь на крыше, на которой уже лежали одиннадцать ведьмочек.

– Ярослава, – послышалось от каждой, – тихо!

Решив, что обижаться потом буду, я уместилась поудобнее и приступила к главному – вслушиванию и вглядыванию в происходящее.

Собственно на верхней и самой дорогой террасе эльф и ведьмочка были единственными гостями. Негромко играла музыка, магистр Эльррис что-то рассказывал Рогде, сама ведьма угрюмо пила вино.

– А чего было-то? – не выдержала я и спросила у лежащей рядышком Милолики.

– Да ничего, – зашептала она. – Этот белобрысый ни о каком тыгыдымсе не думал даже, он у Рогды все вызывает про секретную ведьминскую силу, да как она резерв копит. Никакой романтики.

– У-у-у, – мне даже жаль подругу стало, потом вспомнила, что речь идет о Рогнеде, и жалко стало уже эльфа. – Это какой бокал?

– Пятый, – шепнула Василиса, – так что ждем-с.

– О, я успела, – обрадовалась я.

Рогнеда продержалась до седьмого бокала, хотя, судя по медленно раздираемой ею салфетке, уже была на грани. И вот магистр Эльррис перешел на векторы преломления силы и их возможное применение с использованием ресурса ведьм, и ведьма не выдержала.

Бабах! Стул упал, а Рогда поднялась. Выглядела ведьмочка сногсшибательно: серебристо-стальное платье обнимало фигурку от груди и до стройных ножек, черные волосы собраны наверху, и только две пряди игриво спускались на плечи, точеный стан перехвачен серебристым пояском, в тон к нему шли длинные серьги и кольцо. В общем, два имеющих на террасе официанта, и так бросавшие на Рогду плотоядные взгляды, попросту попадали. В буквальном смысле: засмотрелись и споткнулись. Зато эльф отреагировал лишь изумленно вздернутой бровью, в остальном же ему явно было все равно.

– Хватит! – прошипела Рогнеда. – Меня сейчас интересует только один вопрос: вы зачем меня пригласили?!

Магистр Эльррис деловито вытер губы, вернул салфетку на место, ей причитающееся, то есть на колени, и вежливо-благожелательно произнес:

– Адептка Рогнеда, я пригласил вас как наиболее склонную к откровенности ведьмочку и выбрал данное заведение, посчитав его достаточно способствующим вашей откровенности. Мне предстоит работать с группой подобных вам ресурсно-восполнимых объектов, и мне

хотелось бы выяснить максимальное количество нюансов и подробностей до начала нашего плодотворного сотрудничества. И я был бы вам благодарен, если бы вы соизволили вести себя прилично.

Рогда молча пнула стул, и тот попросту отлетел. Эльф нахмурился, но то было только начало.

– Так я для тебя ресурсно-восполнимый объект? – прошипела ведьмочка. – Наиболее склонная к откровенности, значит?

Плавным жестом тигрицы-охотницы Рогнеда обошла стол и приблизилась к эльфу. Магистр и глазом не моргнул, а зря...

– Так, значит, от меня вам нужен только ресурс, да? Дарю!

В следующее мгновение она поцеловала эльфа, обхватив его лицо ладонями. Нежно, страстно, так что никто бы не догадался, что занимается она этим впервые в жизни... ну а мы просто знали. И этот поцелуй все затягивался, и эльф, поначалу опешивший, вдруг застонал и попытался ее обнять... Рогда отстранилась в ту же секунду. Выпрямилась, окинула тяжело дышащую жертву насмешливым взглядом, повернулась, так что ошалевший магистр словно впервые увидел, насколько прекрасно ведьма сложена, после чего, грациозно покачивая бедрами, удалилась со сцены действия.

Официанты, с трудом поднявшиеся, теперь, не отрывая глаз от Рогнеды, уронили подносы с посудой. Музыканты перестали играть, а сам эльф сидел с безвольно повисшими руками и потрясенно глядел вслед ведьмочке. И только когда на лестнице стих стук каблучков, бедный магистр вспомнил о реальности. Подскочил, крикнул «Рогнеда!» и бросился следом.

Подхихикивая, мы наблюдали за тем, как эльф носится по ресторации, расспрашивая, куда, собственно, делась прекрасная темноволосая девушка в серебристом платье. Ее запомнили все, но сказать, где ведьмочка сейчас, никто не мог.

– Ну и как он? – Рогда подлетела к нам.

– Бегает, тебя ищет, – ответила Баж.

– Пусть побегает, – сурово ответила ведьма. – О, Ярусь, ты уже тут?

– Ага, – я тяжело вздохнула, – и тоже брошенная и одинокая.

– Эту проблему мы решим, обещаю. Теперь живо все ужинать!

Ведьмочки бесшумно вскочили на метлы и помчались к академии.

Прибыв в нашу комнату, я завалилась спать, не реагируя на расспросы возжаждавших утолить голод любопытства ведьмочек. Только бурчала в ответ, что да, в облаках летала, и тыгыдымс полнейший. Потом они о чем-то совещались и благодарили за пирожки, но я уже спала.

– Сегодня нас ждет потрясающий день! – громко хлопнув дверью, сообщила возвратившаяся откуда-то Рогда. – Ведьмы, подъем!

Бажена, Милолика, Святомира и Любава вскочили первые, рванули в разных направлениях, и мы поняли, что можем еще поспать – ванне плотно заняты.

Но тут появилась тетя Матрена, все пространство наполнилось запахом какао и манной каши с ванилью, и мы повскакивали, прежде чем домовая все это водрузила на стол.

Сонные, заспанные, с вклокоченными волосами и в ночных рубашках, мы торопливо расселись вокруг стола и приступили к завтраку.

– Ух вы мои хорошие, друженькие, мстительные, – приговаривала тетя Матрена, накладывая каждой каши, по вкусу напоминающей крем, вот умеет домовая манку готовить. – А уж выдумщицы-то.

– Тетя Матрена, – сурово произнесла Рогнеда, – вы обещали Верховной не ябедничать!

– Ох, Рогнедушка, – домовая укоризненно головой покачала, – я-то не скажу, но неужто на эльфа приворотная магия подействует? Да и надо ли?

– В смысле? – Рогда, уже одетая и причесанная, села за стол.

– Ты на себя-то посмотри, Рогнедушка, никакое зелье ему не понадобится.

– Да? – ведьмочка нахмурилась. – Зря, что ли, я полночи личную жизнь Ярославы устраивала да приворотное зелье варила?

Я подавилась, закашлялась. Варвара участливо по спине постучала.

– Эй! – начала я.

– А ты вообще молчи, – грубовато оборвала меня Рогда.

– В смысле? – не поняла я.

Ведьма молча встала, прошла к моей кровати, взяла подушку и молча продемонстрировала всем, но мне в первую очередь, внушительное мокрое пятно.

– Ярослава, ты моя подруга и ты... меня на полтора года младше! – ответственно заявила Рогда. – И потому как старшая в нашей группе и как человек, которому небезразлична судьба подруги, твоей личной жизнью я займусь лично! Я все сказала и можно обойтись без благодарностей.

Какие благодарности, Рогда как никогда была близка к получению этой самой подушкой по своей наглой рожице!

– Тетя Матрена, – свирепый взгляд разгневанной ведьмы Рогнеда

игнорировала, – а почему вы решили, что мне приворотное зелье не понадобится, а?

– Поверь мне, Рогнедушка, – домовая хитро улыбнулась, – мы, маленький народ, видим и знаем больше, плюс у меня опыт жизненный не твоих-то двадцати лет, а полных двухсот сорока. Послушай мудрого совета – ты сейчас и не смотри в его сторону. А еще лучше на его глазах другим вольности позволь. Эльфы, Рогнеда, они только с виду ледяные, на самом деле внутри такое пламя горит – драконы позавидовать могут.

– Да безразлична я ему, – грустно заметила ведьмочка. – Это у меня при виде него коленки подгибаются да жар по всему телу, а он...

– А он, Рогнедушка, вчера полгорода обыскал, прежде чем ему ректор через привратника передал, что ты уж спишь давно.

– Это от того, что ответственность за меня нес, – на ведьмочку смотреть было жалко – глаза, полные слез, подбородок задрожал, плечи поникли.

– Ох, Рогнедушка, плохо ты эльфов знаешь – была б ты ему безразлична, он бы сразу к ректору приехал да стражу на ноги бы поднял, а сам в гостиницу вернулся, так как разум в таких ситуациях говорит, что стражи с данным делом справятся быстрее и лучше. Ну а коли у эльфа разум отключается, значит, сердечко его уже пламенем охвачено.

Рогда взглянула на домовую с такой надеждой в глазах, что сразу стало понятно: сама-то ведьма уж горит в пламени любви, и костер только сильнее разгорается.

– Ладно, тетя Матрена, сделаю по-вашему.

И все вернулись к завтраку... кроме меня.

– Рогнедушка, свет мой, – начала я, рукава закатывая.

– Ярослава, как реветь в подушку по ночам перестанешь, так и поговорим. А сейчас всем поторапливаться, скоро звонок.

Когда покидали комнату и спешили на первую лекцию, я шла позади Рогнеды и откровенно прожигала взглядом ее прямую спину. Поймаю и прибью! Ведьма проклятая! Жизнь она мою устраивать будет, как же! Знаю я ее методы. Однажды у меня на базаре чулок потерялся. Просто мы обуви столько перемерили, что, когда в каком-то сапоге чулок остался, я и не заметила. Обнаружила пропажу в пятом или шестом магазине, когда сняла едва купленные брюки, чтоб новые примерить. И вот Рогда и говорит: «Ярослава, ты не переживай, сейчас все найдем!». И не то чтобы я согласие дала, просто меня ж никто не спрашивал! Рогнеда за руку взяла, потащила на сцену, что в центре рынка располагалась, шикнув на бродячих

артистов. Я даже в тот момент, когда мы оказались перед толпой зевак и горожан, еще не понимала, как сильно попала. Я это поняла, когда Рогнеда завопила: «Люди добрые, вот у этой девушки с ноги чулок пропал. Вот такой, – мою юбку нагло задрали до колена, продемонстрировав оставшийся чулок. – Кто его видел? Будем очень благодарны за обнаруженную пропажу!» Как я тогда со стыда не сгорела, сама не понимаю. Чулок у меня с тех пор в избытке! Мне было пятнадцать, сейчас восемнадцать, а пользуюсь еще теми самыми запасами. А все почему? Добросердечный народ начал нести нам чулки! Несли в основном мужики, причем просили показать тот оставшийся, понимали, что у спешно купленных в магазинчике рядышком другой рисунок, но мне новую пару все равно дарили. Набрался целый ворох чулочков, и нам бы уйти, и я даже об этом очень просила, но Рогнеда упрямо на своем стояла, решив, что нужен именно тот самый. Меня спас продавец обувного магазина, который отыскал мой чулочек, да еще и презентовал смущенной и покрасневшей от стыда девушке, то есть опять же мне, эльфийские сапожки. С тех пор я больше никогда не ходила с Рогдой на рынки и по магазинам. Ни маме, ни бабушке, ни даже Верховной я ту историю рассказать не решилась. Так вот, зная методы Рогнеды, я даже представить себе боялась то, на что сумасбродная ведьма может пойти сейчас. Хотя... если честно, была абсолютно уверена, что хуже, чем на рынке, быть не может.

Когда мы спустились в холл на первом этаже, я с ужасом поняла, что хуже быть может. Более того – рынок оказался еще цветочками!

Доски объявлений ей было мало – Рогнеда использовала всю стену над оной. На стене находился огромный плакат, причем явно рисовала его ведьма на полу. Как на стену цепляла, даже представить страшно, впрочем, на метле Рогда и не такие кульбиты выделывала. Так вот, на плакате красовалась картина, изображавшая меня. Сходство наличествовало, ну а для всех недогадливых над портретом сверкала надпись: «Ведьмочка Ярослава, моя лучшая подруга».

Под портретом была надпись еще лучше: «Эта замечательная ведьмочка в настоящее время является несчастной, одинокой и всеми покинутой. В ее прошлом несчастная безответная любовь, брошенный жених и разочарование в мужчинах. В ее настоящем – печаль и одиночество. В ее будущем можешь быть ТЫ!»

Ниже была надпись чуть помельче: «Требования к тебе, потенциальный возлюбленный».

Еще ниже располагался собственно список требований. Даже отсюда было прекрасно видно, что там не менее ста пунктов! То есть там было

больше, но остальную часть списка требований закрывали от нас обступившие стену студиясы. Адептов у стены собралось много, магов шестьдесят – и только парни.

Ну а потом нас заметили, и все стремительно начали к нам оборачиваться.

– Рогда, – негромко позвала я, – сейчас ты умрешь!

Я передала единую ученическую тетрадь Варваре и начала расстегивать рукава, в стремлении их подвернуть, чтобы в процессе не мешали. Но в это время какой-то адепт громко прочитал:

– Первый пункт требований – «Ты не Инар».

– Ты умрешь мучительно, – добавила вконец опозоренная я.

Ничего не понимающая, Рогда торжествующе заявила:

– Вот видишь, какая я умница. Сейчас желающих быстренько обработаем, у меня с собой опросник заготовлен, и к тебе попадут отобранные мной единицы. Ярослава, клянусь, я отберу лучших из лучших.

А я смотрела на подругу и думала, что худшего момента в моей жизни еще не было. Ну, с другой стороны, я теперь точно знаю, что хуже уже и не будет...

Я в очередной раз ошиблась.

– Адепт Арканэ, очень рады вашему возвращению. Мне было бы жаль потерять столь оригинальный дипломный проект, как ваш, – радостно вещал шедший из бокового коридора Ваэдан Шмидкович.

Я взмолилась Богине Вседержительнице о том, чтобы это был какой-то другой адепт Арканэ, но богиня то ли не услышала, то ли Инар у нее имелся только в одном экземпляре. В общем, рядом с ректором находился именно он. И в холле они появились одновременно. И творящееся тут безобразие узрели также одновременно.

– Одно радуется, – убитым голосом прошептала я, – вот теперь уже точно хуже быть не может!

На этот раз я была права!

И это единственный положительный момент в происходящем. Потому что все остальное меня совсем не радовало: ни взгляд Инара, пристальный такой, направленный на меня, ни его же взгляд на творчество Рогнеды, ни толпа, перед ним расступившаяся и позволившая все прочесть... включая первый пункт.

Моим единственным желанием было побежать в комнату и еще пореветь в подушку, но тут проснулся во мне «орель»! Взмахнул крыльями, и я, забрав перо из тетради, потопала к стене, которая меня основательно так позорила.

Адепты молча расступались перед решительной мной. А Инар все еще читал. Я постояла рядом, но пунктов было много, а адепту Арканэ они, видимо, были интересны. «Орель» в очередной раз напомнил о своем пробуждении, и я молча отодвинула мага в сторону, старательно игнорируя желание не разрывать этого прикосновения, осторожно сорвала список требований, свернула весомый свиток в трубочку и передала Инару.

– На, – говорю, – если он тебе так нравится. Прочтешь на досуге.

После чего под надписью ««Требования к тебе, потенциальный возлюбленный» размашисто написала: «Единственное требование – ТЫ НЕ МАГ!»

Позади слышались возгласы, кто-то нахально заявлял, что первый список требований их больше устраивал.

Однако открыто высказаться решил все тот же Инар:

– С чего бы это такая дискредитация магов? – елеиным голосом спросил он.

– Жизненный опыт, – милым голосом ответила я.

– А-а-а, – издевательски протянул маг, после чего демонстративно повернулся к стене и зачитал: – «Эта замечательная ведьмочка в настоящее время является несчастной, одинокой и всеми покинутой. В ее прошлом несчастная безответная любовь, брошенный жених и разочарование в мужчинах». Безответная любовь, значит...

«Орель» откровенно спас, ибо сама я была не способна так нагло, громко и трагично заявить:

– Увы, Ташши меня бросил! – после чего взяла из кармана ошалевшего Инара платок, демонстративно вытерла сухие глаза и нос, засунула платок обратно и не менее драматически добавила: – Теперь страдаю, рыдаю по ночам в подушку и все жду... может, вернется ко мне, горемычной!

И, развернувшись, я покинула дезориентированное общество магов. Дошла до ведьмочек, забрала свою единую ученическую тетрадь и скомандовала:

– За мной!

Рогде пришлось топтать рядом с Варей.

* * *

Первая лекция у нас была с профессором Лорски, которая вела для нас дополнительный курс «Лечебные травы Приграничья», а потому в аудитории мы остались одни. Я молча прошла к своему месту, открыла

ученическую тетрадь и, поранив палец кольцом, запечатала доступ Рогнеды к собственному дневнику. Говорить с ней у меня не имелось никакого желания, убивать хотелось, но сил не было. К счастью, девочки высказались за меня.

– Рогда, ты дура! – начала Бажена. – Нет, я всегда знала, что ты немного не в себе, но чтобы настолько...

– Это ни в какие ворота, – Милолика бабахнула тетрадью по столу.

– Головой иногда думай, – Белинда обычно в разборки не лезла, но сейчас не удержалась.

– Безголовая, – Святомира тоже молчать не собиралась.

А я не хотела разборок и тихо спросила:

– Кстати, а где Ташши?

– Уехал с дядей на границу, – Варвара села рядом, – вернутся через пару месяцев.

– Хоть в чем-то повезло, – устало сказала я. – А сейчас ругаться перестали и сели все по местам. До Рогды, надеюсь, и так дойдет, а если нет, то и говорить нечего. Только ты, Рогнеда, вот представь себе хоть на секундочку, что там не мой портрет висит, а твой! И эльф твой все это читает. – На ведьму я и не смотрела, говорила, не поднимая глаз, да и видеть я ее сейчас не могла. – И еще, Рогда, не смей больше вмешиваться в мою жизнь!

Затем спокойно открыла тетрадь и начала читать все записи за прошлый урок. Тут в двери постучали, кто-то вошел и от чтения меня отвлекла фраза:

– Ярослава, тебя можно на минуточку?

Вскинув голову, увидела встревоженный взгляд Аниаса и, собственно, его самого.

– Меня всегда можно, – грустно ответила я и пошла к магу.

Выходила к нему, все так же старательно не глядя на Рогнеду. В коридоре меня ждали семь магов. И знакомые все лица, странно, что «контора» без предводителя.

– Яра, – произнес заклинатель Рес, – то безобразие, что в холле про тебя... оно тебе дорого?

– Нет, – призналась я.

– Вот и чудненько, – сказал Аниас.

Маги повернулись и утопали в направлении холла.

Решив полюбопытствовать, я пошла следом. Попала аккурат к эпическому моменту, когда Аниас и еще один боевой маг спалили к чертям всю самостоятельность Рогды. Да так, что на стене и следа не

осталось. Уж думала пойти сказать спасибо, как в рядах наличествующих тут адептов послышался голос какой-то магини:

– Ну вот, лишили нас такого славного развлечения... Придется развлекаться за счет ведьмочки...

Я решила вмешаться, но, как выяснилось, у меня было целых семь защитников.

– Вэлиан, – произнес Аниас, – да и остальных это также касается – тронете Ярославу, будете иметь дело со мной.

– С нами, – подтвердил еще один из магов.

– Ого, – отозвалась все та же наглая магиня, – вот она, любовь, что с парнями делает! Не много ли чести для ведьмы-недоучки?

Что там было дальше, я не разглядела. Стену-то я хорошо видела, а то, что было справа от прохода, нет. И высовываться желания не имела никакого. Так что мое любопытство стоически пережило какой-то взрыв, гул, а затем и рев пламени. После чего послышался голос Аниаса:

– Эта ведьмочка дважды спасла мою жизнь, рискуя своей. И я хожу, дышу и говорю с тобой, Вэл, благодаря ее самоотверженности и профессионализму. Мне плевать, ведьма она или нет, потому что Ярослава – это человек, которому в любой момент можно доверить прикрывать спину. Она не подведет. И, в отличие от тебя, не будет верещать: «Ах, я боюсь крови!» и падать в обморок.

– Это было только один раз! – прошипела магиня.

– Доверие завоевывается годами, а теряется в один миг, – отрезал Рес. – И я подпишусь под каждым словом Аниаса, Ярослава и мою жизнь спасла. И если у кого-то есть претензии к этой ведьмочке, обсудите их с нами!

Медленно развернувшись в направлении аудитории, я начала составлять мысленный план благодарности парням. Среди пунктов значилось: пирожки, лично приготовленный борщик и пузырьки с восстанавливающим энергией зельем.

И тут шум, поднявшийся в холле, перекрыл голос Инара:

– Аниас, я бы на твоём месте насчет Ярославы не обольщался, она из нашего спасения хорошо так выгоду извлекла!

Мой «орель» после услышанного не просто проснулся или крылья распахнул, мой «орель», игнорируя звонок, оповещающий о начале лекций, бросился в бой, едва этот самый звонок стих.

И мне уже было все равно, что с моим появлением адепты не удалились грызть гранит науки и остались следить за развитием событий.

Практически влетев в толпу магов, я стремительно подошла к Инару, который за моим приближением следил вполоборота, остановилась напротив него и, сложив руки на груди, едва сдерживая ярость, спросила:

– И какую же выгоду, Инар, я извлекла из твоего спасения?! Хотелось бы узнать ответ на данный вопрос!

В холле стало так тихо, что я слышала, как бьется мое собственное сердце.

– Ярослава, – Аниас подошел, обнял за плечи, попытался отодвинуть от Инара, – Ярослава, он немного не в себе. Не обращай внимания.

Мне хотелось сейчас просто зарычать на Аниаса, но я сдержалась, обернулась к нему, улыбнулась и сказала:

– Не переживай, все хорошо. Только я не терплю, когда так нагло врут!

– То есть я лгун? – лениво переспросил Инар.

И Аниас был забыт. Мое внимание целиком и полностью теперь принадлежало адепту Арканэ. Но и он словно только меня и видел, иначе как объяснить следующую фразу:

– Что, Ярусик, память отшибло?

У меня от лица кровь вмиг отхлынула, зубы стиснулись, и весь мир полетел к черту, а «орель» разозлился окончательно.

– Нет, Азарчик, в отличие от некоторых, я все прекрасно помню.

– Тогда к чему вопрос? – прошипел Инар.

– А-а-а, – догадалась я, – так моя корысть в том, что твое спасение я использовала, чтобы отказаться от помолвки с твоим дорогим кузеном?

В ответ – тишина, но меня уже понесло:

– Ну прости, дорогой, что не желала выйти замуж за мужчину только потому, что мой дед кому-то чего-то пообещал! И кстати, я понятия не имела, что вы родственники! Да и откуда мне было знать?!

На лице темноволосого мага промелькнуло растерянное выражение, потом задумчивость, а потом...

– Ты не знала?! – прошептал Инар.

– НЕТ!!! – проорала я во все свое ведьминское горло. – Все, что я о нем знала, это то, что с пяти лет была помолвлена. Ни имени, ни положения, ни его лица – я ничего не ведала!

Маг снова молчал, и тогда я продолжила:

– Я не вышла бы за него замуж в любом случае, просто факт твоего спасения сделал мой отказ... легальным. – Говорить о кровной мести среди магов было равносильно открытому заявлению: «мы демоны», а это недопустимо.

Инар понял меня, кивнул и спросил:

– Зачем ты меня обманула?!

И наступил мой черед молчать. Правда, у меня при этом еще и рот то открывался, то закрывался, а маг продолжил:

– Зачем?!

Нет, я, конечно, понимала, что речь идет о моем демоническом происхождении, только суть в том, что:

– Я тебе не лгала! Ни единым словом! Я ведьма, никакой магии у меня нет, я просто ведьма и я только ведьма! И в, отличие от некоторых, я изначально не строила в отношении твоей персоны никаких корыстных планов!

Инар хмыкнул и глухо спросил:

– Я действительно должен верить тебе, Ярусь?

У меня от ярости перед глазами на миг потемнело, и я с трудом прошипела:

– Не смей меня так называть!

На лице Инара промелькнула невероятно ехидная улыбочка, и, чуть склонившись, он произнес:

– Ярусик!

Я от злости чуть не запрыгала, как Бажена, и почти заорала:

– Я тебе не «Ярусик»!

А он наклонился еще ниже и, почти касаясь носом кончика моего носа, довольно громко добавил:

– Яренок!

– Еще раз – и ты сильно пожалеешь! – угрожающе проговорила я.

Мне ухмыльнулись в лицо, затем последовало:

– Ярусь, Ярусичка, Ярусенок, Ярусеночек, Ярусик!

И у меня сорвало крышу! Сжав кулаки, я бросилась на обидчика, как поступала в далеком детстве, когда кто-то из деревенских «доставал конкретно». Вот только... это была не деревня и не дети. Инар увернулся от первого удара, второй в живот пропустил, но тут же перехватил мою левую ладонь, а затем и правую, но я от всей широкой ведьминской души врезала ему каблуком по ноге. Простонал, но из захвата не выпустил, а в следующую секунду подхватил и... опять приложил к стенке, одновременно фиксируя мои запястья, которые тоже прижал к стене, над моей же головой.

Я зашипела, попыталась вырваться, но Инар держал крепко, хоть и не причиняя боли. Просто держал, молча и неотвратимо, как скала. Это и бесило. А еще бесило кое-что другое.

– А знаешь, что тебя злит больше всего? – заорала я, прекратив

вырываться.

– Что? – глухо отозвался маг.

– Тот факт, что ты не можешь обвинить меня в случившемся! Моей вины нет ни в чем, Инар, и ты это прекрасно знаешь!

В следующую секунду меня отпустили. Инар отошел на шаг, и в этот момент взгляд его был направлен в пол, а на меня он старался не смотреть. И все же взял себя в руки, поднял голову, и темные глаза пристально уставились на меня. А затем он с трудом и явным нежеланием произнес:

– Больше всего меня злит то, что ты предпочла разорвать помолвку с Рангаром, используя факт моего спасения... в то время как семья Арканэ внесла предложение о моей кандидатуре в качестве супруга.

И вдруг вся его сдержанность и холодность испарились в одно мгновение, и маг налетел на меня, вновь прижал к стене, затем поцеловал... но почти сразу отстранился и прошептал у самых моих губ и только для меня:

– Ты действительно человек, Ярусь, только человек... тебе никогда не испытать дикой, невыносимой боли от печати Повелителя, которая вторгается в твоё тело, выжигая магию крови, потому что одна вздорная ведьма плевать хотела на чувства какого-то там демона! – Его губы скользнули по моей щеке, и он едва слышно продолжил: – Но если ты хочешь знать, что меня злит... действительно злит, я тебе отвечу – печать не подействовала! Я все еще схожу с ума от одного твоего присутствия, и это меня бесит!

В следующее мгновение меня отпустили. Инар, словно ничего и не произошло, преспокойно выхватил свой рюкзак из рук какого-то ошалевшего от увиденного адепта и направился, судя по всему, на лекцию. И все бы ничего, я была готова понять и переварить все услышанное, я сильная, справилась бы, но тут маг полуобернулся и весьма громко произнес:

– И в свете последних фактов, Ярусь, должен тебе сообщить – мы поженимся после выпускного. Хочешь ты того или нет.

Адепты, и так хранившие потрясенное молчание, после этих слов попросту остоленели.

И «орель», обалдевший в свете столь обильных фактов, решил трепыхнуться напоследок:

– Маг, ты реально надеешься, что я себе никого получше здесь не найду? – громко, язвительно и не скрывая злости спросила я. – И знаешь что я тебе еще скажу? Я настоящей любви хочу! Настоящей, слышишь... а не вот этой твоей... магической и фальшивой! И будь уверен, я найду

того, кто меня действительно полюбит! По-настоящему!

Инар, который уже успел даже подняться на пару ступенек, демонстративно дал задний ход, спиной спустился обратно, развернулся и, не обращая внимания на всю ту толпу, что продолжала внимать каждому нашему слову, насмешливо произнес:

– Я не надеюсь, Ярусь, я со всей ответственностью могу гарантировать, что ты даже партнера по танцам себе не найдешь, не то что любимого! У тебя буду я, Ярусь, я и только я. И ты меня полюбишь, ведьмочка. Хочешь ты того или нет!

«Орель» взбесился.

– А вот хрен тебе! – гордо заявила я.

На лице Инара появилась милая-премилая улыбочка, и он произнес:

– А давай так, Ярусь. Если ты танцуешь последний танец на выпускном со мной, ты моя, а если нет, ведьмочка, так и быть, отпущу на все четыре стороны.

– Это пари? – почему-то спросила я.

– Именно! И свидетелей у нас видишь как много!

Я усмехнулась – мужчины, они прямые, как палка. Я могу вообще не пойти на этот бал, могу отказаться танцевать, могу сбежать за три танца до собственно последнего, даже партнеров могу подобрать себе сколько угодно! Но главное – я утру нос этому ироду плешивому на глазах у всей академии... и самое важное – как раз к выпускному успею разлюбить. В общем, я от этого пари ничего не теряю, так что... Стоп! Я и не приобретаю ничего. «Орель» решительно вскинул голову и задал вопрос:

– Если я танцую последний танец на выпускном с тобой, ты выиграл. Но если выигрываю я, что я получаю? Да ничего практически. Так какой мне смысл соглашаться?

Инар задумался, чуть склонил голову к левому плечу и после недолгих размышлений произнес:

– Я не трогаю ни тебя, ни ведьмочек до конца года.

– И все?!

– Хорошо, я гарантирую, что вас никто не трогает и... не использует.

– Идет!

На лице Инара появилась такая коварная улыбка, что эта вся затея показалась мне ненормальной и глупой, каковой она на самом деле и являлась. А маг неторопливо подошел и протянул мне руку. Сдерживая внутреннюю дрожь, я протянула ему свою... Инар схватил мою ладонь, сжал, дернул на себя, и я практически упала в его объятия. Именно этого он и ждал, потому как в следующую секунду меня стремительно поцеловали

и насмешливо заявили:

– Ты проиграла, Ярусь! Ты уже проиграла!

Когда он уходил, я все еще стояла и растерянно смотрела ему вслед. Когда появились несколько профессоров и они высказали адептам все, что думают по поводу опоздания на лекции, я также не двигалась с места.

Но вот когда все наконец разошлись... до меня вдруг дошло!

Я торопливо прошла по коридору, ворвалась в аудиторию и, проигнорировав профессора Лорски, с ходу заявила Рогнеде:

– Я тебя прощаю!

– Правда? – ведьмочка, у которой уже были красные глаза и распухший нос, посмотрела на меня с надеждой. Потом вдруг задумалась, достала платок, высморкалась и привычным командным тоном спросила: – А почему?

– Рогда, – трагически прошептала я, – потому что я еще большая дура, чем ты!

Все ведьмочки удивленно смотрели на меня, я и сама бы на себя сейчас посмотрела, если честно!

– Адептка Ярослава, – прозвучал голос магианны профессора, – я рада, что вы не лишены изрядной доли самокритичности, но сейчас будьте так любезны, займите свое место.

Я покраснела, глухо извинилась и торопливо прошмыгнула за парту. Всю лекцию меня долбал мой «орель», пытаюсь донести, что он птица не только гордая, но еще и умная... в отличие от меня. К концу занятия я приняла решение молчать, как партизан на допросе, потому что было банально стыдно...

* * *

К счастью, далее день выдался напряженный, два семинара по боевым магическим плетениям и лекция «Смертельные проклятия: виды, применение, защита», и девчонки до меня добрались только во время обеда.

– Ой, я вся такая голодная, – торопливо садясь за обеденный стол, выдала я, пытаюсь избежать расспросов.

И тут произошло следующее.

– Рогнеда, Ярослава – ведьмы безголовые! – заявила тетя Матрена, водрузив на стол казанок с супом. Грибным, судя по запаху.

Мы с Рогдой сразу схватили ложки, потому как у домовых закон – «За

столом только о хорошем!»

Нам с Рогдой первым налили супчика. Сидим мы, ложками активно работаем и переглядываемся. Нет, я на Рогнеду все еще злая, но перед лицом общей опасности решено было отложить разногласия.

– Нужно в библиотеку, – не глядя на домовую, сказала я.

– Я с тобой, – ответственно заявила Рогнеда.

И не доев, мы разом поднялись.

– Сидеть, – скомандовала тетя Матрена. – Вот когда все съешь, Ярослава, ты уделишь время мне! А для тебя, Рогнедушка, добрых слов у меня нет, одни ругательные-то! И как удумала, а? Мало Ярославе позора было, так еще ты добавила-то! И чем только думала, Таран ты наш!

Я вернулась к супу, он был вкусный, и ругали не меня, что приятно.

Но тут домовая совершенно сменила тон и ласково произнесла:

– Яринушка, краса моя ненаглядная, твой любимый приходил.

За столом у еще одной ведьмочки, кроме Рогнеды, пропал аппетит, но по совсем другому поводу. Ярина сидела раскрасневшаяся, румянощекая, глазки в пол, а на лице улыбка такая счастливая.

– Просил передать на словах, что его срочно к границе отзывают. – Ярина побелела и теперь смотрела исключительно на домовую. – Да не волнуйся ты так, – Матрена руками всплеснула, – ничего с ним не сделается-то, там главный наш.

Это да, успокаивает.

– Просил тебя платье свадебное присмотреть, да себя беречь пуще зеницы ока, уж он с ректором лично переговорил, но и тебя просил быть осторожной. Да что я все на словах, да на словах, письмецо тебе настрочил, под подушку поклала.

Ярина птицей вспорхнула из-за стола, молнией к своей кровати помчалась. Письмо было прижато к груди, потом зацеловано. Оно слегка подмокло, потому что какая ж любовь без слез, ну а после всего несчастный конверт наконец вскрыли. Опять порыдали, зацеловали и только после принялись читать.

– Какая любовь, – простонала Бажена.

– От такого счастья и помереть не страшно, – мечтательно протянула Любава.

– Щас получишь у меня, – грозно пообещала тетя Матрена.

Яринка в очередной раз поцеловала строки письма и, глядя на нас, спросила:

– Девочки, а кто со мной по магазинам пройдет, надо бы платье свадебное подобрать?

– Все, – разом ответили мы и рассмеялись.

А тетя Матрена заторопилась на кухню, вернулась, неся корзинку.

– Ну-ка, – говорит, – собирайтесь, одевайтесь да ступайте на двор, прогуляйтесь перед лекциями, свежий воздух вам нужен. Живо собирайтесь, а ты, Ярослава, останешься! Поговорим...

Уныло ковыряя булочку, которую поставили передо мной, в то время как ведьмочкам дали булок с собой, я смотрела, как девчонки, бросая на меня сочувственно-любопытные взгляды, покидают комнату. Потом мне налили чаю. И вот сижу я, чай прихлебываю и жду.

– Учудила ты, Ярослава, – сказала домовая, напротив меня присаживаясь.

– Угу, – а сама чашку с чаем разглядываю.

– И додумалась же – спорить с демоном!

– Угу.

– Ты мне вот что скажи, Ярославушка, ты хоть одного демона знаешь, который бы спор проиграл?

До меня дошло, и чаем я подавилась. Долго откашливалась, а тетя Матрена продолжает:

– Ну-ка напости мне, как твой дед бабушку в брачные сети-то заманил?

– Эм... – Нет, я, конечно, помнила рассказанную бабулей версию, но, значительно повзрослев, поняла, что легенда, внесенная в семейные анналы, отличается от реальных событий.

– Поспорили они! – оправдала мои худшие ожидания домовая. – Дед твой с дедом твоего жениха бывшего схватился не на жизнь, а на смерть, едва выжил, да и то потому, что одна юная ведьма, только-только прибывшая на место назначения, решила вызвать демона. Так просто, из любопытства. В школе-то нельзя, а кровь у нее горячая, силушка молодецкая, удаль... таку бы удаль да богатырю какому. Все чин чин – в лес пошла, полянку нашла, пентаграмму нарисовала, свечи расставила и в самый ведьмин час давай призывать демона. И призвала... на свою голову. А он древний, раненый, да от ярости, что вырвали его в момент ритуальной схватки, едва не порвал ее на части. А может, и порвал бы, да только в ведьме профессиональное стремление помогать проснулось. И вот он контур-то изломал, на ведьму бросился, а Всеслава ему: «Да у вас же артериальное кровоотечение!» И кинулась спасать жизнь демонову. Бедный твой дед меньше всего такого ожидал, а помощь-то ему и вправду нужна была. С трудом его Всеслава до избы довела, на собственную кровать уложила, да и выхаживала. Долго выхаживала, едва спасла. И то потому как

дух в ней экспериментаторский всегда был – сама зелье восстанавливающее придумала, сама ингредиенты отмеряла, да и отпоила демона-то. Вот так оно и было. А он лежит, все ведьмой любит. Чует мое сердце, что так долго болезного-то изображал, чтобы к ней поближе быть. И вот настал срок, и в один вечер демон ей и говорит: «Всеславушка, свет очей моих, выходи за меня замуж, я для тебя все что хочешь сделаю!»

– Ух ты... красиво, – восторженно произнесла я.

– Да что ты? – домовая усмехнулась. – Ты деда своего в истинном облике видела?

И тут вместо нарисованного воображением образа – красивый импозантный мужчина перед бабулей на коленях стоит – представилось, как рогатый дед поднялся на копыта и над ведьмой нависает.

– Ой...

– В том-то и дело, что ой. Всеслава его как демона воспринимала, то есть как чудище, хоть и разумное, а тут такое предложение. Посмеялась, конечно, начала ему про видовую несовместимость лекции рассказывать, да о том, что рогатых с детства не любит... с быками они у нее ассоциируются.

Да-а-а, посмеяться над демоновой гордостью, над рогами, которые лелеют и берегут, ибо они показатель статуса и силы, это да-а-а... хотя бабуля может.

– И выжила же, – протянула я.

– А то! Демон-то осерчал, из избушки вылетел, да и исчез в небе. А Всеславушка ходит по дому, вроде и избавилась от болезного, на душе полегчать должно, все же выходила, вылечила, а не на месте сердечко. Все чего-то не хватает ей. И бесед задушевных, и шуток веселых, и тепла сердешного. Вот так и поняла, что посмеялась не над демоном, а над собой. А спустя пару дней-то шла по лесу да нашла мужчину – избитого, израненного. Да удивлялась долго – тропы-то нехоженые, откуда он здесь? И одет богато, и выглядит солидно. В деревню сбегала, селян позвала, они и сподобились помочь. И опять ведьме пришлось больного выхаживать. И не то чтобы много ран на нем, но как-то долго он силушки набирался. Да как в себя пришел, все с ведьмой разговоры заводить начал: о том, кого любит, кто нравится, почему не замужем. А глазищи черные все за ведьмой следят, не отрываются. Всеслава ему отвечает, а сама диву дается – будто видит демона, голос не его, но словно рокотом в отдалении слышится. И этот ей понравился, да и за демоном сердечко-то болит. Не выдержала ведьма, как уснул больной, потихоньку собралась, и в лес. На ту же самую полянку, ту же пентаграмму нарисовала, да и давай демона вызывать. А тут

демон к ней и подходит – со спины! И ласково так: «Соскучилась по мне, Всеславушка?» А она ему: «Соскучилась я по речам твоим, да по говору, да узнать хотела, как себя чувствуешь». А он ей: «Плохо мне, Всеславушка, сердце у меня болит... а ты себе в дом мужика другого привела!» И не вышло у них разговора, так поругались, что демон пару деревьев изломал, да как заорет на ведьму: «Нечего тебе тут по ночам шастать! Ладно, сейчас я встретился, а коли кто другой? А ну живо домой!» Ведьма-то в слезах вся и убежала. А уж за порогом ее ждали, и обняли, и успокоили, и поцеловали так жарко, что растаяло сердце ведьминское. Да как до постели дошли, тут ведьма и повинулась, что полюбила-де чудище рогатое да с копытами и, кажется, жить без него не может, а он... еще и с хвостом. А мужик ей ласково так: «С этим хвостом-то?»

Попыталась представить себе ситуацию. Покраснела да спрашиваю:

– Это он какой хвост-то имел в виду?

Тетя Матрена чуть со стула не упала.

– Вот она, молодежь современная! Да хвост он ей показал – свой, демонский!

– Ситуация все еще не обрела ясность, – честно призналась я.

– Тьфу на тебя, Ярославка! О чем только думаешь? В общем, так ведьма и поняла, кого в избушке привечала.

– И как дед, выжил? – задумчиво спросила я.

– Живой же, – Матрена снова села, да и продолжила: – Но осерчала ведьма страшно... утром. Да только сердце-то ее уже давно о демоне пело, так что помирились быстро. И начали встречаться. Уж Всеславушка в лес, он рядом. Она домой, он в дом, и хорошо им было, да дед твой демон не из простых, и с человеческой девушкой ему встречаться не то чтобы зазорно – не позволительно... Другая на роль жены имелась. Всеслава о том проведала, да и решительно запретила ему на глаза ей появляться. Гордые ведьмы-то.

– А как узнала? – вот оно, ведьминское любопытство.

– Да явилась к ней нареченная-то его, полдеревни разнесла.

– У-у-у...

– Вот-вот. А демон-то все выслушал и говорит ей: «Откажусь я от свадьбы». Всеслава на деревню глядит, сама плачет, жалко ей людей-то, да и говорит: «Ты, Аристианушка, живи в своем мире-государстве, а я буду жить в своем. И больше мне на глаза не показывайся!» Демон-то крылом махнул – вмиг все дома стали как прежде, а то и краше прежнего, и так ей говорит: «А если она от меня сама откажется, выйдешь за меня?» Рассмеялась ведьма, да грусти в том смехе больше, чем веселья. «Не

откажется она от тебя, милый, – говорит Всеславушка, – любит она тебя... я-то точно знаю». Демон подумал и говорит: «Спорим, месяца не пройдет, как Нарита сама сбежит да за другого замуж пойдет!» «Да быть такого не может!» – отвечает ведьма. Но поспорили. А спор с демоном, он особое свойство имеет – демон власть обретает, ауру свою сплетает с аурой поспорившего, и уплаты долга уже не избежишь. И вот что скажу я тебе, Ярославушка, месяца не прошло, как та самая демоница из Дарранта сбежала да за человека замуж пошла! Тут уж и дед твой к Всеславе явился, да не просто так – за ней прилетел. И не отвертишься уж – коли слово демону дала, он свое с тебя требует! Теперь понимаешь, о чем толкую-то?

– Неа. – Мое воображение другой вопрос занимал. Нариту упоминал Повелитель, и я так поняла, что это мать Инара, но... то ли она повторно замуж вышла, то ли... понять не могу ничего! – Тетя Матрена, а у Инара какое происхождение?

– Не о том ты, Ярослава, думаешь, – укоризненно сказала Матрена. – Да и не ведаю я.

– Да? – я хитро прищурилась. – А о том, что жених-то у меня уже бывший, откуда ведаешь?

– Так лукошко твое Всеславе Ильинишне на рассвете и вернула. Грибочки-то для супа от нее. Правда... стучаться долго пришлось, но уж как достучалась, все новости узнала-выведала. И про тебя, и про помолвку, и про деда. Уж думала похвалить-то, а тут гномики прибежали, да о дурости твоей чин чином и доложили! И удумала же – спорить с демоном! Да еще и с тем, в ком кровь-то древняя проснулась!

Сижу я, о своем думаю. О том, что вернулся Инар... О том, что не любит и скорее все его слова, вообще спор – это месть такая, а демоны они мстительные... И о том, что мне срочно нужно полюбить кого-нибудь другого...

– Вижу я, говорить тут не с кем. Али сама побежишь к нему? – вопрошает тетя Матрена.

– Нет!

– Так я и думала. Иди, Ярослава, погуляй с девочками.

Тут я о другом вспомнила. И сидеть осталась, потому как беспокоил меня один момент. А конкретно – в какой степени Инар выполнит свое недавнее обещание: «Хорошо, я гарантирую, что вас никто не трогает и... не использует». Ибо я-то подумала, что он говорит о своих первоначальных планах по подпитке во время каких-то экспериментов, а вот что он в действительности имел в виду?.. В коридоре послышался шум, затем распахнулись двери, и на пороге появились разъяренные ведьмочки...

Кажется, те слова Инара надо воспринимать буквально!

– Ярослав... – протянула Бажена, – а ты нам ничего рассказать не хочешь?

– Нет, – честно призналась я.

– Да неужели? – Милолика... совсем имени сейчас не соответствовала.

– Ты умрешь, – Любава все не унимается.

– Мучительно! – неожиданно поддержала ее Святомира.

И я поняла, что лучше сдаваться с повинной.

– Ладно, – говорю, – рассказывайте...

Видана молча достала свою ученическую тетрадь, открыла последнюю страницу, на которой мы списки кавалеров составляли, и продемонстрировала мне... В списке значилось:

«Ярина – Ринас Девер, боевой маг».

«Бажена – профессор-заклинатель».

И на этом все...

– Ты нас самого дорогого лишила! – заорала скромница Белинда.

– Это она про поклонников, если ты еще не поняла, – пояснила Бажена.

Я молчу, что мне еще остается.

– В течение пятнадцати минут нам различными способами сообщили, что дальнейшее общение невозможно, – отчиталась Рогнеда.

Я представила себе злых ведьмочек, которые остервенело вычеркивают из дневников имена поклонников. Да уж, невесело.

– Простите, – все, что смогла я сказать.

Девчонки расстроились. Причем окончательно...

– И мне сегодня никто цветы не подарит, – Видана всхлипнула.

– Я без конфет останусь, – Цветана всхлипнула еще протяжнее.

– А мне Россин стихи писал, – Василиса заревела.

Рогда была единственной, кто смотрел на меня без злости, хотя именно у нее было самое большое число поклонников.

– Да ладно вам, – решила я разрядить обстановку, – жили же как-то раньше без ухажеров, и ничего...

Баж встала, уперла руки в боки и спросила:

– Ты, Ярослав, нам вот что скажи – тебе сходить к этому вомперу боевому мешает грудь или гордость, а?

Я подумала и ответила:

– Обе!

– Значит, грудь, – Милолика хмуро на оную уставилась.

– Да что за жизнь-то такая! – Людмила подошла к столу, села рядом со

мной и грустно добавила: – Ну и ладно, у каждой уважающей себя ведьмы должен быть один и навсегда... а хорошего понемножку.

На том и порешили. Все быстро собрались и строем потопали на следующее занятие. Тетя Матрена нам умильно платочком махала и, только когда мы в коридор вышли, крикнула:

– Ты уж держи себя в руках, Рогнедушка!

И к чему это было?

* * *

По коридорам, переходам и холлу мы прошли гордо и красиво, как и полагается настоящим ведьмочкам. Перешептывания, указания пальцами и поисковые заклинания были для нас ранее весьма привычным делом... сейчас же этого не было! Маги смотрели, и не более того. Хотя какая-то настороженность присутствовала.

А когда мы проходили мимо потока боевых магов, я не выдержала.

– Прощай, грудь Ярославы, – шепнула мне вслед Бажена.

Я ей кулак показала, гордо прошла мимо имеющегося тут Инара, который стоял у окна в окружении адептов, зато из этого самого окружения вытащила Аниаса и так за руку и увела... к другому окну. И там я парня развернула спиной к его одноклассникам, фактически за его же спину от Инара и спряталась и только тогда позволила себе задать вопрос:

– Какого черта лысого тут происходит?

– Где? – Аниас рассмеялся. – Ярусь...

Наверное, что-то в моем лице изменилось, потому как этим «Ярусь» маг практически подавился и тут же исправился:

– Ярослава, у нас нет лысых, тут же все маги!

Я с сомнением посмотрела на него, так как один лысоватый тут явно имелся.

– Ректор просто неудачно попал под шальное заклятие, – правильно уловив нить моих рассуждений, пояснил Аниас. – Так что ты хотела?

Чуть отогнувшись, я посмотрела на Инара – тот, как выяснилось, следил за нашим общением, а потому заметил мой взгляд и нагло подмигнул. Я спешно вновь скрылась за Аниасом и спросила мага:

– Будь другом, объясни, что происходит? Почему на нас так реагируют?

– А-а-а, ты про то, почему все ведьмы лишились толп поклонников?

– Аниас, твоя сообразительность поражает! – была вынуждена

признать я.

Маг рассмеялся, потом сказал: «Спасибо за комплимент» – и рассмеялся еще громче. Я не удержалась, опять выглянула из-за него и полюбовалась нахмурившейся мордашкой Инара. Мне понравилось! А потому следующей моей фразой было игривое:

– Ты меня смущаешь...

Маг мгновенно распрямился, грудь просто-таки колесом, в глазах смешинки и вопрос такой хитрый:

– Правда?

– Да... – скромно ответила я.

– А Ташши? – тут же последовал вопрос.

Нет, ну что они все про Ташши.

– Он меня... бросил, – черт, врать как-то не особо приятно.

– Не понял, – Аниас удивленно смотрел на меня.

– Сама ничего не понимаю, – я тяжело вздохнула. – Так что с нашими поклонниками?

Так как маг был дезориентирован собственным непониманием, то все же ответил:

– Инар предупредил, что, если заметит хоть один факт подпитки от ведьмочек, разберется лично. Ярослава, а что у тебя с Ташши?

– Да при чем тут Ташши?.. – я задумалась над всей ситуацией. И выводы мне откровенно не нравились. – Аниас, то есть ты хочешь сказать, что... – Перед глазами промелькнула та ночь, когда я тут некоторых отпаивать ходила. – Аниас, то есть все эти алчущие собственно нашего внимания банально подпитаться хотели?

Моему возмущению не было предела! Одним словом, маги!

– Ярусь, – Аниас взял меня за руки, чуть потрянул, – ну чего ты расстроилась? Дело не только в подпитке, ведьмочки все потрясающие, а ты особенно, просто пойми – мужчины любят совмещать приятное с полезным, а тут два в одном... и выпускные экзамены скоро, лишняя энергия никому не помешает, особенно от любимой ведьмочки.

Я ладони вырвала, руки на груди сложила и поняла две вещи: это мерзко, и все маги уроды. Потом поняла и еще кое-что: а быть им всем лысыми! В общем, ведьмы выходят на тропу войны! Нас злить нельзя! «Орель» перестал называть дурой и расправил крылья!

– Хорошо, – я кивнула своим мыслям, – а что, Инар такой страшный, что его все боятся?

Аниас задумался и попытался объяснить:

– Понимаешь, Ярусь... Ярослава, мы, маги, ощущаем изменения

магического фона примерно так, как рыбы ощущают колебания воды. Или даже сильнее. Так вот, сильную магию мы ощущаем словно круги на воде, когда камень бросят. И то сражение между магистром Рханэ и Инаром прочувствовали все. Это такая мощь... ну ты и сама видела. Естественно, в академии даже профессора понимают, что теперь им нечего противопоставить Инару.

У меня с детства был один образ непобедимого героя, о нем и спросила:

- А главный?
- Ты про министра Рханэ? – переспросил Аниас.
- Ну да, про него.
- А почему ты его так странно называешь?

Я пожала плечами, не объяснять же, что привыкла так его называть. Когда он к Верховной приезжал, все, уважительно понизив голос, говорили: «Главный прибыл», а под дверью Верховной начиналось курсирование наостривших ушки ведьм всех возрастов. Не дождавшись ответа, маг произнес:

– Нет, Рханэ если и не сильнее, то опытнее в сотни раз. К тому же его теща что-то намудрила с его защитой, и он практически неубиваемый.

– Ага! Ну спасибо, милый друг, за слова твои познавательные, за беседу дружескую да за откровенность... В общем, я пошла.

– Ярослава, – он удержал меня, – а что это за выражение на твоём хорошеньком личике сейчас промелькнуло?

Я вырвалась и хмуро ответила:

- Не переживай, Аниас, ты выживешь!
- А остальные? – скрывая смехок, спросил маг.
- Если повезет! – гордо ответила я и, не глядя на Инара, потопала в аудиторию.

Причем шла я спешно и торопливо, ибо нужно было сейчас же восстановить списки всех поклонников, дабы внести их в список ведьминского произвола!

* * *

Прибежала я вся злая и выстраивающая планы отмщения, распахнула двери, а там...

– Адептка Ярослава, – магистр Онтар Эльррис взирал на меня от доски, – вы опоздали!

– Прошу прощения, подобного более не повторится, – растерянно произнесла я.

– Естественно, – надменно ответил эльф, – так как в следующий раз вы будете дожидаться окончания лекции за дверью! Садитесь!

Ого! Хотя слышали мы, что в Вечном лесу в Академии Света там с дисциплиной строго, но чтобы настолько...

Молча прошла к своему месту, села, чинно-благопристойно открыла единую ученическую тетрадь на шестой странице с конца и вывела: «Срочно и всем – восстановите списки ухажеров!»

Эльф, который в данный момент нудно зачитывал список каких-то ингредиентов, вдруг вздрогнул и удивленно посмотрел на меня. Я, сама невинность, уже открыла свободную страницу и писала под его диктовку. И тут Рогда повернулась с первой парты и сделала большие глаза. Пришлось с милой улыбочкой открывать тетрадь в конце, чтобы прочесть изумленное: «Ярослава, что происходит?»

Поспешила ответить: «Они маги, и этим все сказано. Нас планировали использовать в качестве накопителей энергии во время выпускных экзаменов! К этому времени явно собирались найти возможность обойти защитные амулеты, ну и... влюбленные ведьмы такие наивные бывают».

– Лысый черт! – раздалось с последней парты. Но Бажена тут же исправилась: – Прошу прощения, магистр Эльррис, я допустила ошибку в слове «масса», и это меня очень расстроило.

– Да неужели? – с неожиданным сарказмом спросил эльф.

Мы, откровенно говоря, его не слушали. Потому что Рогда стремительно писала: «Все, они меня достали!»

«Они все умрут, – вставила наша добросердечная Любава, – но мучительно!»

«Именно, – подтвердила Рогнеда, – мучительно, и страдательно, и...»

– Адепки, – неожиданно прошипел эльф, – а вы никогда не интересовались у Верховной, откуда в вашей школе ЕУТ, которые вы называете единой ученической тетрадью?

– Нет, – хором ответили мы, продолжая вчитываться в то, что писала Рогнеда.

А она разошлась: «Всех на части порву, к черту лысому! Всех! А эльфа... ну он мне все же немного нравится, несмотря на вчерашнее, так что его не трогаем... и красивый же такой, глаз не оторвать...»

– И не надо... – вдруг произнес магистр и опустил на стул.

– Что «не надо»? – заинтересовалась я.

– Интересоваться, откуда тетрадь, – эльф посмотрел на свои

сложенные на столе руки и, неожиданно подобрев, мягко и доброжелательно произнес: – Девочки, предлагаю отойти от плана занятий и обучиться нескольким нехитрым заклинаниям абсолютной защиты, что скажете?

«Он чудо, и я таю, и... я влюбилась», – написала Рогнеда.

Магистр Эльррис грустно улыбнулся опять же своим рукам и стремительно поднялся.

– Итак, первое – «Отражение». Магических сил не требует, вы используете силу врага, и чем сильнее его атака, тем сильнее будет ваш удар. Открывайте тетради на второй странице от начала, сверху пишите «Элтасс» – это слово блокирует доступ к данной информации для всех, кроме вас. Написали? Отлично. Теперь записывайте название заклинания – «Отражение», и, отступив двенадцать строк вниз, сразу записываем – «Лунный свет». У них первый этап практически повторяется, и поэтому я объяснять буду параллельно.

Не знаю, как остальные, а я осторожно открыла последнюю страничку и с ужасом прочитала: «Изготовитель ЕУТ – магистр Онтар Эльррис». О своем открытии решила промолчать. Да и знания, которые нам неожиданно решили поведать, оказались более чем ценными!

* * *

– И последнее на сегодня, – произнес магистр в конце лекции, – заклинание «Ашвер». Удивительное по своей красоте и невероятное по сути, позволяющее распутать любые охранные заклинания и без ведома владельца проникнуть в помещение. Однако должен предупредить: все адепты Академии прикладной магии изучают его в конце выпускного года. Итак, записываем...

Судя по тому, что половина из нас выронила перья, а вторая половина просто застыла от удивления, намек поняли все. Едва прозвенел звонок и нам разрешили идти, мы разом искренне произнесли:

– Спасибо!

– Развлекайтесь, – эльф улыбнулся и вышел из аудитории.

Вслед ему понеслись наши изумленные взгляды.

Первой очнулась Рогда:

– Девочки, я правильно поняла? Нам только что дали благословение на месть магам?

– Угу, – я опустила голову, пряча улыбку.

– Ярослава... – протянула ведьмочка.

– Открой тетрадь на последней странице, и ждет тебя сюрприз! – сказала я, поднимаясь.

Она открыла. Тетрадь послушно распахнулась, а затем самовольно перевернула шесть страниц с конца. Когда мы подбежали к ошеломленной таким поведением канцелярского изделия Рогнеде, там красивым витиеватым почерком выводились слова: «Ты мне тоже... немного нравишься. Тот самый эльф».

Причем эта запись появилась только в ее тетради!

– Я сейчас растаю и стеку лужицей под этот самый стол, – прошептала Рогда.

Потом была лекция по «Анатомии», и мы с трудом высидели до ее конца. Едва прозвенел звонок, мы начали торопливо собираться, и вскоре стройный наш отряд промаршировал по коридорам, стремительно взлетел по лестнице, пробежался до нашей комнаты, и, только мы ворвались на собственную, соблазняющую ароматом ужина территорию, Бажена закричала:

– Тетя Матрена, а можете гномиков позвать?!

Домовая выглянула из кухоньки, нахмурилась, задумалась, а потом как рявкнет:

– Мыть руки, и сидайте вечерять!

Тут уж делать нечего, зато за ужином мы успели наперебой пожаловаться на магов и сформировать первую идею великой мсти!

– Магию использовать нельзя, – жуя, рассуждала Рогнеда, – должно быть что-то натуральное...

Предложений поступало много, но в основном почему-то касалось слабительного. Матрена, слушая нас, хихикала, но не вмешивалась. Зато я решила высказать свою идею:

– Девчонки, а вы заметили, что практически все маги, кроме Ташши и Инара, носят длинные волосы? – На меня направили внимательные взоры, выражая готовность слушать. – Так вот, – продолжила я, – полагаю, как раз именно шевелюры, которыми явно гордятся, следует подвергнуть жестокому поруганию. Что скажете?

– Лосьон для депиляции по рецепту самой Верховной, – внесла предложение Бажена, – мы все пользуемся и точно знаем – месяц ничего не растет!

– Краска для волос по рецепту ведьмы-наставницы Августы, – Белинда продемонстрировала черный локон, – и волосы гарантированно

черные!

– Красный крем для обуви, мой собственный рецепт, даже черная кожа становится пурпурной! – отозвалась Любава.

– Краска для яиц, – отозвалась тетя Матрена, – от розового до червонного золота. Не смывается и не вредит, в количестве не ограничена... Ох, ведьмы вы мои, иду звать гномиков.

Мы ее сначала расцеловали от радости, все с ней переобнимались, только потом отпустили. Эта краска была нам знакома с детства – маленькие ведьмочки не очень любят яйца и творог, а благодаря домовым и их пищевой краске вместо нелюбимых продуктов нас ожидали сказочно красивые шарики сладкого ванильного творожка или горки расписных яиц.

А потом пришли гномики, и началось выяснение координат комнат магов с участием Рогды, Бажены, Милолики и Святомиры. В то время как остальные смешивали краски, добавляли в них лосьон для депиляции и стабилизировали полученную массу обычным желатином.

Приготовление завершилось, едва вбежал один из гномиков и торжественно сообщил:

– Ужин подан!

Это был наш сигнал к началу великой операции отмщения! Ибо адепты, не наученные бытовой магии, в это время утопали обедать!

– Делимся по командам, – скомандовала Рогнеда, – в каждой команде по три человека...

– Одна лишняя, – сказала я.

– Да, – Баж указала на Яринку, – ты остаешься.

– Почему? – возмутилась ведьмочка, накладывая себе в чай третью ложку соли вместо меда.

– Именно поэтому, – Баж подошла и продемонстрировала ей солонку, – ты от любви совсем где-то далеко витаешь.

Мы посмотрели на бутылочку, которую заполняла Ярина, переживали зря, ибо ведьма с собственным чаем напутать может, а с зельем, пусть даже и красящим, никогда.

– В путь, – скомандовала я и встала за Рогдой, Варвара – рядом со мной.

Наша тройка и двинулась первая, имея в руках внушительный список из двенадцати имен и номеров комнат.

Спустя почти час наша группа вернулась. Мы были довольные, счастливые и чуть хмельные от факта свершившейся мести. Ну или почти свершившейся. Зато после похода выяснились три интересных факта:

1. У каждого мага была отдельная комната... чаще всего грязная и захламленная сверх меры. Гномы в коридорах-то убирали, а в комнатах адептов отказались, вот и результат.

2. Заклинание «Ашвер» открывает ВСЕ двери!

3. Моя догадка про волосы оказалась верной – почти все маги пользовались эльфийскими бальзамами для волос. Бальзамчики прелесть, но требуют ежедневного использования. Ну мы, собственно, их открыли и чуток нашего совершенно не магического средства добавили... так, чтобы было на один разок. У кого не было бальзама – поглумились над шампунями.

Две группы вернулись, а две еще отсутствовали. Выждав немного, наша тройка отправилась на поиски. Как выяснилось, отряд Бажены попал в окружение. В прямом смысле слова.

Поднимаясь на пятый жилой этаж, мы об этом уже точно знали, потому что только Бажена, когда ругается, переходит на свой родной язык:

– Ужо я тебе погутарю, кошелка дырявая!

– Почему сразу дырявая? – возмущался кто-то приятным девичьим голоском. – И что значит «кошелка»? Соизвольте выражаться прилично, совершенно мною не уважаемая вонючая ведьма!

Мы с девочками там же на лестнице и замерли.

– Кажись, кто-то оказался на диете, – предположила Рогнеда.

– Кажись, ужин уже закончился, – сказала Варвара, прислушиваясь к еще отдаленному, но уже нарастающему шуму.

– Будем договариваться! – и я решительно зашагала к эпицентру разгорающегося скандала.

Бажена стояла, уперев руки в боки, расставив ноги на ширине плеч и готовясь продолжить дискуссию на нелицеприятную для противника тему. Ее противником являлась юная магичка, похоже первокурсница, бледная, растерянная, невысокая, но готовая дать отпор ведьме-ровеснице. Да, мы оканчиваем образование в 18–20, они к 25.

– У меня есть предложение, – торопливо подбегая к девочкам, начала я, – с нас пирожки раз в сутки, с тебя молчание и исчезновение в собственной комнате, что скажешь?

Магичка, едва меня увидела, сложила руки на груди, окинула меня убийственным взглядом и прошипела:

– А ты, значит, Ярослава!

– А это, значит, сестричка Лин, – прошептала позади меня Бажена.

Шум на лестнице становился все громче, магичка взидала на нас с ненавистью.

– Девочки – метлы, магиня – спать! – скомандовала я.

Все послушно исполнили, правда, магичка заупрямилась и сонный порошок вдохнула не сразу. Мы с Варей ее быстренько вернули в родные пенаты, то есть в тот бардак беспросветный, что для адептов являлся местом временного обитания, после чего также достали метлы и стремительно вылетели. Едва успели.

– Эй, – закричал кто-то, – почему окно открыто? Не лето же!

Шесть перепуганных ведьмочек жались у стены, боясь даже дышать громко.

Но окно благополучно закрыли, и мы стремительно полетели стучаться в родные окна, зная, что там нас ждут и о нас тревожатся.

* * *

...Глухая ночь... Страшный вопль сотряс Академию прикладной магии. Послышались голоса, кто-то пробежал по коридору... Где-то вдалеке слышался еще один вопль! Тринадцать ведьмочек подленько хихикали в подушки, стараясь все же заснуть. Однако ночь выдалась беспокойная...

Раннее утро... Здание сотрясается от магии...

Утро. Мы встали злые и невыспавшиеся, потому как бóльшую часть ночи хихикали и высказывали друг другу предположения на тему «Как это будет», потом уже просто улыбались, заслышав очередной отдаленный вопль... потом нам надоело, а под утро внезапная активность магов уже конкретно раздражала.

– Запомнить на будущее: никогда не мстить магам, ибо себе дороже, – протирая сонные глаза, которые не желали открываться, сказала я.

– Они не могут просто молча сдохнуть? – Любава у нас такая добрая с утра бывает.

– Хорошо, что мы не начали со слабительного, – Баж была оптимисткой.

– И главное – Верховная нам дала нормальный рычаг воздействия, так нет же, мы взялись экспериментировать.

– Девочки, – Милолика подняла заспанное лицо, – заткнитесь! Я спать хочу!

Спать нам не дала тетя Матрена. Домовая весело будила нас, а когда поняла, что словами тут не поможешь, притащила крышку и ложку и давай тарабанить. Поспать удалось, только стоя в очередях к ванным. Кое-кто пытался уснуть за чисткой зубов, но домовая и там потарабанить умудрилась. Нас даже любимая манка с ванилькой не разбудила.

И вот идем мы такие заспанные, едва ногами перебираем и хмуро обсуждаем предстоящие пары, а навстречу нам...

– Мама! – сказала я, так как шла первая и первая же и увидела.

Он был бледный. Злой. Невыспавшийся. В измятой одежде и, в общем и целом, крайне непрезентабельно выглядевший. Но это не самое главное! У мага была уникальная прическа – солнышко! Разноцветное. С проплешинками! Торчащие между проплешинками пряди имели оттенок от золотистого до черного. Черного было мало, преобладали золотой и розовый.

Маг, понутив голову и опустив плечи, прошел мимо нас, едва ли ногами не шоркая. И кто бы мог подумать, что именно в Любаве проснется сострадание!

– Парень, эй, парень, – она догнала мага, – слушай, не знаю, может, это у вас мода такая, но у нашей домовой, тети Матрены, есть такая штука, которая любую краску отмывает. Ты зашел бы к ней.

Маг не пошел, маг полетел!

– Добрая ты, – задумчиво сказала Святомира.

– Да не скажи, просто с черными волосами проплешины будут заметнее!

Любава – это Любава, ни отнять ни прибавить.

– Наш человек, – усмехнулась Милолика.

Когда мы спустились в холл, выяснилось, что отныне в моде лысые маги, причем лысины полагалось украсить разноцветными пятнышками.

Жертвы моды ходили, гордо распрямив плечи и старательно игнорируя внимание окружающих. Пижонистые монстры кучковались! Они сбивались в стаи! Монстры старались не передвигаться поодиночке и украдкой разглядывали лысины друг друга.

Монстры были горды и ужасны, и смеяться над ними явно опасались. Все... кроме Инара. Он и его компания верных дружков, которые как бы и мне теперь не чужие люди, демонстративно подсчитывали яйцеголовых. Причем, судя по обрывкам фраз, он еще и классификацию проводил по двум направлениям: «умеренная пятнистость» и «ярко-выраженная пятнистость».

– О, вон еще один тип умеренной пятнистости, – выдал Аниас.

Боевые маги согнулись от хохота.

В этом царстве адептов магии тринадцать ведьмочек, не глядя на монстров моды, гордым строем шествовали к расписанию. Так как нам расписание никто вчера не предоставил, как делали это ранее. Мы подошли, девочки остановились, я же пошла искать хоть какие-то указания.

И вот стою, а вдали вдруг послышалось:

– Ташши!

Я, позабыв про расписание, повернулась к двери и узрела, как некромант стремительно взлетает по ступенькам и уверенно входит в холл. Там, на границе яркого солнечного утра и заполненного адептами помещения, он остановился, резким движением откинул челку, осмотрелся и увидел меня.

– Ярослав! – радостный крик перекрыл гул голосов.

И он радушно раскрыл объятия, совсем как тогда в нашей комнате. Но кто бы мне еще сказал, зачем я к нему побежала?! А я побежала, обняла за шею, Ташши подхватил меня и закружил, игнорируя всех и вся.

– Давно приехала? Как съездила? Как ты вообще без меня?

Я еще ни на один вопрос не успела ответить, все еще удерживаемая некромантом, как послышался топот по лестнице. Обернувшись, увидела того самого мага... темноволосого и без проплешин. Это чудо сбежало по лестнице вниз, нацелило взор на Любаву и рвануло к ней. Ведьмочка не успела даже закричать, как к ней подбежали, ее подхватили, подбросили вверх, поймали, потом зацеловали в щеки и нос и восторженно сказали:

– Спасибо! Ведьмы, вы лучшие! – после чего ведьму отпустили, и приглаживающий густую темную гриву маг, едва ли не вальсируя, поспешил к аудиториям.

Монстры моды нацелили голодные взоры на Любаву и начали, словно невзначай, двигаться к ведьмочке. Алчущие, голодные и вместе с тем полные невыразимой тоски по прекрасному глазищи заставили Любаву произнести коронное:

– Мы все умрем!

Рогнеда молча протянула ей метлу.

Любава улетала красиво – с воплем «тетя Матрена!» и в сторону нашей комнаты. Толпа магов разной степени пятнистости решительно, но внешне абсолютно неторопливо направилась следом за ней.

Среди адептов начался повальный приступ неконтролируемого хохота, ведьмам, однако, было не до смеха. И так ясно теперь, что только зря ночью мучились.

– А что тут у вас происходит? – задумчиво спросил Ташши и отпустил

меня.

– Не знаю, – я сама невинность, – мы только что вышли в холл, а у вас... эм... с модой адепты экспериментируют.

– Да? – некромант продолжал задумчиво смотреть вслед поднимающимся по лестнице яйцеголовым. – Знаешь, вот те золотистые пятна, они так напоминают ведьминскую кра...

Я попыталась закрыть ему рот, прежде чем будут произнесены страшные слова про ведьминскую краску для яиц, но Ташши увернулся от моей руки, и в следующее мгновение его губы накрыли мои... рука моя опустилась сама, а потом как-то сама обняла его за шею и там почему-то оказалась вторая... А вот руки Ташши я ощущала отчетливо – как скользят по спине, как обнимают за талию, как прижимают, отрывая от пола...

Но внезапно эти самые руки вдруг резко отстранили меня, и я вдруг оказалась за спиной Ташши. Он что-то быстро произнес, но в тот момент я слабо соображала – голова кружилась, сердце таяло, ощущение такое приятное в груди, а еще очень к Ташши хотелось прижаться. А он меня себе за спину засунул!

– Уже все? – грустно спросила я. – Ну ладно, тогда я на лекции, а ты вечером заходи, будем чай пить.

И обошла его, чтобы пойти к девочкам. Но как выяснилось, некромант от меня прятал кое-что любопытное, а точнее, боевого мага. И этот самый боевой маг ласково мне говорит:

– Ярусь, ты меня с первого раза не поняла?

– Нет, – честно сказала я.

Инар молча склонил голову к левому плечу, с каким-то змеиным выражением глядя на меня. И у меня от одного его взгляда жар по телу разливается... Теперь вопрос: почему, когда мама в мои пятнадцать лет пыталась мне объяснить про всякие там тыгыдымсы, я заявила, что и так все знаю про деторождение? Мы-то анатомию учили уже к тому времени. Но именно здесь и именно сейчас до меня вдруг дошла странная истина – а ни черта я не знаю! Например, ни в одном учебнике не было сказано, что у гипотетической самки от одного только взгляда гипотетического самца уже какие-то процессы в организме происходят начинают. С другой стороны, учили мы это дело на примере быков и коров. И я так и представила себе: летнее утро, мирно пасутся коровки, появляется бык и с эдаким инаровским прищуром смотрит на рогатых. Молокоудойные от такого взора падают в восторженный обморок и беспомощно дергают копытами...

– Брр, – сказала я собственному воображению. – Не люблю рогатых.

Прищур усилился, взгляд теперь был таким, что некоторым впору бежать до самого горизонта.

– Ярусь, – как-то интимно протянул Инар, – некрасиво второй день подряд опаздывать на лекцию, тебя ведьмочки ждут.

До меня что-то начало доходить, причем, кажется, опять «орель» чем-то был недоволен, но тут вдруг и Ташши ласково проговорил:

– Ярославушка, свет мой, иди на лекции. Я в обед на чай приду, мы с тобой сегодня уезжаем.

– Да? А куда?

– Ты там дяде нужна, – почему-то глядя совершенно не на меня, а на Инара, ответил некромант.

– Сильно нужна? – Мне почему-то Рогда какие-то знаки делала, и я немного отвлеклась от сути разговора.

– Без тебя не справимся, – напряженно ответил Ташши. – Иди, сейчас звонок будет.

– Иди, Ярусь, мы о твоей поездке потом поговорим, – Инар такой спокойный, – точнее о том, что ты останешься здесь!

– К моему искреннему сожалению, ты тоже едешь, – значительно тише добавил некромант.

И тут появился ректор. Ваэдан Шмидкович, недовольный и суровый, торопливо направился к Ташши, я также торопливо направилась от некроманта к девочкам, и Любава как раз подросла, сообщив, что сдала монстров моды нашей домовой.

* * *

Две лекции по травам Предгорья я высидела, едва не подпрыгивая. Как только раздался звонок, вскочила первая, начала собираться и вскоре уже стояла у дверей в ожидании построения.

– Ярослава, куда ты так торопишься? – Баж подошла и обняла за плечи. – Разберутся они без тебя.

– Мы, кажется, уезжаем с Ташши и Инаром.

– Ого, – Рогнеда тоже подошла.

А вот любимая моя пара, она же Варвара, что-то какая-то странная в последнее время. На парней не смотрит, сама себе иной раз улыбается, в наши дела с Инаром не вмешивается... странно это. В общем, поставила я во главе строя Рогду, а Варюсика за локоток да в последний рядок.

И вот идем мы, а я так тихонько:

– Демон, поговорить нужно.

Зря я это сказала. Нежная женственная Варвара вдруг как-то резко чуть ссутулила плечи, и походка испортилась, мужицкая стала. Хорошо, что шли мы позади всех.

– В ванной, – хмуро высказался мой дух-хранитель, и Варя снова стала Варей.

В ванной так в ванной, кто ж спорит.

* * *

Едва вошли в комнату, так у дверей и замерли. А чего не замереть-то – обед не приготовлен, в комнате не прибрано, на полу натоптано, счастливая домовая сидит за пустым столом, горки монет пересчитывает и нам радостно сообщает:

– Девоньки мои, хитроумные-мудрохитрые, али есть в запасе еще варианты великой мести?

Маленький народ – в основном выходцы из горных гномов, а скардность да златолюбие последних давно стали притчей во языцех. В общем, плюнули мы на это дело, Святомира, Любава и Людмила пошли готовить обед. Остальные споро взялись за приборку, а тетя Матрена продолжала подсчет денежных средств.

Управились быстро, к тому времени девочки приготовили нехитрый суп да разогрели вчерашние булочки в духовке. Тетя Матрена все еще считала деньги, и делала она это с любовью, не торопясь. И вот только мы обедать сели, домовая протяжно так произнесла:

– Слабительное им сегодня подсуньте, у меня как раз средство знатное есть.

Мы чуть не подавились все и разом возмутились:

– Тетя Матрена, суп остывает, давайте есть!

Решительно и быстро мы покончили с обедом, ибо если домовая еще и в деталях воздействие слабительного описывать начнет, то от аппетита не останется и воспоминания.

После обеда засобирались на прогулку, а я ухватила Варю и утащила в ванную.

– Ну, – говорю, двери закрывая, – рассказывай!

И тут происходит следующее: из Варвары вылетает нечто темное и становится демоном... обычного вида, скрывая свой истинный

устрашающий облик древнего демона. Главное, подруга на него смотрит спокойно и смущенно улыбается, а демон так вообще глаз от нее не отрывает.

– Ну надо же, – возмутилась я, – за моей спиной такие вещи творятся, а я и не замечаю ничего!

– Никто не замечает, – сказала счастливая Варя и обняла демона.

Тот ласково поцеловал ее в висок и тоже обнял. Идиллия!

– И как все это случилось? – решила я возмутиться, чтобы не смущаться.

– Он мне снился, – прошептала Варя, – каждую ночь почти. И мы разговаривали, гуляли по странному городу из белых домов с плоскими крышами.

– Даррант, – догадалась я. После посмотрела на демона и ехидно спросила: – А ты ей истинный вид не демонстрировал?

Демон смутился, но тут же нашелся:

– Ты, Ярослава, давай выходи замуж, возвращайся под крыло Темного Повелителя, а мне свою личную жизнь устраивать нужно.

Да уж, весело.

– И как ты понял, что она для тебя единственная? – решила я спросить у демона, раз уж говорить-то особо и не о чем, и так все понятно.

Демон посмотрел на Варю и снова растворился в ней, ответил он мне уже голосом ведьмочки:

– Да как только тот маг недоделанный ее поцеловал, так до меня и дошло! – И зарычал: – Мы, демоны, собственники. Это сильнее нас, и объект любви сразу обретает статус «Мое».

Я смотрела на Варю, дух поблескивал сквозь нее красными злыми глазами.

– Слушай, дух, – говорю, – а ты не подумал, что вы разные: ты древний, она вообще ребенок еще и...

– Ярослава, – прорычало это нечто, – мне все равно, кто древний, а кто не очень, – я достаточно долго служил Повелителю, чтобы рассчитывать на его благосклонность в данном вопросе. У меня большой дом, положение, и... я ее люблю, она мне родная, и я как никто другой ее знаю... Моя!

И Варя снова стала Варварой с огромными голубыми глазами. А главное, смотрит на меня и смущенно улыбается.

– Да-а-а, – задумчиво проговорила я, – повезло тебе... у других мужья рогатыми после свадьбы становятся, а у тебя до!

Подруга вдруг мудро так улыбнулась и говорит:

– Ты, Ярослава, еще ребенок! Да хоть рога, копыта и хвост, но он мой.

Мой, понимаешь? Родной, теплый, близкий и меня понимающий.

И Варвара ушла. А я стою, смотрю куда-то в пространство и думаю: а сказать ей или не надо, что там таки да – рога, копыта и хвост к этому самому «мой» прилагаются. А, ладно, пусть сюрпризом будут!

* * *

Зато на улицу мы выйти не успели. Явился Ташши, которому все были рады, и Инар... которому все оказались тоже немного рады, а Рогда – так вообще подошла, ответственно пожала руку и сказала:

– За правду обычно морду бьют, но мы, ведьмы, девушки справедливые, живи, вомпер плешивый.

Инар только хмыкнул в ответ, но ничего не сказал. Зато сказал Ташши:

– Ярославушка, собирайся, дракон ждет...

– Мой, – добавил Инар.

– На своем ты летишь сам, – сказал некромант.

Маг ничего не ответил. Он просто смотрел на меня... я старалась этот взгляд игнорировать.

Но тут вмешалась Бажена:

– А что, у Ярославы своей метлы, что ли, нет?

И тут от накопленных денежных средств оторвалась тетя Матрена:

– Да как же это? Куда?! Ярославушка, выпускной год, Ярослава! Никуда не летишь!

А Ташши спокойно произнес:

– Приказ дяди.

Домовая тут же со стула спрыгнула, торопливо к моей кровати направилась:

– Чего стоишь, милая? Поторапливайся, где твой шарфик и пальто, а? Любава, Людмила, ну-ка обе со мной, мне ваши ручки девичьи спорые ой как понадобятся.

Мы вылетели почти одновременно с началом послеобеденных занятий. Ташши с эльфом на зеленом драконе, Инар на черном, гордая ведьмочка, то есть я, на метле. Остальные ведьмочки весело махали нам вслед.

А потом Инар сказал гадость:

– Ярусь, а попа болеть не будет?

Я усмехнулась, примерно представила себе направление полета и рванула вперед, оставляя драконов позади. Ветер свистел в ушах, глазки чуть слезились, но, в общем, было здорово, и с криками «Йух!» я еще

и покрутилась в полете.

* * *

Когда солнце начало медленно опускаться к горизонту, оба дракона меня догнали. Инар молча пытался убить меня взглядом, Ташши уккоризненно произнес:

– Ярослава, я бы попросил больше так не делать!

– Вы зря опасаетесь, – вступил в разговор магистр Эльррис, – ведьминский способ передвижения значительно безопаснее нашего. Эти метлы, несмотря на непрезентабельный вид, не поддаются воздействию магии, никогда не теряют седока, и самое главное – при движении создается определенное поле, небольшой воздушный барьер, что уберегает наездника от сильного ветра.

– Вы так много знаете о нашем оборудовании, – заметила я.

– Было время, когда первородные и ведьмы работали рука об руку, – грустно ответил маг.

– А что случилось потом? – Я подлетела ближе, стараясь держаться над седоками, потому как сбоку могло снести крылом дракона.

– Потом... появились маги.

– Ох уж эти маги! – не удержалась я.

Отлетев от дракона, достала карту, прикинула место расположения и сделала выводы:

– Подлетаем к Приграничью.

Ташши тоже достал карту, свесился из седла, глядя вниз, и сказал:

– Нет, мы уже над Приграничем.

Карта выпала у меня из рук, и тут же зависла на уровне моих ног, потому как да, метлы у нас знатные. Поднимая лист, я крикнула:

– Ташши, только не говори, что отступники начали боевые действия.

– Не говорю, – крикнул некромант, – ты это уже и сама сказала.

Я выругалась, подлетела к нему, свесилась головой вниз и отобрала карту. Сличала я свою и его в том же положении, коса мне не мешала, шапка тоже не падала.

– Это все территории боевых действий? – с ужасом спросила я.

– Да, – тон Ташши мне не понравился, – твари начали масштабное наступление.

Я посмотрела вниз – там, в сгущающихся сумерках, среди лесов и полей виднелись крыши домов и городков, излуины рек, паутинки

дорог... Мирная картинка. А потом я увидела людей в черном, неестественно быстрых, они собрались в круг и....

– Яра! – раздался крик Инара, затем взрыв, сотрясший воздух.

Огонь! Яркое, нестерпимое пламя!

Пространство взорвалось над нами, под нами, вокруг нас! Все завертелось перед глазами и снова разбилось на осколки... Метла сломалась...

Мы падали! Стремительно, быстро, жутко.

– Убери метлу, – хрипло приказал маг.

Как оказалось, свою верную подругу, пусть и сломанную, я продолжала держать. Трижды ударила указательным пальцем по черенку – метла уменьшилась, и я с трудом уместила ее в кармашек. Такое привычное действие как-то непривычно совершать в свободном полете.

– Держись, – резко произнес Инар, и я вцепилась в него руками и ногами.

Рывок – его одежда начала трещать по швам, темный дым заструился под моими пальцами, и огромные крылья распахнулись, прекращая наше падение. Рывок, первый, несмелый, и вместо падения на острые вершины сосен начался полет над лесом. Неуверенный полет, в котором мы несколько раз едва не проваливались в бездну, потому что демоны много лет учатся переносить по воздуху что-то помимо собственного веса. Крылья на дополнительную нагрузку не рассчитаны и могут сломаться, или демон не выдержит напряжения...

– Инар, – тихо позвала я, – ты не сможешь так лететь. Я слишком тяжелая для твоего второго полета в жизни.

– Ярусь, – его руки сжали крепче, – я не отпустил бы тебя даже в свой первый полет. Держись, нам нужно добраться хотя бы до деревни за рекой, в лесу их слишком много.

У меня было много вопросов. И о том, что случилось, и о Ташши с магистром Эльррисом, но, когда понимаешь, что тебя несут на пределе возможностей, надрываясь из последних сил, вопросы остаются невысказанными. И если бы я только могла ему помочь... но демонам магический резерв не нужен. И мы молча летели над темным сосновым лесом, в котором слышались завывания и крики, но к живым они не имели никакого отношения... упасть туда было бы самоубийством для нас обоих.

– Инар, – тихо позвала я, – ты не...

– Сам уже упал бы, – с трудом ответил демон, тяжело дыша, и в этом дыхании слышался хрип, – а тебя вынесу!

И я молчала, обнимая его и слыша, как надрывно бьется сердце...

В какой-то момент мы начали падать, но Инар раскинул крылья, и мы спланировали на самый берег реки. В лесу, за водной преградой, слышался шум стремительно передвигающейся нежити, но мы-то были уже здесь...

– Идем, – Инар тяжело поднялся, – нужно найти ночлег.

Мы пошли, но медленно, потому что он пытался восстановить дыхание. Несколько раз сгибался, опираясь руками на колени.

– Дед говорил, что крылья после перенапряжения не болят, если перекинуться в человека, – вспомнила я.

– Знаю, – тихо ответил маг, – но моя боевая трансформация сейчас единственная защита, которая у нас есть. Здесь не действует магия, Ярусь... а, ты же не чувствуешь...

Не чувствую, но это не значит, что не способна испугаться. Очень-очень-очень сильно испугаться!

Инар заметил мою бледную физиономию, клыкасто улыбнулся и сказал:

– Все будет хорошо, Ярусь. Мы выберемся, обещаю. Все будет хорошо.

Где-то наверху грянул гром. Начался дождь, и в момент все стало мокро. Инар решил прикрыть нас крыльями, но я уже вымокла до нитки, хотя улыбка моя становилась все шире.

– Да как это у демонов работает? – возмущался Инар, пытаясь составить купол из крыльев так, чтобы на нас не лило. Купол получался замечательный, но наверху почему-то оставалось отверстие, и головы наши продолжал поливать совсем не теплый осенний дождь.

– Лет через двести научишься, – «утешила я», – а пока придется спасаться под крышей.

– Хорошая идея, – Инар обнял меня за плечи и повел к деревеньке, – вот только реализовать ее будет непросто.

– Почему? – на мой взгляд, домов там было много.

– Потому что нам требуется крепкое здание без живых умертвий, отлеживающихся днем в подвале, без трупов в самом доме. И без спорядовитой поганки, которые тащат на себе поднятые с кладбища мертвецы.

– Мама... – только и сказала я.

– Это не мама, Ярусь, это Приграничье. Здесь, даже чтобы на пенек присесть, его нужно раз пять проверить.

Вопросы далее задавать было страшно. Хотя один имелся:

– А что с Ташши и магистром Эльррисом?

– Как раз благодаря тому, что там есть магистр, некроманту опасаться

нечего, – Эльррис и не из таких передряг выбирался, – хмуро ответил Инар.

– Ты его знаешь? – удивилась я и чуть не поскользнулась, потому как дождь продолжал лить и глинистую дорогу развезло.

– Примерно одна девятая боевых заклятий была изобретена им, – Инар подхватил меня на руки и зашагал быстрее. Ему проще, он сейчас копытный. – Эльррис – известный ловец и один из лучших боевых магов современности.

До деревни мы добрались мокрые и грязные. Немного отдохнув, продолжили хождение, оглядывая дома сначала снаружи. Несколько раз Инар заходил в подходящий, казалось, дом и стремительно возвращался, хмурый и недовольный. Я даже ничего не спрашивала. Наконец было найдено здание, подходящее к требованиям мага – это был гарнизон. С частоколом, с зарешеченными окнами, и само здание наполовину являлось каменным.

Инар взлетел, облетел гарнизон и вернулся за мной. Перенеся меня через ограду, посадил на плоскую крышу конюшни и пошел осматривать территорию. Мне же оставалось только мокнуть под дождем.

* * *

Мага не было, наверное, с полчаса, но вернулся он на этот раз довольный.

– Умертвий тут не было, – подхватывая меня на руки и слетая вниз, заявил Инар. – Судя по всему, стражи держали оборону до последнего. Здесь же отсиживались выжившие местные жители. Когда пришли маги, они вывели всех, солдаты заблокировали вход в гарнизон, так что место безопасное, ночуем здесь. Ты как?

– Зззамерзла... – прошептала я, стуча зубами.

– Потерпи, – нежно произнес Инар, прижимая меня к себе все сильнее, словно пытаясь согреть своим теплом.

В административном здании было сыро и холодно. За окном завывал ветер, в крышу бился дождь, тоскливо и как-то жутко.

– Сейчас пойдем наверх, там есть малая гостиная, в комнатах начальника гарнизона, спать будем там, – сказал маг, запирая двери, а после придвигая к ним шкаф с какими-то папками. А к этому шкафу двигая стол и комод.

– Почему там?

– Безопаснее, – с этими словами он начал закрывать все и так

зарешеченные окна ставнями, фиксировать шкафами. Заметив мой взгляд, коротко ответил: – Это Приграничье, Ярусь. Потерпи.

Потерпела, пока он так все не заблокировал. Потом взял меня за руку и повел наверх. С меня стекало ручьями, зубы давно выбивали какой-то развеселый танец, от которого ни мне, ни зубам не было весело.

Наверху тоже царило запустение, но хоть сыростью не пахло. Инар двигался стремительно – подошел к камину, проверил дрова, нашел огниво, высек огонь, а после дунул на искры. Дрова загорелись мгновенно.

– Ого, – только и сказала я, – ты действительно древний.

Дед так делать умел, а вот папа и братики – нет, и их это очень расстраивало. Инар на мое «ого» отреагировал хитрой улыбкой, но ничего не сказал, продолжая развивать кипучую деятельность. Он убрал ковер с пола и вынес его в коридор. Так же поступил практически со всей мебелью. Мебель разломал в коридоре, после чего вернулся с новой порцией дров.

– Не раздевайся пока, но встань ближе к огню, – скомандовал он мне.

И вот после этого маг снова ушел, а вернувшись... вымыл пол! И протер подоконники, углы, ниши и даже камин наверху.

– У нас генеральная уборка? – спросила я.

– У нас пыль, происхождение которой я без магии определить не могу, – ответил Инар, – но по опыту знаю – это тоже может быть какая-то гадость.

И он опять ушел. На этот раз я ждала долго и успела даже согреться. Наверху слышался шум, Инар что-то ломал, потом издал торжествующий вопль и вскоре вернулся с периной. Огромная и белая, она была расстелена на полу перед камином.

– Наверное, чье-то приданое, – посмеиваясь, сказал маг. Он уже вернул себе человеческий облик. – Ярусь, раздевайся, я нашел чистую новую одежду.

Он ушел и вернулся со стулом – на его спинку повесил теплую ночную рубашку и пододвинул к камину, чтобы нагреть ее.

– Помочь? – весело спросил, глядя на меня.

Мне мешали и гордость, и грудь, но я все же кивнула. Одежда была мокрой и тяжелой, пальцы все еще сводило от холода, и как истинная ведьма я понимала – грозит мне простуда минимум средней степени.

Инар, полуголый, босой и в одних брюках, подошел, начал осторожно развязывать тесемки под моим подбородком, удерживающие шляпку. Пальцы его двигались быстро, но словно чуть замирали, едва маг касался моей кожи. Едва с головным убором было покончено, маг начал

расстегивать пальто. Оно тоже промокло насквозь и потому тянуло вниз всей впитавшейся в него водой. Когда Инар и его отбросил на пол, послышалось характерное «плюх!».

– Придется выжимать, – констатировал маг и... начал осторожно расстегивать платье.

Я хотела остановить его и... не смогла. Стояла и, чуть запрокинув голову, смотрела на сосредоточенное выражение его лица... Слышала, как, освобождая каждую пуговку из плена петель, он на мгновение задерживает дыхание, и чувствовала, как все сильнее бьется мое сердце. А он расстегнул еще... еще... и еще одну... Замер, не глядя на пуговицы, хрипло спросил:

– Дальше сама справишься? – и поднял на меня взгляд.

Я стремительно отвернулась, потому что, стоило нашим взглядам встретиться, как мне вдруг стало очень тепло, даже жарко.

– Справлюсь, – тихо сказала я.

Инар отошел, а потом и вовсе вышел. Из-за двери до меня донеслось:

– Снимай все, я без твоего разрешения не зайду.

А мне хотелось сказать: «Не уходи».

Торопливо разделась и с наслаждением надела ночную рубашку. Что-то теплое и сухое после отяжелевшей мокрой одежды казалось чудом. А платье промокло полностью, даже под непромокаемым передником, видимо, вода от ворота затекла. Когда развешивала свое белье, была очень благодарна Инару за вымытый пол – ходить-то пришлось босиком.

В двери постучали.

– Входи, – сказала я, доставая из передника свертки с пирожками, которые дала в дорогу тетя Матрена.

Инар тоже переоделся и теперь был в брюках и рубаше не по размеру.

– Чулки нашел, – сказал он, протягивая мне теплые шерстяные вещи, – нижнего белья по сундукам не было. То ли забрали его с собой, то ли оно тут в приданое не входит.

Я была благодарна и за чулки – ноги все еще оставались ледяными. Села на перину, начала растирать стопы.

– Давай помогу, – и, не дожидаясь ответа, маг осторожно сел рядом, бережно переложил мои ножки к себе на колени. – Ты совсем холодная.

Его руки были теплыми, а прикосновения казались почти обжигающими. Он молча растирал докрасна, потом сам мне надел чулки, натянул их до коленей... остановился, хрипло произнес:

– Дальше сама.

И опять ушел. Вернулся с медным чайником, который поставил прямо

в огонь, и подносом.

– Нашел чашки, сахар даже, чай, еды нет.

– На камине пирожки греются, – обрадовала я.

– Да? Откуда?

– Тетя Матрена дала.

– А-а-а, ваш незаменимый ведьминский передник! – Инар улыбнулся, опять вышел.

Вернулся со столиком, на котором еду в постель подавали. Поставил его на перину и снова вышел. Потом дров принес в три приема, потом подушки и несколько одеял. По секрету сообщил мне про нужную комнатку и даже дал тапочки и свечку – для комфортного похода в оную.

Когда я вернулась, Инар уже разливал чай, и пирожки тоже находились на столике.

Я покопалась в фартуке, достала порошок от простуды для себя и три порошка – восстановления сил, от ломоты в мышцах и тоже от простуды, для него.

– А не краска для яиц, нет? – с насмешкой спросил маг, но все послушно выпил.

Я дождалась этого момента, чтобы ехидно ответить:

– Что ты... всего лишь тройная доза слабительного!

Он на мгновение замер, а потом повалился на подушку от хохота. Смеялся долго, а едва успокоившись, весело спросил:

– Полагаешь, первая волна наступления умертвий прицельно атакует туалет?

Представила себе толпу зомби, рвущихся в нужную комнатку, а с другой стороны Инар держит дверцу и орет: «Занято!» Хохотала я долго и издевательски, в итоге получила подушкой от Инара. Перестала хохотать, села. Посмотрела на мага и снова повалилась на подушки, не в силах сдержаться.

– Что? – возмущенно спросил он. – Да в чем дело?

С большим трудом я взяла себя в руки, села и постаралась пить чай, не фыркая от смеха.

Потом вдруг осознала сказанное Инаром и веселиться расхотелось.

– Вопрос, – кусая пирожок, произнесла я, – что ты имел в виду под первой волной умертвий?

Инар, который как раз примерялся к пирожку, замер, посмотрел в сторону окна, за которым уже совсем стемнело, и тихо сказал:

– Нам сейчас нужно поесть, потом мне желательно хоть немного поспать... В полночь будет не до сна мне, а тебе к этому времени

желательно придумать что-то с метлой.

– Метла самовосстанавливающаяся, к утру будет целая, – отозвалась я.

Подумала, встала, достала еще три порошка, восстанавливающих силу, и принесла Инару.

– Пей сейчас, период активного действия у них только через пару часов начнется. – Я снова села рядом со столиком, взяла чашку в руки и решилась спросить: – А как ты... будешь сражаться? Если магию тут блокируют...

Он молча указал на ножны с мечом, которые сейчас небрежно лежали неподалеку от камина.

– Я все-таки боевой маг, – Инар криво усмехнулся, – именно для таких случаев нас и обучают фехтованию.

– Ясно, – сказала я и отставила чай в сторону.

Есть уже тоже не хотелось.

– Ярусь, – Инар перенес столик на пол, сел ко мне ближе, обнял за плечи. – Ярусь, все будет хорошо, я не самый слабый мужчина на свете. Я справлюсь. Все будет хорошо.

Молча смотрю на потолок – странно, после его слов все мокрым не стало. Хотя стало – по щекам потекли слезы... они начали стекать по подбородку и капать на грудь...

– Ярослав...

Рубашка на мне была большая, стоило вздрогнуть – и она подло сползла, обнажив плечи... Инар осторожно поправил ткань, натягивая ее обратно.

– Ярусь...

– Мы все умрем, – сказала я.

– До рассвета продержимся, – уверенно произнес Инар.

Я подумала немного и с надеждой предложила:

– А если ты станешь демоном?

Он отрицательно покачал головой, потом пояснил:

– Как демон я сильнее физически, но... понимаешь, тело демона очень сильное, но не мое, я не привык к этой форме. Мне мешают крылья, ходить на копытах непривычно, и хвост постоянно под ногами путается. В бою нужно отчетливо знать, на что можешь рассчитывать, я привык рассчитывать на свое человеческое тело. В нем я быстрее, увереннее и смогу вести бой, не отвлекаясь на мысли о том, как бы на хвост не наступить. Но в крайнем случае я... да, стану опять демоном, рогатым и хвостатым.

– И копытатым, – вставила я.

Инар улыбнулся.

– А если улететь? – опять внесла предложение я.

– Куда? – тихо спросил маг. – Вокруг лес, в лесу полно нежити. Днем мы сможем пройти вдоль реки, а сейчас это самоубийство.

Я отчетливо понимала, что он прав. А еще то, что в противостоянии нежити Инар смыслит больше, чем я. А еще...

– Инар, – я села лицом к нему, – тут же река. И частокол, и это территория гарнизона, она же укрепленная. И здание... и окна с решетками! И ты же двери забаррикадировал и...

Вдруг поняла, что у меня начинается истерика. Руки дрожат, по щекам слезы, а мысли мечутся, словно птицы в клетке, в поисках хоть какой-то лазейки... а ее нет! И он сидит сейчас совершенно спокойный, а потом пойдет умирать! Тоже совершенно спокойно! И даже мне ничего не скажет... Как тогда, когда дал зелье и пошел умирать, бросив вызов магу-отступнику! Только на сей раз его никто обращать не будет, его просто убьют и разорвут на кусочки и... Нежить, она же живыми питается!

– Инар... – простонала я.

– Ярусь, все будет хорошо, – он потянулся, обнял, поцеловал в лоб, – все будет хорошо, обещаю...

А я тихо плакала и всхлипывала и, обняв Инара, забралась к нему на колени, прижалась и, уткнувшись в его шею, заревела в голос.

– Ярусь, – он осторожно гладил по спине, по плечам, с которых рубашка снова сползла, – Ярусик, ну не плачь... Ярусь.

Мне тут «не плачь», а сам умирать пойдет!

Я все еще редела, когда почему-то вдруг прижалась к его шее не носом, а губами. И шея у Инара была вся соленая, но такая, что я поцеловала его еще раз. А он замер, напрягся и вдруг тихо простонал:

– Ярослава, не делай так...

Вздрыгнула, оторвалась от его шеи и посмотрела в потемневшие глаза мага. Огонь от камина бросал отсветы на лицо Инара, и в свете пламени маг казался нереально красивым... А еще я отчетливо понимала, что если не поцелую его сейчас, то, скорее всего, больше никогда... Потому что уже утром Инара может просто не быть. И это, возможно, мой последний шанс быть с ним рядом.

Закрыв глаза, я потянулась к его губам. Поцеловала окаменевшего, напряженного, дрожащего... испугалась своей смелости на мгновение, чтобы спустя это самое мгновение обнять его лицо ладонями и снова целовать, чувствуя, как «орель» расправляет крылья, и почему-то даже не сомневаясь в правильности своих действий.

А потом Инар простонал, сжал меня, словно вжимая в себя, и поцеловал сам, уничтожая даже мысль о сопротивлении. Его губы сминали мои, лаская и обжигая, прикусывая и сжимая, вторгаясь глубже, так глубоко, что теперь мы даже дышали друг другом. А там, внизу, я уже ощущала разливающееся по бедрам тепло и как-то по-особому твердость его тела... И ни одна книга не смогла бы объяснить, почему именно эту часть его тела я так отчетливо ощущала сквозь тонкую ткань моей рубашки и не очень тонкую его брюк. И еще так хотелось прикоснуться, почувствовать... и рука плавно двинулась туда, пальцы нащупали шнуровку, а тихий, протестующий рык Инара прибавил смелости...

Но маг был против.

Не прерывая поцелуя, он перехватил мое запястье, потом его рука скользнула вниз и сжала мою кисть, а пальцы осторожно погладили тыльную ее сторону... От такого простого движения я забыла обо всем на свете и, тихо простонав, сжала бедра, в попытке стать к нему ближе. На мое движение Инар ответил сдавленным стоном, и его свободная рука переместилась со спины ниже и нетерпеливым движением он прижал меня к себе. И снова, и еще... и глухой рык откуда-то изнутри, чтобы почти болезненно обхватить обеими руками мою талию в попытке прекратить это безумие.

Инар отодвинул меня, крепко удерживая и не позволяя снова его поцеловать. Просто держал за талию на вытянутых руках и смотрел на меня. А я... мне оставалось только одно:

– Отпусти! – хмуро приказала я магу. – Отпусти немедленно.

Отпустил. Медленно вернул на прежнее место, и это было его фатальной ошибкой. Мы потянулись друг к другу одновременно, сливаясь в неистовом поцелуе, и я словно оказалась подхвачена течением стремнины, уносясь куда-то вдаль, где все тело принадлежало не мне... и это мне нравилось. В какой-то момент руки Инара заскользили по бедрам, обжигая теплом прикосновения, поднялись выше, чуть задержавшись на изгибах, скользнули выше, и рубашка была снята одним движением.

– Ярусь, – на меня смотрели с таким обожанием, что это даже как-то смутило, – ведьмочка моя, хватит... Не место и не время и...

Его руки от талии скользнули выше, накрывая грудь, чуть сжали, и уже стало не важным и место, и время, и вой ветра за окнами, и дождь, сотрясающий стены. Весь мир сузился до нас двоих, и в то же время накрыло четкое осознание происходящего. И так хотелось этого запретного, манящего, сладостного, от которого сладкой судорогой сводило напряженное от невыразимого ожидания все тело. И я загорелась желанием

увидеть его без рубашки, как видел он меня.

– Ярусь, – простонал демон, глядя в мои глаза, которые явно чуть расширились в момент, когда я нагло стаскивала с него рубашку. – Ярослава...

И рубашку я сняла... Его руки опустились на мою талию, прижимая ближе, крепче, позволяя ощутить его кожу и выгнуться от невыразимого удовольствия, подставляя грудь жадным губам, чтобы тихо постанывать при каждом прикосновении... И шептать его имя, чувствуя, как поцелуи спускаются ниже... И ощутить холодок перины, одновременно с его прикосновениями к животу, когда он прижался к нему лицом, губами. И резко вскинулся, подминая под себя, накрывая всем телом, приникая к моим губам, чтобы целовать нежно, возбуждающе. То вторгаясь языком, то чуть прикусывая нижнюю губу, вызывая очередной хриплый стон. И мне казалось, что я горю под ним, под его натиском, под той волной невыразимого удовольствия, которое носило имя Инар Арканэ... Пальцы сминали ткань перины, ногти оставляли на спине Инара кровавые росчерки, его плечи были искусаны мною же до крови, но ему этого было мало! И в очередной раз его руки ласкали везде, обходя то, что так молило о прикосновении. И я не выдержала:

– Инар... Инар, я тону...

– Еще нет, – прошептал маг...

И волна нахлынула, заставляя содрогаться всем телом, выгибаясь и шепча его имя в полубессознательном состоянии...

Я горела в огне, бессвязно шепча что-то про него, любимого, о чем-то просила, чего-то требовала, что-то говорила, не слыша своих слов. Не слыша ничего, кроме его дыхания... Не ощущая ничего, кроме его прикосновений...

И когда Инар был почти во мне, он замер, позволяя осознать, что готов остановиться даже сейчас, даже так, даже после всего, что было, я лишь выгнулась к нему навстречу, обнимая ногами и руками, не позволяя отстраниться, и только прошептала:

– Просто не останавливайся...

И мучительно-восхитительное ощущение его вторжения, такого желанного и такого болезненного... Но даже в этот миг я не желала его отпускать, выгибаясь навстречу, прижимаясь всем телом, обнимая сильнее.

– Ярусь, – прошептал Инар, – Ярусь... стой... Я не могу так, не держи... Ярусь... Стой. Я не могу сдерживаться... Дай мне минутку... Остановись...

Остановись – это не то, на что я сейчас была согласна. Где-то внутри

что-то рвалось навстречу новым ощущениям, и я снова потянулась к нему, обвивая руками, притягивая к себе, впиваясь губами в плотно сомкнутый рот и чувствуя, как напрягаются его мускулы под руками, как увеличивается вес его тела, восторженно глядя, как рвутся из спины крылья древнего, исписанные сверкающими рунами.

– Яра! – зарычал монстр.

Он оторвал мои руки от себя и, прижав запястья к перине, совершил первое, самое первое движение внутри меня. Осторожно, не утратив страха причинить мне боль, осторожно, но так сладко. И так мучительно...

– Инар... – простонала я, выгибаясь вновь. – Мне... мало...

Я чувствовала это всем телом, чувствовала столь отчетливо, что, отбросив смущение, простонала:

– Я хочу сильнее... быстрее... и, – распахнув глаза, я взглянула на него, огромного, сильного, темнокожего, в котором от прежнего Инара остались только глаза, а по телу сверкающей россыпью змеились древние руны и прошептала: – Я хочу чувствовать тебя...

Демон усмехнулся и перестал сдерживаться, выпуская всю звериную мощь своего тела. И если прежде это были волны наслаждения, сейчас все было иначе. Я горела, разрываемая нарастающим ощущением чего-то жизненно важного, без чего просто невозможно жить. Я сгорала в огне, бессвязно шепча что-то про него, о чем-то просила, чего-то требовала, что-то говорила, не слыша своих слов. Не слыша ничего, кроме его дыхания... Не ощущая ничего, кроме его движений... Не понимая ничего, кроме осознания, что мне никогда еще не было так хорошо... И мне хотелось обнять его, прижаться, разделить этот жар, но Инар продолжал удерживать запястья, не позволяя своевольничать... И, распахнув глаза, я увидела его взгляд – напряженный, восторженный взгляд чуть сверкающих красными и ярко-фиолетовыми отблесками глаз древнего пробудившегося демона... Демона, который сдерживался из последних сил, просто опасаясь причинить мне вред... в следующую секунду бастион его сдержанности пал к моим ногам. И пламя мы разделили на двоих.

Несколько минут мы просто лежали, пытаясь отдышаться. Затем Инар с тихим стоном отстранился, лег рядом и сразу прижал к себе, не позволяя ощутить холод. Невольно посмотрела на камин – пламя уже погасло, горела только одна свеча...

Рука Инара плавно двинулась по бедру, осторожно спустилась вниз, его пальцы нежно прикоснулись, погладили, и маг поднял руку.

– Кровь, – тихо сказал Инар, – и много... Тебе не больно?

Я прислушалась к собственным ощущениям и тихо ответила:

– Нет... совсем...

– Это хорошо, – Инар начал осторожно целовать мои плечи, – а вот кровь – плохо. Очень плохо.

– Почему? – Станный у нас разговор получался.

– Потому что ее почувствуют, а я собирался закрыть тебя наверху, – глухо ответил он.

Его лицо на мгновение стало каким-то чужим, а после Инар раздраженно произнес:

– Я несдержанный дурак! Должен был подумать... Должен! Какого демона я поддался?! Теперь срочно нужно думать, что делать!

О чем думать? На что поддался? Он что, жалеет? Мне вдруг даже как-то нехорошо стало. Как-то вдруг совсем-совсем нехорошо и даже до слез обидно.

Но маг не смотрел на меня в этот момент. Он почему-то пристально смотрел на камин и вдруг прошептал:

– Это странно, но...

Инар чуть напрягся и направил руку в сторону камина. С его обгаренных моей кровью пальцев сорвался огонь. Маг вздрогнул, сел. Непонимающе посмотрел на свои ладони, направил их в сторону камина повторно – дрова, до этого сваленные кучей, поднялись и разместились в камине. И опять же выпустив огонь, Инар их поджег.

– Не понимаю, – растерянно произнес он, – блокировка стоит, я ее ощущаю как вакуум, но... на меня это не действует. Все равно как дышать под водой. Я... не понимаю!

И он вскочил, торопливо оделся, выбежал из комнаты.

А я осталась одна, обнаженная, испуганная и растерянная.

А еще стало так стыдно... И горько... И обидно. И начали вспоминаться все слова, что успела ему наговорить.

Встала, торопливо стерла последствия тыгыдымса, о котором вспоминать вдруг стало совсем стыдно. Надела рубашку. Снова села, натянула одеяло до подбородка и тихо заплакала, едва в поле зрения попало кровавое пятно на перине. А внизу ревело пламя, выплетались охранные заклинания и смертельные заклатья. К тому времени, когда Инар выстроил вокруг здания заклинание абсолютной защиты, я провалилась в сон, глотая горькие соленые слезы сожаления. Зачем я это сделала? Зачем... Мне было так горько и так стыдно... Зачем? Что он теперь обо мне подумает после всего, что было! После всего, что я говорила и что делала... После всего, что позволила делать ему... Как стыдно... И как... горько.

– Ярусь... Ярусик, утро уже, нужно идти. Яруся... – тихо звал Инар.

Я открыла глаза, посмотрела на его искусанные и исцарапанные мною же плечи, все вспомнила и поняла, что сейчас у меня будет истерика. Резко отвернулась от мага, стараясь скрыть слезы. И... как я могу теперь смотреть ему в глаза? Как...

– Ярослава? – встревоженно произнес Инар.

– Что? – голос у меня был хриплым.

– Ярусь, – он попытался обнять, но я резко дернула плечом, вырываясь. – Ярослава, в чем дело?

– Ни в чем, – незаметно вытерла слезы краем одеяла.

– Тогда что с тобой?

– Ничего!

Стремительно поднявшись, я ушла в нужную комнатку. Там и нареветься успела, и себя в который раз обругать, и... решить, что по возвращении в академию быстренько соберу вещички и смоюсь в Ведическую школу, и пусть меня Верховная хоть на веревочки режет, я к магам не вернусь.

В двери осторожно постучали.

– Занято, – хмуро сказала я.

– Да я и... Ярусь, я только хотел узнать, что с тобой. Ты там долго, и я волнуюсь...

– Иди поволнуйся за Лин! – сорвалось с губ, прежде чем я сама поняла, что говорю.

И дверь Инар вырвал. Просто вырвал, держа за ручку, а потом брезгливо стряхнул с руки и вошел. Я, к сожалению, сидела на полу между умывальником и зеркалом. А жаль, сидела бы на «нужном месте», ему стало бы стыдно.

– Что происходит? – едва не рыча, спросил демон.

– Жизнь прекрасна и удивительна! – резко поднимаясь, ответила я. – Тебя что-то не устраивает?

– Ты, – хмуро ответил Инар.

– Так у тебя есть замена. Молодая, красивая, и кровь у нее ух какая, с первородными связанная!

Несколько мгновений Инар молчал, затем глухо произнес:

– Я тебя не узнаю, Ярусь.

– Меня зовут Ярослава! – Но я и сама себя не узнавала, если честно.

– Хорошо, – Инар был уже полностью одет в отличие от меня, зябко поеживающейся в ночной рубашке. – Хорошо, Ярослава так Ярослава. И вот скажи мне, Ярослава, что на тебя нашло, а?

Я опустила голову и едва слышно ответила:

– Осознание совершенной глупости.

Инар застыл. Я молча вышла из туалета и пошла одеваться.

Начинался новый день, нужно было спешить к главному, и не нужно было думать о том, что произошло.

В комнате меня ждала сожженная до основания перина и готовый чай на блюдечке... с голубой каемочкой и пирожком в придачу. Но есть не хотелось совершенно. Я очень быстро оделась, достала расческу, расчесала и заплела волосы. Шляпка оказалась безнадежно испорчена, ее без сожаления бросила в камин. Горела она весело, вот только мне было очень грустно. Но я смотрела на огонь и улыбалась.

– Знаешь, – послышалось от двери, – никогда не думал, что ты такая.

– Я тоже была о себе лучшего мнения.

Когда покидали место ночлега, это были просто очень злая ведьма и безумно злой демон. Самое ужасное, что, как выяснилось, лететь нельзя, Инар был уверен, что над лесом будут курсировать маги-отступники, а потому он принял решение идти пешком... на горе любой нечисти. Потому что одно дело Инар без магии и совсем другое дело с ней.

Ворота крепости Инар снес силовой волной. За ней оказались толпы страждущих нашей плоти – маг достал меч и пошел их облагодетельствовать. Облагодетельствованные уползали, кто на чем мог, один череп пытался вгрызться в землю, но сорвавшийся на нем зло Инар использовал заклинание успокоения, лишая умервие жизненной силы.

А я молча шла следом по расчищенной и выжженной магом дороге, глядя на его напряженную и какую-то разгневанную спину. А еще украдкой вытирая горькие, никому не нужные слезы. И уже на выходе из деревни я оглянулась на здание, в котором произошла моя первая ночь с мужчиной... Здание, облепленное издохшей нежитью, выглядело жутко. Судя по всему, когда Инар применил заклинание абсолютной защиты, нежить ползла по стенам вверх... там и подохла.

– Ярослава, – поторопил маг.

Неторопливо пошла за ним. Пока за ним, а потом в школу и чтобы глаза мои его больше не видели... А как вспомню, что вчера было, хоть волком вой!

Над рекой мы пролетели. Инар использовал магию и перенес нас. В момент полета какой-то крокозябл пытался высунуть щупальца... определенно, конечностей после этого у него стало гораздо меньше.

Едва мы вступили в лес, я услышала далекое:

– Ярослава!

Замерла, удивленно вглядываясь, и увидела Ташши! Некромант бежал к нам, за ним эльф, и они оба были живы!

– Ташши! – я от радости даже запрыгала. – Ташши, ты живой!

И я побежала к нему навстречу. Некромант налетел, сжал в объятиях, приговаривая «Ярослава, свет мой», а я разревелась и от счастья, что все обошлось, и от того, что он рядом, и вообще.

– Ярослава, – Ташши отбросил челку, вгляделся в мое лицо, – маленькая моя, что случилось?

И вот как ему ответить? Я продолжала радостно реветь, благо повод есть – все живы.

– Ярослава, – магистр Эльррис подошел, оторвал от Ташши, вгляделся в зрачки, – ну вы в порядке, если не считать зареванного вида. Мы рыдали всю ночь?

Я резко вырвалась из захвата цепких эльфийских пальцев, вытерла слезы и только сейчас заметила, в каком состоянии и эльф, и некромант. Они были покрыты чужими останками, тремя видами крови, да и вообще вид у них был крайне непрезентабельный.

– Ранения? – охрипшим голосом спросила я.

– Ни царапины, – ответил магистр, – а у вас с адептом Арканэ?

Шорох сухих листьев ознаменовал появление Инара, он же и ответил:

– Мы невредимы, нас спасла магия.

Где-то совсем рядом сгорело очередное умертвие.

– У вас сохранилась магия? – судя по тону, эльф был поражен этим фактом до крайности. – Но как? Даже мои силы, подпитанные кровью первородных, не способны пробить заслон. Адепт Арканэ, как вам это удалось?

– У меня... свои методы, – хрипло ответил Инар, – и весь резерв ведьмы.

Меня как водой окатило. Ледяной такой, из колодца глубокого.

– Сволочь, – тихо сказала я и пошла по тропинке вперед.

Догнал меня Ташши, схватил за руку, попросил объяснить, что случилось. Но я больше не ревела, впрочем, и жаловаться не имела никакого желания. Посему начала выпрашивать, что случилось и как они выбрались. Информация не радовала.

– Это было направленное нападение, – включился в разговор магистр Эльррис, – причем удар был нацелен на вас, Ярослава.

Я так и споткнулась прямо на тропинке. Ташши поддержал... в радиусе метров в сто сдохла вся нежить. Потом некромант снова взял меня за руку... заклинание «Полное уничтожение» смело какого-то зомбика, пытающегося уползти на руках.

– Вы напрасно растрчиваете силы, – укоризненно произнес магистр Эльррис, обращаясь, естественно, к демону.

Инар промолчал и также молча пошел вперед, убивая все, что пыталось не то что напасть, сбежать!

– Какая невероятная мощь, – восторженно шептал эльф, следуя за ним.

Мы с Ташши замыкали. Разговор не клеился, потому как нить повествования я теряла постоянно, думая все больше о своем... Интересно, а с Лин первый раз у него тоже был в экстремальных условиях? Раньше меня этот вопрос никогда не волновал, а сейчас волнует... Все волнует. Перед глазами пронесся момент в академии, когда, даже обнимая Лианну, Инар смотрел на меня, но она этого не замечала. Счастливая, влюбленная, уверенная в его чувствах... И сейчас мне было больно за нас обоих. А ведь Лин ради него всем рисковала... и что в итоге? Инар забыл о той, кого так долго добивался. Теперь он добился моей благосклонности. Кто станет следующей фавориткой?

Неожиданно Инар остановился. Закрыв глаза, раскинул руки, из его груди метнулось поисковое заклинание. Где-то впереди послышался удивленный возглас, и мы услышали отдаленный крик:

– Они живы!

Этот факт решили опровергнуть две мавки. Однако не успела я испугаться, а магистр Эльррис вскинуть лук, как Инар смел обоих потоком чистого огня. Чудища сгорели, не успев даже пикнуть.

– Невероятно, – вновь произнес эльф.

– Ярослава, ко мне! – резко приказал Инар, игнорируя эльфа.

И я подошла. Встала за его спиной, в тот же миг маг отправил послание. Эльф подошел и вскинул лук, Ташши достал меч из ножен. Не понимаю, мне казалось, что впереди свои.

– Они нашли нас, – тихо сказал Инар.

– Впереди магистр Рханэ, нет смысла сейчас принимать бой, – ответил

Эльрис.

– Смысл есть, – заявил маг, и мне очень не понравился его тон, – они нас хотели? Удовлетворю их желание. По полной программе. Вы не вмешиваетесь!

И Инар вышел из круга, в котором мы оказались заперты.

Они появились на той же тропинке, по которой сюда пришли мы, значит, догоняли. Шесть огромных магов-отступников, с черными лицами, пустыми глазами и длинными белыми волосами. Каждый был не менее трех метров роста, а значит, это сильные, очень сильные маги, пожравшие не одну сущность. Как жалко и нелепо смотрелся на их фоне стройный, относительно невысокий темноволосый Инар.

– Они его сметут! – рыкнул эльф и попытался выйти из круга защиты, но его отбросило назад.

Ташиши также попытался освободиться, но защита, видимо, как не выпускала, так и не выпускала. Зато слышали мы все превосходно.

– Обращенный... – прошипел один из отступников, скользя по траве к Инару.

Маг подлетел к адепту, закружился вокруг него, вплетая нити подчинения в заклинание принадлежности. Инар опустил голову, словно теряя контакт с собственным сознанием, но в следующее мгновение его руки раскинулись в стороны, и пламя, чистое белое пламя, смело магов и лес, образовав ровную черную просеку. Это случилось так быстро, что тот единственный маг-отступник, который находился позади Инара и только благодаря этому выжил, лишь удивленно приоткрыл рот.

– Здравствуйте, дяденька, – прошипел Инар, разворачиваясь к отступнику.

Шорох кустов, топот ног – и главный выбежал на поляну. Вскинул руку, направив на отступника... Я отвернулась, не желая видеть, как сущности пожирают тело мертвеца.

Затем лопнул защитный купол, и я услышала восклицание, полное облегчения: «Живы и даже здоровы!» Наш министр магии устало опустил на пенек. Глядя на главного, с удивлением заметила серебро седины на его висках, а министр мне улыбнулся и спросил:

– Что, постарел я?

Он поднялся. Тряхнул головой, словно прогоняя усталость, и с наигранной веселостью сказал:

– Ну что, дети мои, как вам на войне, а? Весело?

А после стремительно повернулся к Инару. И взгляд магистра был весьма и весьма далек от добродушного. Главный еще раз внимательно оглядел просеку, затем хмуро произнес.

– Ярослава, Ташши и магистр Эльррис, ступайте вперед, там наши войска. У нас с адептом Арканэ неприятный разговор намечается!

Стоит ли говорить, что, когда мы уходили, я просто-таки вся обратилась в слух. Но единственное, что расслышала: «Ой, дурра-а-ак...» – и насмешливое: «Лет пять веселой жизни ты себе обеспечил!»

Больше услышать ничего не удалось, Ташши позвал, и пришлось идти. Зато теперь точно знала, что главный Инара не убьет, это радовало. Все остальное – не очень, но хотя бы жить будем.

Выйдя из кустов, мы оказались на поляне, заполненной войсками и боевыми магами. Было тут и шесть прорицателей, причем в звании магистров. Вот к ним меня и повел Ташши, причем сразу. С ходу и заявил:

– Это ведьма Ярослава.

Кто-то в рядах магов его поправил:

– Ведьмочка...

И все маги уставились на меня. Брр!

На поляну вышел главный, следом за ним Инар, старательно разглядывающий траву под ногами.

– Выдвигаемся к кладбищу, – скомандовал министр Рханэ.

И потерял к присутствующим всяческий интерес. Полог тишины накрыл серой пеленой их лица с Инаром, и они о чем-то продолжали говорить, причем главный иной раз жестикулировал, а адепт держал руки в карманах брюк и время от времени кивал. И вот о чем у них разговор, интересно?

– Не могу понять, – произнес один из магов, – магистр Рханэ всегда отличался невероятными способностями, но и этот парень тоже сейчас свободно использует доступ к энергии!

– Этот феномен необходимо будет изучить, – магистр Эльррис оказался рядом. – У адепта Арканэ огромная сила. Феноменальная, я бы даже сказал. И неограниченный ресурс. Видели бы вы, как он генерирует энергию чистого огня!

– Да умертвие с ним, с огнем, – высказалась одна из магинь, – он способен использовать силу здесь! Только он и магистр Рханэ – в чем тут секрет? Нет, это определенно необходимо изучить!

Я вдруг заметила пристальный взгляд эльфа. Щеки мои приобрели пунцовый окрас, и магистр Эльррис мгновенно отвернулся, проявляя

тактичность. Но после, когда мы уже шли по дороге в окружении войск, эльф осторожно взял меня под локоток, чуть придержал, заставляя оказаться с ним позади обсуждающих невероятную силу Инара магов. И когда все прошли вперед, тихо спросил:

– Ярослава, а... чем вы ночью занимались?

– Спала она, – нас догнал главный, властно взял меня за плечо, отодвигая и становясь между мной и эльфом. – Она спала, адепт Арканэ воевал с нежитью. Что непонятно?

Эльф, изрядно потрепанный после ночи, проведенной в полном нежити лесу, тряхнул серебристыми волосами и тихо произнес:

– Ни я, ни другие маги не в силах здесь использовать энергию, и только двое сильны, как и прежде, и плевать хотели на все действия магов-отступников. И вот что любопытно – за спиной каждого из этих магов хорошенькая своевольная и, безусловно, безумно влюбленная ведьмочка!

Главный расхохотался ему в лицо, потом обернулся, увидел мою раздосадованную мордашку и расхохотался громче.

– Эльф, ты сказочник, – магистр обнял меня за плечи. – Ярослава, а о тебе разговор особый. Давай-ка мы сейчас забудем о том, что вы с Инаром едва выжили и были на волосок от смерти, и хорошо, что до острога добрались, и там, всю ночь сражаясь с полчищами монстров, с трудом до рассвета дожили... И поговорим о важных делах.

– О каких? – угрюмо спросила я.

Сияло яркое солнышко, птиц, правда, не было нигде, а ветерок шуршал листвой, которая почему-то все еще была зеленой, как летом. Но солнце светило по-осеннему.

– Ты помнишь, почему ведьмочек прислали в академию? – начал главный. – Нам нужны были ваши пусть и слабые, но устойчивые способности к предсказанию. Так уж получилось, что за последние семь лет с факультетом Предсказаний происходило что-то странное – маги лишались сил. Доходило до того, что к выпускному из ста предсказателей доходило пять-шесть, и то крайне слабых. Тревогу мы забили сразу, но суть в том, что энергия – как волны, иной раз в какой-то области наблюдается значительный отлив. А прорицатели нам нужны, просто жизненно необходимы. Маги-отступники идут в наступление, они более трехсот лет копили силы и сейчас готовы к главной битве. Мы не готовы, кстати, да и вообще война дрянь.

И тут я спросила:

– Но ведь маги-отступники сильнее, да?

– Да, Ярослава, они сильнее. Но, видишь ли, мужик силен, если у него мозги работают. Так, сильный потянет воз сам, умный запряжет лошадь. Мы предпочитаем запрягать лошадь. Но не будем касаться вопросов использования магической энергии, дело в том, что есть подозрения насчет обращенных, затесавшихся в наши ряды.

– Этого быть не может! – уверенно заявила я.

– Да? А те маги, которых Инар убил в невменяемом состоянии, оказались обращенными! – огорошил некромант. – Не пугайся, Ярославушка, мы сами как-то тоже сразу испугались. Тут и вспомнился нам случай с Лианной.

Я споткнулась, но главный поддержал. После поманил Ташши, и племянник присоединился к нашему трио.

– Пора тебе узнать кое-что о Лин, – магистр Рханэ посмотрел на племянника. – Суть в том, что за девушками из рода Лианны охотились давно, ведь кровь первородных и человека в столь незамутненной пропорции – редкость. Потому-то поместье семьи Эльвейс всегда находилось под нашей защитой... особенно после того, как была украдена старшая сестра Лианны.

Мы как раз вышли к палаточному городку, разбитому у огромного старинного кладбища. Министр увлек меня к зеленому круглому шатру, и, войдя, я сразу поняла, где отдыхает некромант, – это покрывало на узкой постели вышивала явно Верховная.

– Ты иди спать, – обратился к Ташши министр, – едва на ногах держишься, остальных прошу занимать места за столом.

И пока мы рассаживались, на стол прилетели чашки с чаем, а вот племяннику некромант отнес чай сам. Даже помог расстегнуть куртку и, уложив, заботливо укрыл.

– Спи, – скомандовал с улыбкой, – ты мне ночью будешь нужен.

И после этого вернулся к нам. Я сидела с краю, рядом эльф. Инар, пытающийся поймать мой взгляд, устроился напротив, главный сел рядом с ним. Взял свою чашку, сделал первый глоток и блаженно прищурился. Я вдруг поняла, что он тоже всю ночь не спал.

– Так вот, – вернулся некромант к прерванному разговору. – Старшая сестра Лианны была украдена практически за сутки до свадьбы. Девушка выбежала из дома в поисках чего-то там для платья и не вернулась. Ее обескровленное тело мы обнаружили на кладбище спустя несколько дней.

У меня руки задрожали, и я постаралась обуздать воображение.

– Прости, Ярослава, – с грустью произнес главный, – Василена бережет вас от реалий этого мира, оттого и школа закрытая, ну да я должен

все объяснить. Это был страшный удар для родителей Лианны. Да и для Лин, которая очень любила сестру. Горе оказалось для нее тяжелым грузом, но на фоне гнева и ярости проснулась ее магическая сила. После похорон Лианна начала настаивать на своем поступлении в Академию прикладной магии, на отделение боевой магии. Сначала ее просьбы приводили родителей в ужас, однако Лин объясняла свое желание тем, что, обладая знаниями, хотя бы сможет защитить себя. И лорды Эльвейс дали согласие, но, правда, и ко мне обратились за помощью. К нашему общему удивлению, Лианна прошла вступительные испытания и поступила в академию. Тут я и попросил двух адептов присмотреть за наследницей крови первородных. Догадываешься, кого?

Я отрицательно покачала головой.

– Инара и Танаэша, – с улыбкой произнес главный. – Они были и остаются сильнейшими.

Взглянула на Инара, нервно сглотнула, наткнувшись на его пристальный взгляд, и опустила глаза. Не могу я на него смотреть... просто не могу.

– Со временем, – продолжил некромант, – Лин и Инар подружились. Но для всех Инар был безнадежно влюбленным, потому что постоянно следовал за Лианной, особенно вне стен академии, и удалял от нее всех, кто казался подозрительным. В прошлом году на Лианну было совершено нападение в стенах академии, что казалось невероятным. Инар вмешался вовремя, но двое адептов погибли. Не буду скрывать, в их гибели обвинили Арканэ, а мы не стали опровергать слухи.

Я потрясенно смотрела на главного, а он улыбнулся мне, зная о моей впечатлительности.

– Дальше произошло вполне закономерное – Лин и Инар оба молоды, привлекательны, а теперь он спас ее жизнь, причем буквально вырвал из лап двух обращенных. Не скрою, тот факт, что они стали встречаться, меня обрадовал.

А я не смотрю на Инара. Просто даже смотреть не буду!

– После нападения мы переселили Лианну в городскую квартиру, в здание, где проживают работники министерства магии...

Главный не сказал, что Инар жил с ней. Хотя это уже и не требовалось объяснять, и так все ясно.

– ...И я практически был спокоен, но Лианна, Рес и Аниас, когда были на практике, невольно подставили себя под удар. И охота началась снова. В нее оказалась вовлечена и ты... Дальше ты знаешь. Сейчас мы тщательно прячем Лин под предлогом исключения ее из академии. А теперь

королевство столкнулось с ростом активности магов-отступников. Линия фронта сдвинулась на шесть дней пешего пути, пострадали сотни тысяч людей. Но наступление продолжается. Отступникам требуется кровь Лианны, именно ее, нападений на самую младшую Эльвейс не было ни одного. Вероятнее всего, борьба идет за какой-то артефакт, но мы так и не смогли выяснить, за какой. Аналитики работают, мы задействовали предсказателей, практически провели повторную классификацию всех известных артефактов, и ничего. Воевать с отступниками я не вижу смысла: мы теряем жизни, они – лишь ее подобие, и потому я так стараюсь избежать кровопролитных сражений. Сейчас мы только отступаем, старательно минимизируя жертвы среди мирного населения.

На мгновение главный умолк, хлебнул чаю и продолжил:

– Так вот, переходим к тому, для чего ты понадобилась. Судя по описанию твоего видения, сейчас мы находимся рядом с тем самым кладбищем. Именно здесь погибла старшая сестра Лин, и у меня большая просьба к тебе, Ярослава. Поброди там, постарайся увидеть хоть что-то. С тобой будут прорицатели – они направят. Но мне нужна информация, любая, а из всех ведьмочек видения были только у тебя.

Ох и много у меня было вопросов к главному! И самый животрепещущий: а Верховная в курсе того, что ждет меня здесь? Думаю, нет.

– Хорошо, – я встала, – идемте на кладбище.

– Что? Сейчас? – удивился министр. – Нет, Ярослава, ночью будет лучше.

– А ко мне видение днем приходило, – резонно подметила я и вышла из шатра.

В одном помещении с Инаром меня словно что-то душило, не могу я такое долго терпеть. Не могу. Пусть даже главный правду сказал, но они были вместе и Лин его любит. Действительно любит. Я-то знаю. Да и устоять перед Инаром невозможно, особенно когда он такой заботливый, каким был вчера. Может, и Лианна тоже настояла на их первой ночи. Я не знаю, но на душе от этого не менее горько.

В общем, пошла я... на кладбище. Оно круглое оказалось, на возвышенности, и потому пришлось подняться на три мраморные ступеньки. Странное, совершенно белое кладбище. Там, в видении, оно казалось иным. Оно казалось совсем иным... И я остановилась на входе.

– Ярослава, – позвала магиня в туманном балахоне прорицателей, – поднимайтесь.

Я еще постояла на месте, потом медленно наклонилась и прикоснулась к верхней ступеньке... да так и осталась стоять, согнувшись.

Потому что вокруг меня вдруг сгустилась ночь!

Глухая, тихая, безмолвная. Стало жутко до ужаса, и в то же время было страшно даже пошевелиться.

– Ярусь, – теплые руки обняли, разогнули, прижали к себе.

Я ощущала прикосновения Инара, но не видела его. Я никого не видела, а ведь он был рядом.

– Адепт, отойдите от нее немедленно, – прозвучал далекий голос. – Не смейте вырывать ее из этого состояния! Ярослав в трансе, она видит будущее!

Но Инар не отошел, более того, он меня встряхнул, затем осторожно похлопал по щеке, пытаясь вернуть в мир живых. Потому что это был не живой мир, это было прошлое.

– Прошное, – прошептала я, – это не будущее...

И, распахнув глаза в этой темноте, я начала оглядываться.

– Почему вы уверены, что это прошное? – сказала мне все та же магиня.

А я, отпустив Инара, начала подниматься по ступеням. Поднялась до верха, села и осторожно коснулась последней ступеньки. Мои глаза в темноте отчетливо видели, что она была целой – мои пальцы ощутили скол...

– Она разбита, – говорю почему-то очень тихо, – а я вижу ее целой. Это прошное.

И звуки исчезли вновь. Я была одна. Совсем одна, на заброшенном кладбище, а вокруг шумел лес, ухала сова, где-то далеко кричала лиса, словно маленький потерявшийся ребенок... Из-за туч медленно выплыла огромная, полная луна, но ее цвет...

– Луна красноватая, – прошептала я.

Поднялась, медленно прошла вперед, разглядывая кладбище. И стараясь не пугаться того, как загораются глаза у чудовищ... «Яра, – едва слышный шепот, – Яра...»

– Не отвлекайте, – раздраженно попросила я.

Кто-то рассмеялся... и этот смех был знаком! Кладбище закружилось вокруг меня, срывая обрывки истекшего времени...

– Яра! – огромный каменный демон повернул голову, его глаза горели страшным потусторонним светом.

От страха я едва не заорала, но сдержалась... было жутко...

– Кто вы? – а рука разрывает пуговицы на вороте, пробирается к цепочке и сжимает медальон. – Кто?

– Ярррра, – страшный рев справа.

Я развернулась и нос к носу столкнулась с иным! Иной! Как негатив – все, что должно быть черным, светилось белым, все белое – черно. Он улыбнулся мне белым ртом, пугая черным зубами, и только его глаза были красными, как и у демонических статуй.

– Яррра, – прошептал иной, делая шаг и приближаясь вплотную.

Иные губят дыхание! Они выпивают его до капли, оставляя бездыханный труп. Но иные не ведают имен! Я сжала медальон так сильно, что острый край поранил палец, и капелька крови скользнула с пальца вниз, вызывая дрожь. Значит, я жива, значит, все хорошо.

– Кто вы? – спросила повторно у иного.

Иной обошел меня по кругу, игнорируя тот факт, что пошел против вращения всего кладбища, и прошептал у самого уха:

– Я – твоя смерть!

Сжимаю медальон сильнее, надеясь очнуться... не вышло. Только кровь стекает по груди.

И я в третий раз задаю один и тот же вопрос:

– Кто вы?

Иной остановился, из глаз его потекли кровавые слезы, белое лицо с черным провалом рта исказила болезненная гримаса, и он прорычал:

– Обращенный!

Значит, страж! Маги-отступники оставили стража, бессменного и вечного, обратив в иного и привязав к кладбищу его сущность. Но как это сделать без ритуала? И страшная догадка заставила судорожно стиснуть зубы в попытке сдержать дрожь...

– Ты старшая сестра Лианны Эльвейс... – прошептала я.

Иной дрогнул. Кровавые слезы теперь текли двумя ручейками по белым щекам...

– Я невеста, – мужским голосом прошептал иной. – Я прекрасная невеста... У меня свадьба... кажется, завтра. Да, завтра утром я проснусь, маменька принесет платье, Лин и Эура прибегут тоже. И я буду кружиться перед зеркалом...

Я начала плакать. Молча, но, надеюсь, хоть не кровавыми слезами. Не выдержав, я очень тихо прошептала:

– Ты умерла... несколько лет назад... Тебя убили здесь, на этом кладбище... в ночь перед твоей свадьбой...

Иной застыл. Замер, потом вдруг растворился... появился среди карусели древних могил... начал метаться... И вновь вернулся, тем самым бесполом существом.

– Идем, – он схватил меня за руку, – ты должна увидеть. Ты увидишь, я невеста!

«Нет!!!» – отчаянный рык где-то далеко, но я уже иду следом за иным, петляя между могилами, в которых что-то билось и хрипело. Словно все кладбище сошло с ума... И вдруг все стихло. Я шла, увлекаемая иным, тьма сгущалась... и тишина.

– Идем-идем, это самое интересное. Я часто смотрю... она такая забавная и визжит...

«Ярусь... – донес ветер, – Ярусь, не надо, иди ко мне... Ярусик...»

И я остановилась... рука иного истаяла, не в силах сдвинуть меня с места.

«Ярусь, – шептал ветер, – Ярусь... не оставляй меня...»

Кого? Я вдруг поняла, что теряю что-то важное. Очень-очень важное, что желательно сохранить.

– Идем, – звал иной.

– Куда? – спросила я.

Правая рука, за которую вел меня иной, безвольно висела, левой я задумчиво поглаживала шею. Нужно было сделать что-то другое, но я продолжала гладить шею... потом опустила и левую руку. Что-то глубоко внутри было против. Что-то доказывало, что руку нужно вернуть обратно и что-то найти... Но что можно найти на шее?

– Идем, – требовал иной.

«Останься, – просил ветер, – останься со мной... Ярусь...»

И я осталась. Стояла, испуганно озираясь, и не могла понять, что происходит, а луна была совсем красная. А потом я увидела их – безмолвные фигуры в темных плащах, и среди них...

– Ваэдан Шмидкович? – удивленно произнесла я имя, которое вдруг вспомнила.

Но он прошел мимо меня, как и все остальные. А там, вдали, я услышала крик и визг, полный ужаса. Затем чьи-то мольбы, снова крик...

«Ярослава... – шепот ветра, – Ярусик... ведьмочка моя нежная... мой Ярусик... иди ко мне... Я здесь, слышишь? Я совсем рядом... протяни руку...»

И я повернулась назад и протянула ладонь в пустоту перед собой... ее взяли, очень осторожно. Я не знаю кто, но я чувствовала прикосновения... к пальцам, к ладони, к запястью... И поцелуй, осторожный, трепетный...

– Иди ко мне, – прошептал знакомый голос, – все хорошо... я рядом. Все хорошо, Ярусь.

И мир свалился на меня!

Оглушил светом, шумом, запахами! Я закричала, пряча лицо у мага на груди, закрывая уши руками, сожмуриваясь до боли, в попытке защитить глаза. Закричала снова, когда поняла, что становится только хуже...

Шум крыльев, жар его тела, треск раздираемой мускулами одежды и стало темно... и хорошо как-то.

– Ярусь, – прошептал Инар, – все... Тебе свет мешал, да?

А вокруг слышались крики «Демон!», и главный тоже орал, но почему-то: «Не стрелять»...

И я открыла глаза, осмотрелась и улыбнулась, потому что:

– Ты научился складывать крылья так, чтобы сверху дождь не капал.

– Оно как-то само, – признался Инар. – Ты так кричала, и я испугался, и оно как-то так вышло.

– Купол, – прошептала я, – мне так деда в детстве делал, я говорила: «Дед, сделай мне домик».

– Деда твоего видел мельком, все больше общался с дядей.

– А-а-а... – Дядя у меня суровый и злой, настоящий демон. – И как?

– Мы не достигли... консенсуса. – Инар чуть-чуть приоткрыл купол.

Тоненький лучик света проник в наш уютный мирок, освещая лицо демона. Все еще встревоженное лицо.

А еще к нам проник шум и какой-то странный гул.

– Это что гудит? – спросила я.

– Кладбище, – маг все еще обнимал, а после этих слов и вовсе сжал так, что больно стало. – Ярусь, давай ты больше в такие авантюры влезать не будешь?

– В какие авантюры? – не поняла я.

– В опасные!

– Да что там опасного?

Инар развернул меня, прижал спиной к своей груди и осторожно раздвинул крылья. Совсем чуть-чуть, но так, чтобы я увидела огромную воронку на месте кладбища и смерч, гудящий над ним! Смерч казался нереально огромным, но это не было странным... странно было то, что он уходил в землю, медленно, но неумолимо утягивая остатки древнего кладбища...

Я испуганно вскрикнула, и купол вновь сомкнулся, отрезая нас от всего мира. Инар обнял меня и стоял молча, позволяя привыкнуть к страшной мысли... что там, на том кладбище, были и прорицатели...

– Ярослав, – голос главного я узнала бы везде, он даже нарастающий гул перекрыл, – ты в порядке?

– Нет, – ответил за меня Инар. – Она не в порядке!

И тут я вспомнила!

– Магистр Рханэ. – Я торопливо выпуталась из купола, привычно отодвинув правое крыло и поднырнув под левым, опыта у меня было хоть отбавляй. – Магистр Рханэ, его нельзя отпускать!

Свет повторно ослепил, и я опять закрыла глаза руками.

– Кого нельзя отпускать, Ярослава? – главный подошел, обнял за плечи.

– Кладбище, – уверенно сказала я, – его страж – душа старшей Эльвейс, эту душу нужно успокоить.

И глаза я все-таки открыла. Они жутко слезились и страшно болели, но я все же увидела потрясенный взгляд главного. И добавила:

– И там был Ваэдан Шмидкович... в момент убийства девушки. Иной хотел показать, но я не пошла, меня ветер остановил.

Некромант молча указал рукой на смерч, и я разглядела, ужасаясь, свою туфельку... на самом краю обрыва, в которое проваливалось кладбище.

– Ты с кем-то говорила, потом сказала, что она умерла. Это была Исана Эльвейс, да?

– Да, – едва слышно ответила я.

Смерч утянул мою туфельку...

– И после этого сработало какое-то древнее заклятие. Смерч охватил все кладбище, стало понятно, почему оно круглой формы. Прорицатели с трудом спаслись, все с увечьями разной степени тяжести, а ты не отзывалась на крики. Проникнуть было невозможно... А ты все шла и шла к бездне... Ярослава... – Некромант судорожно вздохнул. – Ты шла в воронке, тебя остановил Инар.

– Ветер, – прошептал я...

– Инар.

Я с ужасом смотрела на воронку, а потом вспомнила про медальон. Рука метнулась к шее и... там было пусто! Мощный амулет защиты, надетый на меня дедом едва ли не сразу после рождения, попросту исчез... Это казалось невозможным, невероятным и неправильным и могло означать только одно... капец мне вместе с тыгыдымсом!

– Все, – пробормотала расстроенная я, – накрылась моя свобода.

– Что? – не понял главный.

– Спасайся кто может, – предельно честно ответила некроманту.

Когда затряслась земля, я даже не удивилась.

– ЯРОСЛАВА!!!

Мама деда опередила. Разгневанная дриада явилась посреди воронки... и та испуганно исчезла, уложив осколки кладбища у ног моей доброй и милой мамы.

– Ярослава, – прошипела мать, – это что?!

Как оказалось, пышное розовое платье заслонило сюрприз, который мамуля держала за волосы, а сейчас бросила вниз. На желтую траву упала обнаженная светловолосая девушка. Ташши оказался единственным рыцарем, стремительно снявшим плащ и прикрывшим рыдающую находку взбешенной мамочки. Мама у меня людей не очень-то любит...

– Молчишь?! – прошипела смесь дриады и демона и сошла по осколкам древних могил, как по ступеням. Стремительно приблизилась к испуганной девушке, сорвала с ее шеи мой медальон и направилась ко мне. Над лесом гремело: «НИКАКИХ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ! НИКАКОЙ ШКОЛЫ ВЕДЬМ! СИДИШЬ ДОМА ДО ПЯТИДЕСЯТИ ЛЕТ ПОД МОИМ НЕУСЫПНЫМ НАДЗОРОМ!»

Если честно, в этот момент я думала не о магах и даже не о нашем главном, который с изумлением смотрел на принесенную мамой деву, я думала о...

– ЯРА АННАРГЕ ТАИМ АЛВА! – да, дед чуть-чуть запоздал, но вот как раз его мне было жалко больше всех.

Потому как маменька выдохнула только одно слово:

– Убью!

Дед мгновенно оценил расстановку приоритетов и... смылся. Жаль, что меня с собой не забрал. Очень жаль. Потому что мне пришлось выслушать дальше:

– Я, – орала маменька, – ненавижу оживлять иных!!! И мне особенно не нравится делать это, в ужасе думая, что возвращать к жизни приходится собственную дочь!!! Но конкретно ненавижу, когда это оказывается чья-то чужая дочь!!!

И тут до меня дошло, кто была та обнаженная девушка. И улыбка против моей воли появилась на лице. Хотя я зря улыбнулась...

– ДОМОЙ! – взревела дриада. – ЗАПРУ! НАВЕЧНО!!!

От ее крика буквально гнулись деревья, однако нашелся один человек, которому, как выяснилось, было не очень страшно:

– Вот ведь, всегда думал, что самая страшная теща мне досталась. Однако как приятно оказаться неправым, – протянул главный.

Это он зря. С невероятной, звериной скоростью дриада повернулась к некроманту, и я невольно кинулась к ним, в ужасе понимая, что от министра сейчас ничего не останется. Но матушка, схватив его за шею,

вдруг отдернула руку. Задумалась, склонила голову набок и вновь протянула ладонь, задержав ее над лицом Рханэ. Затем до крайности подлая ухмылочка исказила лицо дриады, и мама протянула:

– Ошибаешшшся... твоя хуже. Даже я не додумалась бы до такого!

Главный, который продолжал улыбаться даже в момент покушения на его жизнь, улыбаться перестал. Побелел и сипло спросил:

– Что?

Но матушка уже утратила к нему всякий интерес и схватила меня за руку. Я только успела крикнуть: «Инар!», как портал поглотил нас обеих, перенеся в предместье Дарранта.